

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Д.А. Кондаков.
Редактор С.Е. Рясова.

Подписано к печати 25.03.2021. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 15,14. Тираж 100 экз. Заказ 175.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

**ДАСЛЕДАВАННЕ ПРАБЛЕМЫ ПСИХАЛАГІЗМУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ПРОЗЕ
Ў ПРАЦАХ А.П. МАТРУНЁНКА****А.М. ЧАРНАВОКАЯ***(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск)
lecsa87@gmail.com*

Артыкул прысвечаны навуковай дзейнасці літаратуразнаўцы Альфрэда Пятровіча Матрунёнка, які нарадзіўся ў вёсцы Падобы Віцебскай вобласці. А.П. Матрунёнак даследаваў творчасць Якуба Коласа, Змітрака Бядулі, Кузьмы Чорнага, Івана Шамякіна, Янкі Брыля, Івана Мележа і інш. Адметнасць яго прац – паглыблены прафесійны аналіз мастацкіх тэкстаў, арыентацыя на канкрэтную метадку даследавання. А.П. Матрунёнак з цікавасцю ставіўся да еўрапейскай прозы другой паловы ХХ ст., звяртаў увагу як на поспехі беларускай літаратуры, так і на яе праблемы, абумоўленыя адмоўнымі тэндэнцыямі савецкай эпохі. У працах А.П. Матрунёнка выяўляюцца асаблівасці творчай манеры беларускіх пісьменнікаў, супастаўляюцца розныя падыходы да псіхалагічнай распрацоўкі персанажаў.

Ключавыя словы: гісторыя беларускага літаратуразнаўства, аналіз мастацкага тэксту, аналітычны псіхалагізм, персанаж, савецкая ідэалогія.

Уводзіны. У асяроддзі беларускіх літаратуразнаўцаў 1970–1980-х гг. адметнай асобай быў Альфрэд Пятровіч Матрунёнак – нараджэнец вёскі Падобы Шаркаўшчынскага раёна Віцебскай вобласці. Свае навуковыя росшукі А. Матрунёнак прысвяціў праблеме псіхалагізму ў беларускай прозе ХХ ст. (творах Якуба Коласа, Змітрака Бядулі, Кузьмы Чорнага, Івана Шамякіна, Янкі Брыля, Івана Мележа і інш.). Працам А.П. Матрунёнка ўласцівая даследчыцкая смеласць, арыентацыя на канкрэтную метадку даследавання, мінімум эсэстычнасці і максімальная абгрунтаванасць высноў.

Як зазначаў В.Я. Халізеў, у працах многіх савецкіх літаратуразнаўцаў меў месца погляд як бы «скрозь твор»: увага была сканцэнтравана на культурна-гістарычным ці сацыяльным кантэксте, ідэйных уплывах, фактах біяграфіі пісьменнікаў і г.д. [1, с. 9]. Даследаванні А.П. Матрунёнка прыкметна адрозніваліся на агульным фоне скіраванасцю на аналіз менавіта мастацкіх тэкстаў. Выключную значнасць для яго мелі факты, «здабытыя шляхам уважлівага тэкстуальнага аналізу» [2, с. 183], якія былі адзінай падставой для высноў і падагульненняў.

Калі беларускія навукоўцы нярэдка пісалі пра творы вельмі агульна, акрэсліваючы гісторыка-культурны кантэкст, лаканічна звяртаючыся да розных узроўняў твора (ідэя, праблема, сюжэт, кампазіцыя, сістэма персанажаў), то А.П. Матрунёнак меў канкрэтны аб'ект даследавання і дакладную метадалогію. Азначаючы свой навуковы метада ён пісаў, што мае на мэце «прайсці дарогу твора і прасачыць паслядоўны рад чалавечых дзеянняў, рухаў, жэстаў – знешніх і унутраных, звяртаючы асаблівую ўвагу на тое, у якой меры яны выяўляюць псіхалогію характару» [3, с. 40]. Праз увесь твор даследчык быў побач з героем і назіраў, як аўтар канструюе яго вобраз, звяртаючыся да розных тыпаў псіхалагізму, якую мастацкую ролю адыгрываюць у творы апісанні і дыялогі, прасочваў, як спалучаюцца простая і няўласна-простая мова, вызначаў адметнасці падыходу розных пісьменнікаў да стварэння вобразаў-персанажаў.

Уважлівы аналіз твораў быў, безумоўна, плённым: у працах даследчыка шмат трапных назіранняў і цікавых ідэй, якія могуць быць развітыя ў сучасных працах. З гэтай прычыны бачыцца актуальным невялікі агляд навуковай дзейнасці А.П. Матрунёнка, які можа быць карысны для ўсіх, хто вывучае беларускую прозу ХХ стагоддзя.

Асноўная частка. А.П. Матрунёнак нарадзіўся 5 студзеня 1940 г. Вучыўся ў Беларускай дзяржаўным універсітэце. Яшчэ да паступлення ў аспірантуру Акадэміі навук БССР быў аўтарам некалькіх навукова-папулярных выданняў: «Школа юнага рыбалова» (1960) і «Для цікаўных» (1964) – невялікага зборніка аповяданняў пра незвычайныя рэчы, з'явы і навуковыя вынаходніцтвы.

У 1968–1993 гг. А.П. Матрунёнак працаваў у Інстытуце літаратуры Акадэміі навук БССР, у 1969 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю. Выдаў тры аўтарскія манаграфіі: «Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамане» (1972), «Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана» (1975), «Псіхалагічная проза: Традыцыі і час» (1988). Быў аўтарам калектыўнай манаграфіі «Нараджэнне новага мастацтва» (1980, разам з Л.Я. Гараніным і А.С. Яскевічам).

Праца «Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамане» (1972) была для беларускага літаратуразнаўства «першай спробай даследавання псіхалагічнага аналізу ў тыпалагічным плане» [4, с. 80], што неаднойчы адзначалі калегі А.П. Матрунёнка [2, с. 186], [5, с. 144]. У гэтай манаграфіі, як і ў далейшых працах, даследчык вылучаў два асноўныя тыпы псіхалагізму: дынамічны і аналітычны. Прыклад дынамічнага (знешняга) псіхалагізму – проза А.С. Пушкіна, дзе «раскрыццё духоўнага вобліку герояў неаддзельна

ад апісання іх дзеянняў, учынкаў» [3, с. 18], на першым месцы знаходзіцца паказ знешняга жыцця, тым часам як выяўленне жыцця ўнутранага адыходзіць на другі план.

Аналітычны псіхалагізм, пры якім на першым месцы знаходзіцца «жыццё ўнутранае, рэфлексія і самааналіз» [3, с. 88], разглядаўся найперш на матэрыяле прозы М.Ю. Лермантава. А.П. Матрунёнак адзначаў, што дынамічны і аналітычны псіхалагізм «нягледзячы на іх пэўную процілегласць, нельга ўяўляць ізаляванымі адзін ад аднаго. Узаемадзеянчаючы паміж сабой, яны даюць мноства пераходных з'яў» [3, с. 150], што дазваляе вылучыць трэці – сінтэтычны – тып псіхалагізму, які прысутнічае ў творах, дзе «немагчыма выявіць перавагу адной формы псіхікі над другой» [3, с. 151] – як у раманах Л.М. Талстога «Вайна і мір».

Даследчык неаднойчы звяртаў увагу на тое, што пытанне псіхалагізму ў савецкай літаратуры і літаратуразнаўстве было востра дыскусійным. Арыентацыя на апсіхалагізм прадвызначыла тое, што «прац агульнага плана, якія разглядалі б пытанні тэорыі псіхалагічнага аналізу ў розных яе аспектах» [3, с. 9] на той час было вельмі мала.

Безумоўна, у вылучэнні асноўных тыпаў псіхалагізму А.П. Матрунёнак ішоў следам за расійскімі даследчыкамі: акадэмікамі М.Б. Храпчанкам і Д.Д. Благім, літаратуразнаўцамі У.Я. Лакшыным, В.В. Кожынавым, Л.М. Мышкоўскай. Але падрабязны разгляд тыпаў псіхалагізму на матэрыяле беларускай прозы (раманах І. Шамякіна, Я. Брыля і І. Мележа) быў актуальным, бо даследчык, па-першае, дэманстраваў новы падыход да аналізу твораў, па-другое, вылучаў асаблівасці творчай манеры беларускіх пісьменнікаў.

Творчасць Івана Шамякіна А.П. Матрунёнак пазіцыянаваў як прыклад дынамічнага псіхалагізму: «Там, дзе раманіст мае справу з перадачай псіхічнага жыцця ... праз учынкi, жэсты, знешнасць, г. зн. праз знешняе дзеянне, там ёсць не толькі праўда думак, але і пачуццёў, перажыванняў ... як толькі справа даходзіць да паказу працэсу ўнутранага жыцця, непасрэдна ў форме рэфлексіі, самааналізу, плыні свядомасці, знікае ўнутраная логіка ... пачынаецца адвольнае канструяванне статычных псіхічных станаў, слаба звязаных з папярэднімі і з наступнымі» [3, с. 84]. Датчына рамана «Сэрца на далонях» даследчык адзначаў, што «з усіх сродкаў псіхалагічнай абмалёўкі характару пісьменнік аддае яўную і неаспрэчную перавагу дыялогу» [3, с. 61]; многія сцэны твора пабудаваны па ўсіх законах драматычнага мастацтва – але мы «глядзім» на іх вачыма І. Шамякіна [3, с. 45] – што ёсць прыкметай дынамічнага псіхалагізму.

Пра Янку Брыля – «лірыка па характары свайго таленту» [3, с. 96] – даследчык адзначаў, што ўсе яго буйныя рэчы – «гэта творы звычайна аднаго героя і ўяўляюць сабой карціны жыцця, убачаныя як бы “знутры”, з пазіцыі гэтага галоўнага героя. Выдзяляючы яго для сябе сярод іншых персанажаў, аўтар з гэтым максімальна набліжае сваё успрыманне жыцця да ўспрымання яго гэтым героем» [3, с. 96]. Найбольш вядомы твор гэтага аўтара – роман «Птушкі і гнёзды» – створаны праз зварот да аналітычнага псіхалагізму, што пацвярджаецца аналізам партрэтных замалёвак, дыялогаў, унутраных маналогаў.

Прыкладам трэцяга – сінтэтычнага – тыпу псіхалагізму паўстае роман І. Мележа «Людзі на балоце». Персанажы гэтага твора для аўтара раўназначныя – «кожнага з іх пісьменнік даследуе з аднолькавай увагай, кожнаму “дае слова”, дае магчымасць выказаць свае меркаванні, думкі і пачуцці, свой погляд на тыя або іншыя з'явы жыцця, падзеі, асоб» [3, с. 165], што робіць твор блізім да поліфанічных раманаў Ф.М. Дастаеўскага [3, с. 202]. «Іван Мележ у аднолькавай меры валодае майстэрствам перадачы як унутранага жыцця герояў, так і іх знешняга жыцця <...> Адзінства гэтых двух метадаў пазнання псіхалогіі чалавека дазволіла раманісту па-сапраўднаму глыбока і зразумець і паказаць у рамана сваіх герояў» [3, с. 173] – падкрэсліваў А. Матрунёнак.

Варта зазначыць, што першая праца А. Матрунёнкі была дастаткова нехарактэрнай для тагачаснага беларускага літаратуразнаўства, пра што яскрава сведчыць яе абмеркаванне ў перыёдыцы. Рэцэнзент У.М. Юрэвіч дастаткова высока ацэньваў манаграфію, але падыход А. Матрунёнкі падаваўся яму новым і нязвыклым: «Мы прызвычаліся ў літаратуразнаўчых і крытычных працах больш бачыць раскрыццё сацыяльнай сутнасці твора, і кожны захад, скіраваны на высвятленне сродкаў, якімі пісьменнік рэалізуе сваю мастацкую ідэю, часам бянтэжыць незвычайнаасцю падыходу да літаратурнай з'явы знутры, ад слова як першаасновы літаратуры. Але мне здаецца, што А. Матрунёнак, дэталёва разбіраючы сказы з рамана, саступае пад час на малаплённую сцэжку анатаміравання тэксту» [6, с. 230]. У якасці прыкладу прыводзілася месца, дзе даследчык цытаваў даволі вялікі дыялог, прасочваючы, як пісьменнік характарызаваў герояў праз рэмаркі і простую мову. Гэты фрагмент наўрад ці можа выклікаць пытанні сэнна, але ў пачатку 1970-х гг. такая зануранасць у тэкст выглядала падазронай.

У.М. Юрэвіч звяртаў увагу на тое, што «патрэбна больш усебаковае, глыбокае даследаванне» [6, с. 233], бо першая праца выканана на падставе аналізу некалькіх твораў. Рэцэнзенту не імпанавалі задта вузкія вывады, якія тычыліся менавіта даследаванага матэрыялу і былі каштоўныя сваёй абсалютнай абгрунтаванасцю. Разам з тым, новы падыход падаваўся крытыку патрэбным, бо «да спецыфічна эстэтычных пытанняў мастацтва слова нашы крытыка і літаратуразнаўства звяртаюцца яшчэ рэдка і нясмела. Занятка гэты куды больш турботны, чым пераказаць змест твора» [6, с. 233] – і праца А. Матрунёнкі была рэалізацыяй менавіта гэтага «вузкаскіраванага» падыходу.

Рэцэнзія Г.Д. Сіненкі была больш добразычлівай, папрок У.М. Юрэвіча ў празмерным «анатаміраванні тэксту» падаваўся рэцэнзенту неабгрунтаваным. «Менавіта дэталёвы аналіз слова як першаэлемента мастацкага твора ёсць магчымасць пранікнення ў творчую лабараторыю пісьменніка. <...> Калі аўтар ставіць мэту аб'ектыўнага даследавання пэўнай эстэтычнай катэгорыі, то чым больш глыбока і тонка ён “праанатаміруе” тэкст, тым больш эфектыўным будзе вынік» [2, с. 184].

Г.Д. Сіненка, кандыдат філалагічных навук, выкладчык БДУ, быў больш дасведчаны ў тонкасцях літаратуразнаўства, і, верагодна, часцей сустракаўся з вузкаскіраванымі даследаваннямі, чым У.М. Юрэвіч – вядомы журналіст, крытык, радыёведучы. Палеміка яскрава сведчыць, што даследаванне, дзе аўтар быў не схільны разважаць на агульныя тэмы, а аналізаваў менавіта тэкст – прафесійна, дэталёва, арыентуючыся на пэўную метадалогію, – было з’явай не тыповай для літаратуразнаўства пачатку 1970-х гг., і вартасць такіх прац магла ставіцца пад сумнеў. Магчыма, адгукуючыся на крытычныя заўвагі, А.П. Матрунёнак у пазнейшай манаграфіі падкрэсліваў: «Вузкасць праблематыкі не варта блытаць з дробнасцю. Звужэнне поля зроку кампенсуецца павелічэннем яго “кратнасці”, што дазваляе заўважыць такія “дэталі” і “дробязі”, якія могуць не толькі ўдакладніць, але і карэнным чынам змяніць усю канцэпцыю» [7, с. 263].

Важна падкрэсліць, што А.П. Матрунёнак быў аб’ектыўным у ацэнцы твораў і не лічыў апырэры «лепшым» пэўны тып псіхалагізму. Проза А.С. Пушкіна была ў гэтым плане важным аргументам: «няразвітасць у пушкінскай прозе прамога паказу ўнутранага жыцця, вядома, не значыць, што ў ёй не раскрытаецца псіхалагічны змест вобраза. Адсутнічае толькі “непасрэдны псіхалагізм” (Л.М. Мышкоўская), г. зн. прамы паказ плыні думак і пачуццяў, раскрыццё псіхалогіі ў яе ўнутранай суб’ектыўнай форме» [8, с. 39].

«Якім шляхам ісці? Паказваць псіхалагічнае жыццё герояў знешне, “аб’ектыўна”, у такіх формах, якія даступны назіранню збоку, дапускаючы толькі паасобныя апісанні і замалёўкі ўнутраных перажыванняў і псіхалагічных станаў для матывіроўкі паводзін, учынкаў, дзеянняў, ці, наадварот, апісваць у рамане перш за ўсё ўнутранае жыццё, рух саміх пачуццяў, перажыванняў, станаў, адводзячы “аб’ектыўнаму” раскрыццё псіхалогіі другарадную ролю?» [8, с. 44]. А.П. Матрунёнак не прапаноўваў адзінага адказу на пытанне і дапускаў абсалютна свабодны выбар паміж гэтымі варыянтамі – галоўнае, каб абраны шлях быў найбольш арганічны для творцы і прыводзіў да аптымальных мастацкіх вынікаў.

У наступнай манаграфіі – «Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана» – даследчык звярнуўся да аналізу беларускай прозы першай паловы ХХ стагоддзя. У першым раздзеле ён разглядаў розныя падыходы да выяўлення ўнутранага жыцця чалавека ў розных родах літаратуры. Далей, абвясціўшы раман сінтэтычным жанрам, які «стаіць як бы на чале ўсёй літаратуры» [8, с. 32] – і, умоўна кажучы, знаходзіцца па-над літаратурнымі родамі – А.П. Матрунёнак прапаноўваў вылучаць тры «самастойныя спосабы псіхалагічнага аналізу» [8, с. 35] – эпічны, драматычны і лірычны. Гэтыя спосабы псіхалагічнага аналізу даследчык спачатку разглядаў на матэрыяле расійскай прозы: у творах Пушкіна мелі месца «тыпова драматургічныя формы выражэння дзеяння [8, с. 37], раманы Лерманатава былі блізкія да лірыкі [8, с. 43], «гогалёўскі» спосаб псіхалагічнага аналізу вызначаўся як блізкі да эпічнага [8, с. 48], прычым «пушкінскі» і «гогалёўскі» спосабы псіхалагічнага аналізу пазіцыянаваліся як два тыпы аб’ектыўнага псіхалагізму, тым часам як лірычны псіхалагізм быў тоесны суб’ектыўнаму псіхалагічнаму аналізу.

Прапанаваў А.П. Матрунёнкам канцэпцыя не атрымала значнага распаўсюджвання ў беларускім літаратуразнаўстве, але, цалкам верагодна, дапамагла даследчыку вызначыць умоўныя арыенціры, якія былі патрэбны для аналізу канкрэтнага літаратурнага матэрыялу: твораў Цішкі Гартнага, Якуба Коласа, Міхася Зарэцкага, Кузьмы Чорнага.

У дачыненні да творчасці Ц. Гартнага высновы А.П. Матрунёнкі супадалі з меркаваннямі А. Адамовіча і М. Стральцова: «талент Гартнага – талент эпічны» [8, с. 74], таму ў рамане «Сокі цаліны» эпізоды, дзе аўтар звяртаецца да дынамічнага псіхалагізму, атрымліваюцца больш паспяховымі, чым пры звароце да аналітычнага псіхалагізму (карціны ўнутраных перажыванняў герояў не вельмі пераканаўчыя [8, с. 88]; «ўся безліч дэталей і падрабязнасцей слаба “працуе” на характары, існуе як бы сама па сабе, незалежна ад іх» [8, с. 75]).

Даследаванне прозы Я. Коласа дазволіла вылучыць некалькі этапаў у творчасці класіка. Напачатку пісьменнік «імкнуўся, як і ў лірыцы, авалодаць жыццём у яго аб’ектыўных, знешніх праявах – “гісторыі”, здарэнні, бытавыя замалёўкі, сцэнкі, “спісаныя” аўтарам з самога жыцця, або запазычаныя з фальклору» [8, с. 115]. Другі этап азначаны спробай аналітычнага даследавання ўнутранага жыцця [8, с. 122], якую даследчык звязвае з такімі творами, як «Новая зямля», «Сымон музыка», «На ростанях». Галоўны герой А. Лабановіч выяўляецца «ў адзінстве знешняга і ўнутранага, і дзейнічае і перажывае» [8, с. 138], мы бачым яго не толькі «знешне», але і «знутры», у шматлікіх карцінах і замалёўках плыні думак, пачуццяў, адчуванняў, настрояў, псіхалагічных станаў [8, с. 144]. Канец 1920-х гг. у творчасці Я. Коласа зноў адзначаны зваротам да дынамічнага псіхалагізму, «паваротам да “інтарэсу падзей”» [8, с. 159]. У пэўным сэнсе пераходным творам стала аповесць «На прасторах жыцця», дзе добра паказаны ўзаемаадносінны галоўных герояў і разам з тым «выразна праявілася тэндэнцыя да спрошчанага паказу жыцця паслярэвалюцыйнай вёскі» [8, с. 149].

Разнастайнай паўстае і проза Міхася Зарэцкага. Гэты празаік, як адзначаў А.П. Матрунёнак, паўстае «рамантыкам, схільным да высокай патэтыкі, драматызму, вострых канфліктаў і напружаных сюжэтных сітуацый» [8, с. 178]. Некаторым яго апавяданням уласцівыя «схематызацыя жыцця, згладжванне рэальнай складанасці і супярэчлівасці характараў і канфліктаў, імкненне ўціснуць іх у загадзя складзеныя абстрактныя формулы» [8, с. 176]. Але найбольш вядомыя творы М. Зарэцкага, пабудаваныя на «вострых ўнутраных калізіях, на ўнутраным дзеянні, на даследаванні пачуццяў і перажыванняў герояў» [8, с. 181]. Сярод іх пераважаюць «“біяграфіі” аднаго або двух-трох цэнтральных герояў, разгорнутыя ў карцінах іх ўнутраных перажыванняў» – «своеасаблівы ўнутраны партрэт чалавека, дадзены або “знутры”, праз самааналіз, праз ўнутраную мову, або “збоку”, вачыма аўтара, які сам даследуе душу свайго персанажа, або спалучэнне аўтарскага аналізу і самааналізу героя» [8, с. 181].

Значны раздзел прысвечаны творчасці Кузьмы Чорнага, які «з самага пачатку свайго творчага шляху складваецца як псіхолаг-аналітык, мастак “унутранага” чалавека» [8, с. 221]. Аднак у творчасці К. Чорнага таксама выявіліся адмоўныя тэндэнцыі савецкай эпохі. Як падкрэсліваў А.П. Матрунёнак, у 1930-х гг. творы К. Чорнага «пачынаюць “засяляцца” “напаўжывымі” профілямі, увасабленнямі пэўных сацыяльных становішчаў, груп, класаў, нацый, рэлігій. Яўная перавага абагульнення над індывідуалізацыяй вяла да таго, што не толькі дзюгарадныя і эпизадчыныя вобразы, але і вобразы пярэдняга плану як бы ачышчаюцца аўтарам ад усяго выпадковага і нехарактэрнага. У выніку характары зьбядняюцца, становяцца аднапланавымі, яны лягчэй ператвараюцца ў схемы, што выконваюць волю аўтара» [8, с. 288].

Аналіз беларускай прозы дазволіў прадэманстраваць, што аўтары «з’яўляюцца пераважна або “суб’ектыўнымі”, або “аб’ектыўнымі”» [8, с. 295], бо мае месца «ўнутраная “скіраванасць” самога таленту часцей толькі на пэўны тып псіхалагічнага аналізу» [8, с. 293]. Пры гэтым пісьменнік цягам усяго творчага шляху «як правіла, не застаецца ў межах нейкага аднаго тыпу псіхалагічнага аналізу» [8, с. 289], і часта на гэты ўплываюць экзатэрычныя фактары – абставіны літаратурнага жыцця, якія вымушаюць арыентавацца на пэўныя творчыя прынцыпы, што мела месца ў СССР у 1930–1950-я гг. А.П. Матрунёнак падкрэсліваў, што «надзейная гарантыя “нармальнасці” і натуральнасці развіцця жанру рамана» – гэта «суіснаванне і ўзаемадзеянне розных тыпаў псіхалагічнага аналізу» [8, с. 301].

Даследчык абіраў для аналізу самыя лепшыя творы – пры гэтым заўсёды імкнуўся да аб’ектыўнасці, звяртаў увагу не толькі на вартасці, але і на недахопы – у прыватнасці, твораў Ц. Гартнага, Я. Коласа, М. Зарэцкага, І. Шамякіна, Я. Брыля. Рэцэнзенты А.П. Матрунёнкі таксама былі дастаткова крытычныя, і можна пагадзіцца, што ў першай манаграфіі даследчык часам быў занадта суб’ектыўным, а ў другой занадта рызыкаўна ставіў раман на першае месца ў параўнанні з іншымі літаратурнымі жанрамі.

У 1980 г. выйшла з друку калектыўная манаграфія «Нараджэнне новага мастацтва» (з падзагаловак «Сацыялістычны рэалізм – заканамернасць гістарычнага развіцця беларускай літаратуры»). Мэтай даследавання было «вывучэнне ўзнікнення і станаўлення сацыялістычнага рэалізму ў беларускай літаратуры» [7, с. 3], але ў самым пачатку кнігі змяшчалася цытата з Д.Ф. Маркава [7, с. 7] – прагрэсіўнага на той час даследчыка, сапраўднага члена АН СССР, дырэктара Інстытута славяназнаўства. У 1970-я гг. Д.Ф. Маркаў прапанаваў канцэпцыю соцрэалізму як адкрытай эстэтычнай сістэмы, што фактычна легалізавала літаратуру, створаную паводле традыцый «не толькі рэалізму і “рэвалюцыйнага рамантызму”, але і ўсяго шырокага спектра сусветнага мастацтва» [9, с. 329].

Безумоўна, канцэпцыя Д.Ф. Маркава імпанавала А.П. Матрунёнку і многім ягоным калегам. І на старонках калектыўнай манаграфіі даследчык пісаў нязмушана і свабодна. У раздзеле «Праблема характару ў літаратуры сацыялістычнага рэалізму» А.П. Матрунёнак падкрэсліваў важнасць вобразаў-характараў у мастацкай прозе. Напачатку ён аналізаваў вобразы-персанажы ў творах Ядвігіна Ш., З. Бядулі, Цёткі, Я. Коласа, М. Гарэцкага з тым, каб выявіць іх адметнасць і вызначыць, да якой катэгорыі – тыпу ці характару – іх можна аднесці. Даследчык звяртаў увагу на шэраг цікавых тэм, яскравых мастацкіх вобразаў у дарэвалюцыйнай прозе і падкрэсліваў важную для кнігі ідэю: гістарычная заканамернасць станаўлення сацыялістычнага мастацтва выявілася ў яго здольнасці «браць у спадчыну ўсё лепшае ад літаратуры мінулых эпох і развіваць яго ў новых гістарычных умовах, на новым ідэйна-эстэтычным узроўні» [7, с. 260].

Аглядаючы творы 1920–1930 гг. ён падкрэсліваў недахопы прозы так званага «фальклорна-рамантычнага тыпу», героі якой былі шаблоннымі, спрошчанымі, схематычнымі. Як адзначаў даследчык, у гэтых творах «многае ідзе ад казкі і гераічнага эпаса, персанажы якіх таксама не маюць індывідуальна-непаўторнага пачатку. Індывідуальнае ў іх цалкам паглынаецца агульным, герой, па сутнасці, застаецца схемай, пустой абалонкай, ён роўны сваім подзвігам, учынкам і характарызуецца перш за ўсё тым, што ён робіць, а не тым, як ён гэта робіць» [7, с. 277]. Адною з характэрных уласцівасцей фальклорна-рамантычнай прозы, якая па сутнасці з’яўлялася мэйнстрымам савецкай літаратуры, было супрацьпастаўленне станоўчых і адмоўных персанажаў, дзе станоўчы персанаж – «носьбіт гераічных якасцей, даведзеных да крайнасці, гіпербалізаваных», яго антаганіст – «увасабленне суцэльнага зла, у ім усяляк падкрэсліваюцца праявы звычайнай жорсткасці ў спалучэнні з такой жа паталагічнай баязлівасцю, схільнасцю да п’янства, распусцы і г. д.» [7, с. 277]. Натуральна, такія вобразы ствараліся без звароту да псіхалагізму таго ці іншага тыпу. І калі А.П. Матрунёнак у пачатку раздзела акцэнтаваў важнасць характару як «галоўнай, цэнтральнай праблемы літаратуры» [7, с. 201], то напрыканцы недвухсэнсоўна ўказаў на тое, што многія вобразы-персанажы ў творах 1920–1930 гг. не мелі вялікай мастацкай значнасці праз ідэалагічную зададзенасць, шматлікія абмежаванні, якія ўводзіліся ў той час для твораў.

Падагульненнем даследаванняў А.П. Матрунёнкі стала манаграфія «Псіхалагічная проза» (1988). Першы раздзел – «Псіхалагічная проза. Пытанні тэорыі і гісторыі», – які складае амаль палову кнігі, прысвечаны развіццю жанру рамана з антычных часоў і выяўленню розных тыпаў псіхалагізму.

Датычна беларускай прозы А.П. Матрунёнак звяртаў увагу на значную дыстанцыю ад прозы еўрапейскай: у той час, калі ў еўрапейскай літаратуры развіваўся раман патоку свядомасці, беларуская проза знаходзілася на этапе станаўлення [10, с. 90] і мела перад сабой «цэлыя эпохі развіцця сусветнай прозы ў жанры рамана» [10, с. 109]. Даследчык шмат разважаў пра «спецыфіку прагрэсу ў літаратурах позняга фарміравання» [10, с. 111], пра асаблівасці паскоранага развіцця беларускай літаратуры.

На прыкладзе твораў Ядвігіна Ш., З. Бядулі, Я. Коласа, М. Гарэцкага А.П. Матрунёнак прадэманстраваў, што 1900–1910-я гг. – час «першай хвалі суб’ектывізацыі» ў беларускай літаратуры. Развіццё суб’ектыўнага

пачатку ў прозе Ядвігіна Ш. выяўляецца ў апавяданнях, напісаных ад першай асобы [10, с. 133]; сярод твораў З. Бядулі маюць месца апавяданні, дзе даецца «грунтоўная псіхалагічная матывіроўка паводзін і ўчынкаў герояў» [10, с. 144]; суб'ектыўную манеру пісьма «з выкарыстаннем у той ці іншай ступені рамантычных спосабаў і сродкаў раскрыцця характараў» [10, с. 152] выкарыстоўваў М. Гарэцкі. Суб'ектывізацыя мела месца і ў паслярэвалюцыйнай прозе – у творах Я. Коласа, М. Гарэцкага, М. Зарэцкага. У манаграфіі паўтараюцца крытычныя пасажы, якія тычацца героіка-рамантычнай аповесці і апавядання, на прыкладзе творчасці М. Зарэцкага яскрава выяўлены складанасці, якія ў 1920–1930-х гадах чакалі пісьменнікаў пры распрацоўцы станоўчых і адмоўных вобразаў. Такім чынам, аналіз вобразаў-персанажаў, выяўленне розных тыпаў псіхалагізму дазволіла даследчыку звярнуць увагу як на дасягненні беларускай прозы, так і на яе праблемы.

Аналіз прац А.П. Матрунёнкі дазваляе звярнуць увагу на шэраг іншых важных аспектаў:

- стаўленне даследчыка да еўрапейскай прозы – падаецца, у параўнанні з калегамі ён найбольш прыхільна і зацікаўлена пісаў пра Дж. Джойса, Н. Сарот і іншых пісьменнікаў-модэрністаў;
- плённы ўдзел А.П. Матрунёнкі ў дыскусіі пра фарміраванне беларускай літаратуры XX ст. – палемізуючы з навукоўцамі, якія адстойвалі канцэпцыю «перарастання фальклорнай прозы ў літаратурную» [10, с. 93], ён звяртаў увагу на вельмі важную акалічнасць – абумоўленасць прозы пачатку XX ст. запатрабаваннямі і густамі тагачаснага чытача;
- асэнсаванне спецыфікі жаночых вобразаў у мужчынскай прозе XX ст. – у манаграфіях А.П. Матрунёнкі ў параўнанні з працамі іншых літаратуразнаўцаў аналізу жаночых вобразаў прысвечана шмат увагі і зроблена багата цікавых назіранняў.

Заклучэнне. Грунтоўны аналіз твораў 1910–1960 гг. дазволіў А.П. Матрунёнку зрабіць шэраг трапных заўваг, якія тычыліся асаблівасцей творчай манеры пісьменнікаў, распрацоўкі пэўных вобразаў, тэм і праблем. У якасці прыкладу можна прывесці старонкі, на якіх літаратуразнаўца разважаў пра глыбокую сацыякультурную абумоўленасць беларускага падыходу да тэмы кахання ў мастацкай прозе [10, с. 148] або праз супастаўленне жаночых вобразаў у творах Я. Коласа і З. Бядулі звяртаў увагу на яскравыя адрозненні ў мастацкай канцэпцыі чалавека [7, с. 237]. Працы А.П. Матрунёнкі былі яскравым прыкладам таго, што выкарыстанне пэўнай метадалогіі, уважлівая праца з творам дазваляе рабіць як канкрэтныя, цалкам абгрунтаваныя высновы па літаратуры пэўнага перыяду, так і цікавыя назіранні па асобных мастацкіх тэкстах. Даследчыкі, якія вывучаюць творчасць Я. Коласа, З. Бядулі, М. Зарэцкага, М. Гарэцкага, Я. Брыля і сёння могуць знайсці шмат карысных ідэй у працах А.П. Матрунёнкі.

ЛІТАРАТУРА

1. Хализев, В.Е. О составе литературоведения и специфике его методологии / В.Е. Хализев // Социальные и гуманитарные науки в XX веке : сб. ст. / редкол.: А.А. Ревякина [и др.]. – М. : ИНИОН РАН, 2001. – С. 7–29.
2. Синенко, Г. Исследуется современная проза / Г. Синенко // Нёман. – 1974. – № 5. – С. 182–185.
3. Матрунёнкі, А.П. Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамане / А.П. Матрунёнкі. – Мінск : Навука і мастацтва, 1972. – 221 с.
4. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы – Мінск : Бел. навука, 1999–2003. – Т. 4, кн. 1 : 1966–1985. – 2002. – 928 с.
5. Андраюк, С. Сваім шляхам / С. Андраюк // Маладосць. – 1973. – № 2. – С. 144–147.
6. Юрэвіч, У. Псіхалагічны грунт рамана / У. Юрэвіч // Польша. – 1973. – № 2. – С. 229–234.
7. Матрунёнкі, А.П. Праблема характараў ў літаратуры сацыялістычнага рэалізму / А.П. Матрунёнкі // Нараджэнне новага мастацтва / Л.Я. Гаранін, А.С. Яскевіч, А.П. Матрунёнкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 328 с.
8. Матрунёнкі, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А.П. Матрунёнкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 304 с.
9. Будагова, Л.Н. Ипостаси и варианты «самого прогрессивного метода эпохи». К столетию со дня рождения Дмитрия Федоровича Маркова / Л.Н. Будагова // Славянский альманах: 2014. – М. : Индрик, 2014. – Вып. 1–2. – С. 321–333.
10. Матрунёнкі, А.П. Псіхалагічная проза: Традыцыі і час / А.П. Матрунёнкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 205 с.

Пасцуніў 04.06.2020

THE STUDY OF PSYCHOLOGISM IN BELARUSIAN PROSE IN A. MATRUNENAK'S WORKS

A. CHARNAVOKAYA

The article is devoted to the works of the literary critic Alfred Matrunenak (born in the village of Podoby, Vitebsk region). A. Matrunenok studied the prose of Yakub Kolas, Zmitrok Byadula, Kuzma Chorny, Ivan Shamyakin, Yanka Bryl, Ivan Melezh and others. The distinctive feature of his works is an in-depth professional analysis of artistic texts, focus on a specific research methodology. A. Matrunenok was interested in European prose of the second half of the XXth century, he paid attention to both the successes of Belarusian literature and its problems caused by the negative tendencies of the Soviet period. A. Matrunenak's works reveal the peculiarities of Belarusian writers' style, compare different approaches to the psychological development of characters.

Keywords: history of Belarusian literary criticism, analysis of literary text, analytical psychologism, character, Soviet ideology.

УДК 821.112.2

**ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ
В ПЕРЕВОДАХ «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

канд. филол. наук **Е.В. ЛУШНЕВСКАЯ**
(Полоцкий государственный университет)
k.lushneuskaya@psu.by

В статье анализируются известные переводы «Песни о Нибелунгах» на русский язык, выполненные М.И. Кудряшевым и Ю.Б. Корнеевым. Перевод средневерхненемецкого эпоса – задача сложная. С одной стороны, необходимо сохранить поэтическую форму, с другой стороны, передать содержание, учитывая специфику средневекового сознания. Особое внимание уделяется таким понятиям, как *êre* (честь), *triuwe* (верность), а также *muote* (образ мыслей, состояние души, поведение). Проблема перевода заключается в том, что основные понятия средневековой культуры на языке оригинала очень емкие, в отличие от их русских эквивалентов, и не имеют прямых аналогов в современной культуре.

Ключевые слова: эпос, перевод, средневековое сознание, честь, верность, образ мыслей.

Введение. «Песнь о Нибелунгах» (*Der Nibelunge Nôt*¹, конец XII – начало XIII вв.) представлена 68 переводами на новонаемецкий язык, среди которых достойны упоминания переводы К. Зимрока (1827), К. Барча (1880), З. Гроссе (1997), Й. Хайнцле (2013). Первый перевод на русский язык был сделан М.И. Кудряшевым в 1889 г. [2], а в 1972 г. был издан перевод Ю.Б. Корнеева [3]. В 1976 г. А.Я. Гуревич публикует обширную статью, в которой детально анализирует вышеназванные издания [4]. В данной статье ученый приводит аргументы в пользу более раннего перевода «Песни о Нибелунгах», который выполнен «строчка в строчку», «не изменяя размера оригинала» [2, с. 23]. Переводчики народного эпоса стоят перед непростой задачей – сохранить поэтическую форму, не исказив при этом смысл. Нередко, соблюдая размер, они пренебрегают содержанием, осовременивая при этом типичные для далекой эпохи понятия. Описываемые в эпосе образ жизни, правила придворного церемониала, как правило, непонятны современной аудитории, что делает актуальной проблему точного перевода средневерхненемецкого текста. При этом, перенося читателя на столетия назад, следует учитывать специфику средневекового сознания.

Основная часть. Главные ценности западноевропейской средневековой культуры связаны с такими понятиями, как *êre* (честь), *triuwe* (верность), а также *muote* (образ мыслей, состояние души, поведение). Следует отметить, что на языке оригинала эти понятия очень емкие в отличие от их русских эквивалентов.

Центральное место в эпосе занимает понятие чести. Основная сложность перевода состоит в синтезе эпох, характерном для «Песни о Нибелунгах». Архаические представления о чести перенесены автором «Песни» в современную ему эпоху конца XII – начала XIII вв. Например, в описании процедуры приема гостей, мы встречаем древнегерманское понятие *êre* в значении «почтения»: «Mit zorne sprach dô Gîselher, / der schoenen Uoten sun: // “wir suln doch niht alle / meinlîchen tuon. // swaz *êren*² ir geschæhe, / vrô sollten wir des sîn. // swaz ir geredet, Hagene, / ich dien’ ir durch die triuwe“» (1213) [5, S. 366] – «Коль ждет *почетъ* сестрицу, / должны мы рады быть. // Что мнѣ ни говорите, / я буду вѣрно ей служить» [2, с. 287]. Переводчик позволяет себе использовать такие производные слова «честь», как «почет», «быть почтенным». В немецком варианте словосочетание *êren geschehen* могло бы переводиться как «оказывать честь». Автор сужает значение понятия до «почета» или «почести», что также не соответствует общему тону повествования, однако придает немного иное значение понятию. Интересно отметить, что оно соответствует духу рыцарской культуры времени ее расцвета, когда честь наделяется дополнительными характеристиками, связанными с придворным образом жизни.

В описании приема Кримхильды при дворе гуннов также используется словосочетание *êren geschehen*, что отсылает нас к рыцарскому этикету: «Wie si ze Rîne sæze, / si gedâht’ ane daz, // bî ir edelen manne; / i rougen wurden naz. // si hetes vaste hæle, / deiz iemen kunde sehen. // ir was nâch manigem leide / sô vil der *êren geschehen*» (1371) [5, S. 414] – «Но вспомнила Кримхильда / свое житье-бытье // На Рейнѣ съ милымъ;

¹ В статье цитаты приводятся из рукописи В, последняя строка которой заканчивается словами *der Nibelunge nôt*. Постепенно существительные с патронимическим суффиксом *-inga / -unga*, обозначающим ‘происхождение или принадлежность к чему-либо’ (названия династий, родовые имена) [1, с. 119], переходят в слабый тип склонения, и название эпоса приобретает форму *der Nibelungen Nôt* и, соответственно, *der Nibelungen Lied* (в новонаемецком языке *das Nibelungenlied*).

² Здесь и далее выделения курсивом в цитатах из «Песни о Нибелунгах» сделаны автором статьи. – Е.Л.

стали / мокры глаза ея. // Съ большимъ трудомъ съумѣла / скрыть грусть отъ всѣхъ она. // Как, послѣ бѣды столь многихъ, / была она тутъ почтена!» [2, с. 306]. Речь идет о пире, щедрых дарах, ларцах с серебром и золотом, которые щедро раздаривали гунны в честь приезда Кримхильды.

В рамках рыцарской культуры «почет» и «почести» имеют, помимо нравственного, и материальное измерение. В раздаче даров усматривается отсылка к древним обычаям. Богатство приносило славу и укрепляло мощь владыки. Дар значил многое: подчинение, закуп или откуп, удачу или невезение (в случае неудачливого правителя). Даже в оказании должного гостеприимства слышны отголоски древнегерманской культуры. Раздача богатых даров была обязанностью короля. Однако нередко придворный жест гостеприимства и связанная с ним процедура одаривания подразумевали приобретение славы.

Иногда переводчик злоупотребляет понятием «честь», упрощая и без того небогатый язык эпоса. Например, словом «честь» заменяется словосочетание «радость и/или благосклонность» (*«liep unde guot»*)³: «Dô sprach der künic rîche, / (getriuwe was sîn mout): // “ich bringe iuch des wol innen, / swâ liep unde guot // den recken widerfûere, / des müesse ich freude hân, // wande ich von wîbes minne / nie bezzer vriunde gewan.”» [5, S. 424]. У М.И. Кудряшева вместо благосклонности речь идет о чести, понятии более емком и содержательном: «Сказаль король богатый / (быль онъ душою прямъ): // “Всѣ сдѣлаю для васъ я, / что дѣлають бойцамъ, // Честь имъ воздать желая. / Ужъ какъ я радъ, что мнѣ // Пришлось друзей отмѣнныхъ / обрѣсть черезъ любовь къ жѣне”» (1402) [2, с. 310]. Слово «благосклонность» в данном контексте более приемлемо, если обратиться к историческим сведениям. Гунны и бургунды были противниками, поэтому Этцелю (Аттиле) действительно могло стоить усилий проявление к своим врагам благосклонности, но никак ни чести. Ю.Б. Корнеев допускает еще большую неточность, переводя *liep unde guot* как «дружба»: «Ответил Этцель сразу – он не умел хитрить: / “Готов желанье ваше я удовлетворить / И вашим славным братьям на деле доказать, / Какую дружбу ради вас питает к ним их зять”» [3, с. 193]. О том, что в угоду рифме этот переводчик пренебрегал содержанием, уже писали медиевисты. В оригинале нет речи о дружбе между королями. Бургундов и гуннов по большей части вообще ничего не связывает, кроме Кримхильды, они вынуждены пребывать в состоянии «худого мира». Хотел ли переводчик подчеркнуть некоторые опасения Этцеля, ожидающего гостей, неизвестно. Но вот использование понятия «честь» кажется умышленно введенным в строфу. Переводчик словно намеренно отсылает нас к придворному этосу, согласно которому оказывающий честь король обладает особым положением. Такой вольный перевод отражает заведомое злоупотребление знанием контекста эпохи. В оригинальном тексте о чести речь не идет.

На страницах эпоса находит отражение и истинное значение «чести», уходящее корнями в раннее средневековье: *êre* как *ruhm*⁴ (слава): «dô sprungen zuo ein ander / die êre gernde man. // ir ietweder schermen / für starke wunden began» (2218) [5, S. 666]. Кудряшев переводит строфу дословно: «Они схватились, *чести* / тотъ и другой искаль; // Обороняться каждый / изъ нихъ отъ ранъ могучихъ сталь [2, с. 416]. Ю.Б. Корнеев использует понятие «слава»: «И все ж, до *славы* жадны, они вступили в бой, / Щиты свои надежные держа перед собой» [3, с. 296]. В данной строфе честь и слава – понятия взаимосвязанные и взаимозависимые. Для многих воинов поиск славы – это главное предназначение героя, а быть воспетым в песнях за свои подвиги – особая честь.

Нередко автором эпоса используются понятия чести и верности (*getriuwe*⁵) как неотделимые части единого целого: «“wir suln ir sîn getriuwe, / daz ist zen êren uns gewant.”» (1211, 4) [5, S. 366] – «Для насъ же *чести* больше / къ сестрицѣ *вѣрность* соблюдать» [2, с. 286]. У Ю.Б. Корнеева сохранено понятие «честь», но понятие верности вовсе исчезает, и переводчик даже не намекает на «справедливость» или «истинные намерения» королей. Переводчик пишет об опасении Хагена, желающего предотвратить опасный союз Этцеля и Кримхильды. На что братья-короли ему возражают: «“Нет, *честь* не позволяет нам расстроить брак такой”» [3, с. 168]. Здесь переводчик опускает понятие «верности», исходя из известного факта предательства братьями Кримхильды. Однажды они позволили нарушить клятву и убить ее супруга Зигфрида.

Понятие *triuwe* вводится автором для изображения внутренних переживаний героев: «“wie sihe ich friunde mîne / under helme gân? // mir ist leit ûf mîne triuwe, / und hât in iemen iht getân”» (1861, 3–4) [5, S. 560]. При переводе данной строфы М.И. Кудряшев использует слово «больно», описывая сильные эмоции короля: «“Зачемъ въ шеломахъ / вижу я здѣсь друзей моихъ? // Клянусь: *мнѣ больно*, если / здѣсь кто-нибудь обидѣль ихъ”» [2, с. 370]. У Ю.Б. Корнеева читаем: «“Зачем в кольчугах пришли мои друзья? Коль им *обиду* нанесли,

³ Словарь средневенхненемецкого языка *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch* в редакции 1969 г. дает следующие толкование данных слов: «*liep* = lieb, angenehm, erfreulich [6, S. 127]; *guot* = tüchtig, brav, gut, von gutem stande, vornehm; freundlich, gnädig» [6, S. 78]. Из чего можно сделать вывод, что в значении своем понятия тождественны друг другу. Следовательно, не было бы ошибкой использовать в переводе лишь одно слово, например, «благосклонность». Тем более, что далее в тексте оригинала, как и в переводе описывается состояние души короля в виде «радости».

⁴ *Êre* = ehrenbietung, verehrung; preis, zierde; verehrtheit, ansehen, ruhm [6, S. 44].

⁵ *Getriuwe* = treu, getreu, wohlgemeinend; *triuwe* = wohlmeinenheit, aufrichtigkeit, zuverlässigkeit, treue» [6, S. 68], в переводе на нововенхненемецкий «верность», «справедливость», «надежность».

ее заглажу я» [3, с. 251]. Переводчик передает состояние души короля вопросом и намерением «загладить обиду», что вряд ли может передать всю боль и негодование, испытываемые королем при виде вооруженных гостей. Древнегерманские обычаи не предусматривают такое разрешение конфликта. В средневековом обществе загладить обиду невозможно, это словосочетание заимствовано переводчиком из современного ему мира. Оскорбление чести рыцаря может повлечь за собой более серьезные последствия, вплоть даже до кровопролития. Именно такой исход предполагает появление гостей в броне и с оружием.

В противопоставление понятию *triuwe* (верность/верный или честность/честный) поступки героев называются автором *untriuwe*⁶ (нечестный, несправедливый). Таким он видит поведение Гунтера, вступившего в заговор с Хагеном: «die starken *untriuwe* / begonden tragen an, / ê iemen daz erfunde, / die ritter ûz erkorn» [5, S. 266] – «И Гагена послушалъ / король себѣ во вредъ. // Задумали исполнить / *несправедный советъ*» (876,2–3) [2, с. 243]. Короли поступают не по чести, несправедливо по отношению к побратиму, согласившись на его убийство. Ю.Б. Корнеев называет такой поступок «низостью», придавая тем самым данному поступку еще большую негативную коннотацию: «Так короля на *низость* сумел вассал подбить / И Зигфрида бургунды решили погубить» [3, с. 126]. Несмотря на то, что переводчик позволил себе вольность, он снова будто опережает ход повествования. В тексте оригинала немногим позже мы встречаем, что эта несправедливость переходит все границы: «sus grôzer *untriuwe* / solde nimmer man gepflegen» (915,4) [5, S. 278]. М.И. Кудряшев переводит данную строфу так: «Никто такой *измѣны* / не могъ доселѣ совершить» [2, с. 248]. Ю.Б. Корнеев также близок к оригиналу и называет поступок королей «предательством»: «Спокон веков не видел мир *предательства* такого!» [3, с. 131]. Измена, обман, предательство – это те понятия, которые часто вводятся в эпос наряду с честью.

Под видом исполнения вассального долга Хаген выведывает тайну Зигфрида у Кримхильды, чем обрекает ее на угрызения совести. В словах Кримхильды слышится страх: «“Ich fürhte harte sêre / etelîchen rât, // ob man der deheinem / *missedienet* hât, // die uns gefüegen kunnen / vîentlîchen haz. // belîbet, lieber herre: / mit triuwen rât’ ich iu daz.“» (922) [5, S. 280] – «Я чьей-нибудь *измѣны* / страшуся всей душой: // Быть можетъ, кто обиженъ / былъ вами или мной, // Одинъ изъ тѣхъ, что могутъ / намъ слѣзать много бѣдъ. // Мой господинъ, останьтесь / со мной: вотъ добрый мой советъ» (922) [2, с. 249]. Слишком вольно поступает Ю.Б. Корнеев, переведя *missedienet* как «недруг»: «“Рыдаю я от страха – мне кажется, что здесь / Какой-то тайный недруг у нас с тобою есть. / Он нам из мести может наделать много бед. / Останься и не уезжай – вот мой тебе совет”» [3, с. 132]. Обратимся к значению слова *missedienen*⁷, используемого как «сослужить плохую службу», «обидеть». В переводе они перенесены на человека («недруг»). Следовательно, можно предположить, что Ю.Б. Корнеев отождествляет вышеназванные понятия с недружелюбием. Подобная подмена понятий уже встречалась в переводе эпоса. Тогда речь шла о замене «благосклонности» («*liep unde guot*») понятием дружбы. Дружба в средневековом миропонимании также требует уточнений. На страницах эпоса мы имеем дело с побратимством, заключенным, например, между бургундами и Зигфридом. И в данном отношении нарушение клятвы побратима не что иное, как предательство, а не обида или плохая служба. Хаген стремится показывать себя верным вассалом, хорошо исполняющим свою службу. На самом деле мотивы его действий имеют более сложную природу, но в данном эпизоде он всем своим видом старается произвести впечатление именно верного вассала, желающего «услужить».

В общем можно утверждать, что русскоязычное понятие «измена» передает как минимум два понятия из средневерхненемецкого языка: *untriuwe* (низость и предательство) и *missedienen* (сослужить плохую службу, обидеть, предать). Здесь очевидно злоупотребление понятием «измена», что также доказывает несовершенство обоих переводов.

Описывая свое отношение к происходящему, внутреннее состояние героев, повествователь употребляет понятие *muote*⁸. Например, тайно беседуя с посланцами к бургундам, Кримхильда испытывает душевное состояние, называемое «*betrüebet mînen muot*», переведенное обоими переводчиками как «грусть». Особенностью понятия *muote* является его способность сочетаться с другими словами, приобретая при этом различные оттенки значения. Среди прочих следует назвать такие как «сила мысли», «состояние души». Например, такие утешительные слова Зигфрид произносит бургундскому королю перед боем с саксами: „Daz lât iuch ahten ringe“, / sprach dô Sîvrit, // „unt *senftet* iuwerem *muote*“ (159, 1–2) [5, S. 54] – «Не бойтесь», молвил Зигфрид / на это королю: // «*Душой* спокойны будьте» [2, с. 159]. Ю.Б. Корнеев преувеличивает эмоциональное состояние героев: «*Тревогой не терзайтесь* при мысли о войне» [3, с. 35]. По сути в оригинале кроме душевного спокойствия ничего более не упоминается. Однако здесь следует отметить желание переводчика усилить инертность короля. Иначе характеризуются воины: «er wære

⁶ Untriuwe = treulosigkeit, betrug [6, S. 256], то есть «неверность» и «обман».

⁷ Missedienen = einen schlechten dienst leisten, beleidigen [6, S. 141].

⁸ Muote = muot, kraft des denkens, empfindens, wollens, sinn, seele, geist; gemüt, gemütszustand, stimmung, gesinnung [6, S. 146].

in swachem muote, / *der ir deheiner wære gram*) (574, 4) [5, S. 176] – «И былъ бы *глупъ* тотъ витязь, / кто-бъ дѣвъ такихъ не полюбилъ» [2, с. 207]. Словосочетание «*in swachem muote*»⁹ М.И. Кудряшев переводит как «глупость». Похожее встречаем у Ю.Б. Корнеева: «Что мог лишь тот, кто очень *глуп*, быть равнодушен к ним» [3, с. 87]. Хотя вернее было бы использовать словосочетание «небольшого ума», говоря о витязях, не обративших внимание на красоту девушек в дорогих нарядах. В данной строфе выражение используется как допущение и не несет негативной окраски. Несколько раз в тексте оригинала встречается словосочетание «*mit / in grimmigem muote*», а также «*in zornes muote*», переводимое как состояние злости: «в гневе», «в ярости»: «*Mit grimmigem muote / dâ stuondn friwende sîn*» (116, 1) [5, S. 40] («взялъ *гнѣвъ* друзей Гернота» [2, с. 154]) или «*in einem grimmet muote / si zuo den helden sprach*» (1767, 2) [5, S. 532] («пришла царица *в гнѣвъ* и къ витязямъ / рѣчь снова повела» [2, с. 356]). Подобным образом переводит строфы и Ю.Б. Корнеев: «Своим ответом Гернот друзей *разгневал* так» [3, с. 29], или во втором случае «Но взор остановила Кримхильда на бойцах / И, видя, как их мало, воскликнула *в сердцах*» [3, с. 239]. Перевод Ю.Б. Корнеева отличается использованием синонимичных рядов, что характерно и для названного выше примера. Выражения «в сердцах» и «в порыве гнева» очень близки, но все же перевод М.И. Кудряшева ближе к оригиналу. Ю.Б. Корнеев выбрал данное выражение ради благозвучия рифмы. Состояние гнева описывается автором эпоса с помощью понятия *ungemuote*¹⁰. Вспомним сцену спора Кримхильды с Хагеном: „*des wart in ungemüete / der Kriemhilde lîp*“ (2024, 2) [5, S. 608] – «Была Кримхильда речью такой *раздражена*» [2, с. 390]. Ю.Б. Корнеев считает необходимым усилить накал страстей и переводит это место следующим образом: «*Задели* королеву поносные слова, / И слезы удержала она едва-едва» [3, с. 272]. Следовательно, не менее емкое по сравнению с честью понятие образа мыслей является непростым для перевода на русский язык.

В Средние века, в эпоху расцвета рыцарской культуры с понятием *muote* связаны и крайние степени его выражения: *hochmut* как благородство или благородный образ мыслей и *übermut* как высокомерие, гордость. Вспомним сцену приезда бургундов к гуннам. Кримхильда требует сдать оружие, но Хаген игнорирует правила. Такое поведение Хагена автор называет «высокомерным». Тогда Кримхильда, пренебрегая этикетом, первым приветствует младшего брата Гизельхера, тем самым демонстрируя непримиримость. Все то, что выходило за рамки рыцарского Средневековья и по большей части характеризовало древних героев, автор определяет понятием *übermüete*¹¹ (высокомерие). Как правило, таким нравом наделяются воины: *die übermüeten helde* («надменные мужи»); *sô übermüeten* («всегда так *горд*»); *die übermüeten degene* («*гордые* бойцы»). Высокомерно поступает Зигфрид, вызывающий Гунтера на бой (117,4), такого же мнения Зигфрид о своенравной Брюнхильде (340,3; 444,4; 446,4). Именно из-за высокомерия Хагена отец Зигфрида предостерегает сына от поездки в Вормс (54,2). Как «высокомерие» характеризует автор жестокость Хагена, когда тот приказывает оставить труп Зигфрида у светлицы бедной Кримхильды (1003,1). И даже молчание гуннских воинов, по приказу Кримхильды скрывающих правду от Этцеля, названо *übermüete*: «*Swie grimme und swie starke / si in vîent wære, // het iemen gesaget Ezzeln / diu rehten mære, // er het' wol untestanden, / daz doch sît dâ geschach. // durch ir vil starken übermuot / ir geheiner im verjach*» [5, S. 560] – «Какъ ни была Кримхильда / *гнѣвна* и зла на нихъ, // Всѣ-жъ, расскажи кто Этцлю / всю правду въ этотъ мигъ, // Тому онъ помѣшалъ-бы, / что вышло послѣ тамъ; // Но *гордость* запрещала / всю правду рассказать бойцамъ» (1865) [2, с. 370]. Совершенно иное читаем в переводе Ю.Б. Корнеева: «Ведь если бы всю правду ее супруг проведал, / Раздору бы начаться державный Этцель не дал. // Вот почему смирила свой нрав его жена, / Хоть ненавистью к родичам была, как встарь, полна» [3, с. 251]. В данном случае говорить о смирении Кримхильды не приходится, стоит вспомнить ее гнев и ярость.

В противопоставление понятию *übermüete*, используемого для обозначения гордого и высокомерного нрава воинов, в эпосе встречается понятие *hochgemüete*¹², используемое для характеристики ключевых составляющих рыцарской культуры, и понимаемое как «стиль поведения знатного лица» или «благородный образ мыслей». По мнению А.Я. Гуревича, данное понятие использовалось для характеристики «аристократического образа жизни, внушающего окружающим почтение; умонастроения и нрава, присущих благородному» [4, с. 298]. В начальных авентюрах эпоса изображается процедура посвящения в рыцари, сопровождаемая бугурдами¹³: «Они къ конямъ бѣжали, / осѣдланнѣмъ, гурьбой. // Тамъ, на дворѣ Сигмунда, / былъ данъ турниръ большой. // Отъ топота хоромы / дрожали и тряслись: // Такъ витязи *luxie* / забавой шумной увлеклись» (34) [2, с. 145]. Корнеев называет витязей «*отважными*». Важным в данном эпизоде является значение бугурдов в рыцарской культуре как неотъемлемой части не только турниров,

⁹ *swachemuot* = niedriger, schlechter gesinnung [6, S. 220].

¹⁰ *ungemüete* = missstimmung, missmut, aufgebrachtheit, verdross, zorn, kummer, betrübnis, leid [6, S. 251].

¹¹ *übermuot*, что в переводе со средневерхненемецкого (нем. *stolzer, hochfahrender sinn*) означает «надменный, заносчивый, вызывающий» [6, S. 238].

¹² *höchgemüete* = edle gesinnung; getroster, freudiger sinn, frohsinn; stolz, hochmut [6, S. 91].

¹³ Рыцарские поединки, в которых рыцари из двух команд пытаются сбросить друг друга с седла.

принятия рыцарского сана, но и приема гостей. Переводчики не были абсолютно точны в передаче понятия *hochgemüete*, поскольку оно довольно специфическое и в новонаемецком языке используется как синоним к *übermüete* (высокомерие).

Заключение. Таким образом, анализ важных для эпического сознания понятий позволяет погрузиться в средневековое мировидение. Перевод дает читателю возможность вступить в диалог с древней культурой. Но только детальная работа с оригинальным текстом способна показать во всей полноте образ мыслей средневековых героев, передать все оттенки смысла понятий рыцарской чести и верности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филичева, Н.И. История немецкого языка : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. факультетов вузов / Н.И. Филичева. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 304 с.
2. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М.И. Кудряшева. – СПб. : Типография Н.А. Лебедева, 1889. – 440 с.
3. Песнь о нибелунгах : Эпос / пер. со средневерхнем. Ю. Корнеева. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 384 с.
4. Гуревич, А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» / А.Я. Гуревич // Из истории культуры средних веков и Возрождения ; отв. ред. В.А. Карпушин. – М. : Наука, 1976. – С. 276–314.
5. Bartsch, K. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / K. Bartsch, H. de Boor. – Stuttgart : Philipp Reclam, 2003. – 1045 S.
6. Lexer, M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexer. – 33. Aufl. – Leipzig : S. Hirzel Verlag, 1969. – 410 S.

Поступила 03.12.2020

WHAT IS LEFT OF THE MEDIEVAL WORLDVIEW IN THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE "NIBELUNGENLIED"

E. LUSHNEUSKAYA

*The article analyzes the well-known translations of the "Nibelungenlied" into Russian, made by M.I. Kudryashev and Y.B. Korneev. The translation of the Middle High German epic is a difficult task. On the one hand, it is necessary to preserve the poetic form, on the other hand, one should respect the sense, considering the specifics of medieval consciousness. Special attention is paid to such concepts as *êre* (honor), *triuwe* (loyalty), as well as *muote* (way of thinking, state of mind, behavior). The problem of translation lies in the fact that the basic concepts of medieval culture in the original language are very capacious, in contrast to their Russian equivalents, and have no direct analogs in modern culture.*

Keywords: *epos, translation, medieval consciousness, honor, loyalty, way of thinking.*

УДК 82(100) – 2.09

НАВАТАРСКІ ХАРАКТАР РАЗВІЦЦЯ ДРАМАТУРГІІ Ў ХХ СТАГОДДЗІ

канд. філал. навук Т.Г. БАРЫЧЭЎСКАЯ
(Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт)
tatsiana.syraezhka@gmail.com

У артыкуле даследаваны рэвалюцыйны злом класічнай традыцыі тэатра, які быў дасягнуты прадстаўнікамі авангардысцкіх творчых плыняў пачатку ХХ ст. і драматургамі-абсурдыстамі сярэдзіны ХХ ст. пры дапамозе драматургічнага эксперыменту, што ўяўляе сабой сукупнасць спецыфічных мастацкіх метадаў і прыёмаў, якімі аўтары карыстаюцца, каб паглыбіць уздзеянне драматургічнага тэксту на свядомасць глядача. Праведзены аналіз нетрадыцыйнага падыходу авангардыстаў да тэатральнасці і яе перспектывы, даследавана роля гэтага падыходу ў станаўленні эстэтыкі тэатра абсурду, якая з'яўляецца вызначальнай для развіцця эксперыментальнага тэатральнага мастацтва сучаснасці. На прыкладзе п'есы абсурду наказана непарыўная сувязь эксперыменту з традыцыяй драмы, прааналізавана эксперыментальная трансфармацыя эстэтыкі антытэатра праз прызму постмадэрнісцкай адчувальнасці канца ХХ – пачатку ХХІ ст.

Ключавыя словы: эксперымент, драма, тэатр, гісторыя, традыцыі, развіццё, авангардызм, абсурд, постмадэрнізм.

Уводзіны. У апошнія гады паняцце “драматургічны эксперымент” стала амаль усеабдымным. Так называюць чарговы рымейк шэкспіраўскай п'есы “Трагічная гісторыя Гамлета, прынца дацкага” (1601) (актуальныя прыклады пералічаныя ў працы амерыканскай даследчыцы Маргарэт Ліцвін “Арабскае падарожжа Гамлета: шэкспіраўскі прынец і прывід Насера” (*Hamlet's Arab Journey: Shakespeare's Prince and Nasser's Ghost* [1]), бессюжэтны рэкламны “перформанс”, пры якім дзеянне з'яўляецца самамэтай, і шматлікія праявы адраджэння класічнай драмы ў яе постмадэрнісцкіх формах. Развіццё драматургічнага канона нагадвае спіраль, і на кожным новым яе вітку надыходзіць час, калі трэба азірнуцца на дасягненні папярэднікаў.

Абагульняючай тэорыі новай драмы не існуе, і справа не толькі ў адчужэнні мінулага і ў шматмерных іннавацыйных сродках уздзеяння на глядача, якія складана паддаюцца класіфікацыі і нарміраванню. Нямецкі тэатразнаўца Х.-Т. Леман падкрэслівае, што “нельга ўявіць сабе сёння Лесінга, які быў бы здольны распрацаваць тэорыю постдраматычнага тэатра” [2, S. 26], таму зрабіць акцэнт на эксперыментальных тэатральных формах недастаткова – “трэба прааналізаваць змяніўшуюся тэатральную ідэю” [2, S. 34]. Вядомая даследчыца гісторыі літаратуры К.А. Сцяцэнка лічыць, што “праблема традыцыі ў ХХ ст. асабліва актуальная, паколькі <...> у гэтым стагоддзі адбыўся грандыёзны злом традыцый папярэдняй гістарычнай эпохі, склаліся новыя адносіны з папярэднімі эстэтычнымі напрамкамі” [3, с. 48].

Сёння і на сталага творцу, і на маладога аўтара ўплываюць бесперапынныя сацыяльныя зрухі, крах ілюзій некалькіх пакаленняў, экалагічныя катастрофы, тэракты, прадчуванне будучых пагроз. Часта менавіта арыгінальная перапрацоўка і рэалізацыя ўзаемадзеяння аўтар / абставіны мае сваім вынікам эксперыментальны тэкст. Аднак гэты падыход не дазваляе цалкам зразумець сутнасць сучаснай драмы. Адказ на пытанні, адкуль бяруць свой пачатак яе наватарскія прыёмы і якія класічныя драматургічныя канцэпцыі і мастацкія сродкі яна мадэрнізуе, каб падкрэсліць радыкальныя змены ў нашым жыцці, трэба шукаць у творчасці драматургаў-авангардыстаў першай паловы ХХ ст., якіх часта абвясчаюць папярэднікамі постмадэрнісцкай тэатральнай традыцыі.

Шматлікім авангардысцкім напрамкам, прадстаўнікі якіх дэкларавалі сябе як разбуральнікаў асноў драмы, дала жыццё эпоха мадэрнізму, што пачалася ўжо напрыканцы ХІХ ст. Па словах расійскай даследчыцы Н.Б. Манькоўскай, “калі арыстоцэлеўскую і гегелеўскую лініі ў гісторыі эстэтыкі лічыць класічнымі, тады мадэрнізм, як бачна, азначае адхіленне ад іх” [4, с. 8]. Уяўляючы сабой паралельны эксперыментальны шлях развіцця, мадэрнізм канчаткова не адмовіўся ад традыцыі, але перадаў авангардызму сваю галоўную мэту: змяніць успрыманне чалавекам рэчаіснасці пры дапамозе мастацтва. Эстэтычных метамарфоз у межах традыцыі авангардыстам было недастаткова: яны жадалі абнавіць не сродкі, а сам прадмет мастацтва. Іх эксперыментальная творчасць, на якую паўплывалі эстэтычны феномен змены стагоддзяў, рэвалюцыі і войны, шматлікія філасофскія вучэнні – ад фрэйдызму да ніцшэанства – перажыла на працягу дзесяцігоддзяў сапраўдную эвалюцыю, наступствы якой эклектычна спалучаюцца ў творах сучасных аўтараў.

Асноўная частка. З цягам часу авангардысцкі эксперымент рабіўся ўсё больш шматслойным і паліфанічным. Пад уплывам цыклу п'ес Альфрэда Жары “Кароль Убю” (1896), “Убю раганосец” (1896), “Убю прыкаваны” (1899), “Убю на пагорку” (1901) і драмы Гіёма Апалінэра “Грудзі Тырэсія” (1917),

чыя прыёмы потым увайшлі ў эстэтыку драмы абсурду, узніклі так званы “тэатр жорсткасці” Антанэна Арто і мастацкія ідэі Ражэ Вітрака. Іспанскі драматург, рэжысёр і паэт Фернанда Арабаль ужыў прынцыпы, сфармуляваныя А. Арто, у сваім “Панічным тэатры” з яго эстэтызацыяй прымітыўных інстынктаў і наўмысным фізіялагізмам. Французы Жан Жыраду і Жан Ануй працавалі ў жанры філасофскай “інтэлектуальнай” драмы, заснаванай на аўтарскай інтэрпрэтацыі вядомых міфалагічных сюжэтаў.

Па сведчанні расійскага літаратуразнаўцы В.П. Мешчаракова, авангардысты лічылі, што “разбурыць аўтаматызм успрымання чытача могуць іронія, а таксама парадокс, выкарыстанне нязвыклых (бытавых ці мясцовых) слоў” [5, с. 345] – і ў іх пазіцыі мы ізноў назіраем, як “парушэнне звычлага і чаканага выражаецца ў барацьбе “старэйшай” і “малодшай” лініі ў літаратуры, гэта значыць, у барацьбе традыцыі і наватарства” [5, с. 345]. Прадстаўнікі гэтага напрамку “выступалі супраць паняцця “мімесіс”, супрацьпастаўляючы яму паняцце “мадэляванне” [5, с. 408]. Французскі філосаф Жак Дэрыда, аналізуючы пазіцыю А. Арто ў артыкуле “Тэатр жорсткасці і канец уяўлення”, падкрэслівае наступнае меркаванне драматурга: “Не мастацтва – перайманне жыцця, а жыццё – гэта перайманне трансцэндэнтнага прынцыпу, з якім мастацтва нас ізноў звязвае” [6, с. 296]. Ж. Дэрыда дае такому падыходу наступны каментар: “Арто хоча, такім чынам, пакончыць з імітацыйным разуменнем мастацтва, з арыстоцэлеўскай эстэтыкай, у якой знайшла сябе заходняя метафізіка мастацтва” [6, с. 296].

І тут, нарэшце, адбываецца рэвалюцыйны пераварот свядомасці – эксперымент у чыстым выглядзе, што меў сваёй мэтай не ўдасканалванне і развіццё канона, а яго адкрыццё адмаўленне. А. Арто не хацеў рэпрэзентаваць ні класічны драматургічны падыход, ні буржуазную свядомасць, ён імкнуўся выйсці за іх межы і стварыць “нерэпрэзентатыўны”, “невэрбальны” тэатр. У сваім маніфесце “Пакончыць з шэдэўрамі” ён прапаноўваў “вярнуцца з дапамогай тэатра да ідэі фізічнага спасціжэння вобразаў і сродкаў упадзення ў транс” [7, с. 4]. Арто лічыў, што якраз “гэтыя непасрэдныя грубыя сродкі з самага пачатку захапляюць увагу гледача” [7, с. 4], уводзяць яго ў шокавы стан, абуджаюць у ім інстынкты.

Ідэю пераймальнага, рэалістычнага – ці імітуючага рэальнасць – тэатральнага дзеяння авангардысты замяняюць упэўненасцю, што “тэатральнае мастацтва павінна быць прывілеяваным і першапачатковым месцам ломкі гэтага пераймання” [6, с. 296]. І ў выніку іх нетрадыцыйнае бачанне тэатральнасці і яе перспектываў, бесперапынныя намаганні “абудзіць” гледача і, ці не больш за ўсё, трывожная атмасфера пасляваеннага часу ўздзейнічаюць на станаўленне эстэтыкі тэатра абсурду, якая, на думку шматлікіх даследчыкаў, з’яўляецца вызначальнай для развіцця эксперыментальнага тэатральнага мастацтва сучаснасці.

Разуменне паняцця “абсурд” у літаратуразнаўстве з’яўляецца даволі дыфузным, як і адказ на пытанне аб яго паходжанні і праявах. У грэчаскай філасофіі абсурд быў амаль эквівалентны Хаосу і выступаў як эстэтычная катэгорыя, супрацьлеглая катэгорыям прыгожага, высокага і лагічнага. У XX ст. такі падыход знайшоў сваіх прыхільнікаў сярод прадстаўнікоў нямецкай філасофскай школы. Вальтэр Бенямін, Тэадор Адорна і Макс Хоркхаймер лічылі, што ўсю культуру абсурду трэба разумець як феномен экзистэнцыяльнага перажывання канца свету – ён узнікае ў перыяд гістарычнага крызысу і глабальных трагічных падзей і прымушае негатывна ставіцца да рацыянальнага адлюстравання рэальнасці. Своеасабліваць такога ўспрымання мастацтва і яго антаганістычнасць у дачыненні да любых канонаў падкрэслівае Т. Адорна ў сваім трактате “Эстэтычная тэорыя” (1969): “не ўсялякае мастацтва здольнае да канца вызваліць і індывідуалізаваць свой матэрыял, а толькі сапраўды вольнае ад дагматычных канонаў” [8, S. 36]. Нямецкі даследчык Норберт Ленарц у кнізе “Абсурднасць да з’яўлення тэатра абсурду” даказвае, што такія творы выходзяць за рамкі традыцыйнай жанравай сістэмы і адзначаныя “эсхаталагічным светабачаннем і стыльовымі мутацыямі” [9, S. 11].

Пісьменнікі-экзистэнцыялісты, чыё светабачанне зрабіла вялікі ўплыў на філасофію абсурдызму, таксама лічылі існаванне абсалютна ірацыянальным фактам, зразумець які і змагацца з якім адчужаны ад свайго фізічнага і сацыяльнага асяроддзя чалавек здольны толькі ў так званай “пагранічнай сітуацыі”. Жан-Поль Сартр працаваў, як і Жан Ануй, у жанры “праблемнай” (ці “інтэлектуальнай”) драмы, але “трагічныя матывы адзіноты і страху перад жыццём, уласцівыя шматлікім п’есам Сартра, <...> робяць яго творчасць роднаснай тэатру абсурду” [10, с. 35].

Беларускі даследчык П.В. Васючэнка лічыць, што абсурдысты, як і экзистэнцыялісты, “зыходзяць з хаатычнасці, разладу быцця. Найвялікшай бяссэнсцай з’яўляецца чалавечая смерць, аднолькавая для прадстаўнікоў грамадства, якая ўсіх – багатых і бедных, праведнікаў і злодзеяў – недарэчным чынам ставіць у роўныя ўмовы” [11, с. 152]. Вельмі важна, аднак, падкрэсліць розніцу паміж дадзенымі творчымі падходамі: так, вядомы брытанскі тэатразнаўца М. Эслін сцвярджае, што экзистэнцыялісты “Сартр і Камю падаюць новы змест у старых формах” [12, с. 17]. Такім чынам, яны робяць толькі паўкрока, не наважваючыся, як і прадстаўнікі плыні “тэатра паэтычнага Авангарда” пачатку XX ст., адмовіцца ад пераважнай ролі мовы як лірычнай крыніцы асацыяцыі і малюнкаў для гледачоў. Тэатр абсурду ж, “наадварот, імкнецца да радыкальнага аб’яцэння мовы <...>. Тое, што адбываецца на сцэне, кажа больш, чым словы, якія вымаўляюць персанажы, так, яно нават ім супярэчыць” [12, с. 9]. Менавіта “імкненне да поўнага супадзення выказанага с формай выказвання адрознівае тэатр абсурду ад экзистэнцыялісцкай драмы” [12, с. 8].

Тэатр абсурду ўвайшоў у антылітаратурны рух і стаўся прайвай глабальнага эксперыменту ў драме, дзе атрымаў назву “тэатра насмешкі” або “антытэатра”. У п’есе абсурду нібы прэпарыруюцца моўныя канструкцыі, дагматычныя палажэнні тэорыі драмы, “пераглядаецца ўсё традыцыйны тэатральны “рэквізіт” (паэтыка, сродкі традыцыйнай драмы), змяняюцца неад’емныя першаэлементы – дзеянне, характары, дыялог” [11, с. 134]. Рэалістычны аўтарскі падыход да сцэнічных падзей саступае месца наўмыснай бяссэнсіцы, прычым, “бяссэнсіца ў такіх творах – гэта не проста блазнаванне, гэта парадаксальны спосаб спасціжэння свету, яго асваенне, часам сатырычнае. Каб зразумець складаную з’яву, яе раскладаюць на простыя, прымітыўныя састаўныя з дапамогай прыёму “адчужэння”: для аспрэчвання недарэчнасці яе даводзяць да абсурду” [11, с. 135].

Але такі прыём не з’яўляецца незвычайным, яго “скарыстоўвалі сатырыкі ад Петронія, Бранта, Рабле да Свіфта, Салтыкова-Шчадрына, Булгакава, Платонава, Мрыя” [11, с. 135], і ў гэтым праўляецца трывалая сувязь наватарства і традыцыі. Эфект адчужэння быў адным з базавых прынцыпаў драматургіі Бертальда Брэхта (які заклікаў змяніць канцэпцыю старой арыстоцэлеўскай драмы з яе спачуваннем да пакутаў на “эпічны тэатр”, што будзе выклікаць у публіцы эмоцыі іншага парадку – значна больш моўныя, здольныя скалануць настрой грамадства) і сапраўдных “маніфестаў” абсурдысцкай драмы – п’ес “Лысая спявачка” (1949) Эжэна Ёнэско і “У чаканні Гадо” (1953) Сэмюэла Бекета, якія паспяхова ставіліся і на беларускай сцэне.

З цягам часу з абсурдысцкімі п’есамі адбылося тое ж, што і са шматлікімі іншымі эксперыментальнымі творами: сенсацыйнае стала часткай традыцыі. Ужо праз дванаццаць год пасля першай пастаноўкі “Ў чаканні Гадо”, успрынятай са здзіўленым адмаўленнем, гледачы сустракаюць п’есу на сцэне берлінскага Шылер-тэатра як прызнаны шэдэўр. Гэтая трансфармацыя новага ў традыцыйнае, інавацыі ў канон абумоўлена дыялектычным абменам поглядаў паміж аўтарам і грамадствам: першы паказвае абсурднасць і безнадзейнасць другога, потым грамадства перапрацоўвае крытыку, часткова пагаджаецца, прывыкае да яе – і дазваляе ідэі ператварыцца ў чарговы сацыяльна-культурны сімулякр.

Нямецкі даследчык Георг Хензель лічыць, што квінтэсэнцыю антытэатра – творы Сэмюэла Бекета – нельга растлумачыць, яны з’яўляюцца ні чым іншым, як гульні. У каталіцкай драматургічнай традыцыі Барока жыццё было п’есай, мрояй, дзе Бог – рэжысёр, крытык і суддзя – кожнаму дае адпаведную ролю, а ў С. Бекета “застаюцца толькі прызначаныя ролі і гульні” [12, S. 296], якую ніхто не кантралюе (ідэя была потым засвоена і перапрацаваная пастмадэрнісцкай эстэтыкай). Калі праводзіць паралелі з класікай, то С. Бекет – “трагік, які знаходзіцца па іншы бок класічнай трагедыі, што патрабуе метафізічнага асэнсавання” [12, S. 297], ён эксперыментуе з самой сутнасцю трагічнага. Паняцце “гульні” ў яго трывіяльным сэнсе С. Бекет ператварае ў фарс, таму што “няма нічога больш камічнага, чым няшчасце” [12, S. 297].

Аднак, у адрозненне ад гегелеўскай тэорыі, камічны катарсіс зусім не з’яўляўся мэтай аўтараў-абсурдыстаў – як неаднаразова казаў Эжэн Ёнэско: “П’еса “Лысая спявачка” часта прымушала людзей смяцца. Гэта здзіўляла мяне, я быў упэўнены, што напісаў “Трагедыю мовы” [цыт. па 12, S. 307]. Пры гэтым аўтар пагаджаецца, што “чалавечае бяссілле, гэтая дарэмнасць нашых намаганняў можа быць у нейкім сэнсе камічнай” [12, S. 311]. Так, Э. Ёнэско ўступае ў палеміку з поглядамі асветнікаў на маральны імператывы драматурга (ў першую чаргу, з трактоўкай Г.Э. Лесінга) і сцвярджае: “Гэта “сацыяльнае” залежыць ад “чалавечага”, не наадварот, драматург не павінен несці нейкае павучальнае пасланне – ён выражае свае страхі, а таксама страхі і гора іншых, ці – але гэта радзей – сваё шчасце” [цыт. па 12, S. 308]. Драматург-абсурдыст палемізуе і з экзістэнцыялістамі: ён не прызнае іх стаічнае маралізатарства і называе Ж.-П. Сартра “аўтарам палітычных меладрам” [12, S. 307].

Па меркаванні беларускага даследчыка Д.А. Кандакова, адным з асноўных адрозненняў драматургіі Э. Ёнэско ад п’ес авангардыстаў з’яўляецца адмаўленне пераўтаваральнай ролі мастацтва [13]. Парадаксальна, але з цягам часу п’есы Ёнэско рабіліся ўсё больш сур’ёзнымі і наблізіліся ў рэшце рэшт да своеасаблівай алегарычнай павучальнасці, нават прытчывасці, якая з сённяшняга пункту гледжання нясе даволі яснае сацыяльна-крытычнае пасланне. І гэта яшчэ адзін прыклад таго, як таленавіты аўтар выконвае свой маральны абавязак носьбіта мастацкай ідэі, нягледзячы на адмаўленне ім кананічных сродкаў перадачы гэтай ідэі. Шматлікія творчыя прыёмы абсурдыстаў абумоўлены жыццём: людзі-характары зрабіліся амаль “узаемамяняльнымі” з-за сваёй неадчувальнасці, яны не размаўляюць, а абменьваюцца камічнымі клішэ, падобнымі да тых, што падаюцца ў размоўніку ці ў амерыканскіх коміксах. Э. Ёнэско і С. Бекет эксперыментуюць з традыцыйнай сцэнічнай мовай не з мэтай яе ўдасканалвання. Яны паказваюць, у што ператвараецца мова, калі парываюцца ўсе сувязі сацыяльных азначаючага і азначаемага, калі героі гавораць, каб нешта сказаць, а не каб сказаць нешта, а “хто не разумее моўных узаемасувязяў, таго гэтыя ўзаемасувязі забіваюць” [12, S. 311]. І таму Р. Эльман, біёграф Джэймса Джойса, сцвярджае, што “Бекет, як і Джойс, меў схільнасць да маўчання; яны паглыбляліся ў размовы, якія складаліся з узаеманакіраванага маўчання” [цыт. па 12, S. 295] – і сапраўды, нішто не падкрэслівае такі эффект лепей, чым абстрактныя дыялогі абсурдысцкіх п’ес, дзе мова кожны раз занавя памірае ад уласнай бяссэнсіцы.

У адрозненне ад традыцыйнай драмы, тэатр абсурду дазваляе аўтару стварыць п'есу, дзе: “дзеянне як комплекс падзей можа быць звездзенае да мінімуму”; “мастацкая прастора і час дэфармуюцца”; “дыялог мае замаруджаны характар, часам губляе сэнс”; “дэфармацыя чалавечых характараў адбываецца ў бок іх абезаблічвання”; “аўтары пазначаюць імёны сваіх персанажаў літарамі алфавіта, у іншых творах персанажаў замяняюць рэчы” [11, с. 134] і гэтак далей. Аднак, вылучаныя П.В. Васючэнкам характэрныя рысы тэатра парадоксу не з'яўляюцца выключнай прыналежнасцю ранняга абсурдызму ў стылі С. Бекета і Э. Ёнэско. Знайсці іх можна і ў драмах аўтараў, чыя творчасць не абмяжоўваецца ўжо ніякім класічным канонам, і ў п'есах сусветна вядомых драматургаў-эксперыментатараў. Гэта беларус Андрэй Макаёнак і паляк Славамір Мрожак, амерыканец Эдвард Олбі, брытанцы Гаральд Пінтэр і Том Стопард, а таксама аўстрыйцы Петэр Хандке і Томас Бернхард, якія змагаліся не толькі за адраджэнне нацыянальнай самасвядомасці, але і за адраджэнне свядомасці агульначалавечай, і чые творы з'яўляюцца рэпрэзентатыўным прыкладам эксперыментальнага падыходу да тэатральнай традыцыі і антыдрамы ў сучаснай еўрапейскай драматургіі.

Асноўныя прыёмы і мастацкія сродкі тэатра абсурду – гэта правакацыя, гратэск, агрэсіўная насмешка і чорны гумар, яго героі не размаўляюць адзін з адным, а часам і не размаўляюць наогул, дзеянне ў арыстоцэлеўска-гегелеўскім сэнсе амаль адсутнічае, п'есы губляюць кананічную цэльнасць і прыгажосць кампазіцыі, ператвараючы наведванне тэатра з прыёмнага баўлення часу ў маральнае выпрабаванне, у спробу вырашыць для сябе чарговы парадокс жыцця. Эстэтыка антытэатра – эксперыментальная па сваёй сутнасці, таму што абапіраецца на прынцып адвольнага вар'іравання і камбінавання традыцыйных элементаў, дазваляе змяніць гэтыя элементы і выявіць у іх раней невядомыя ўласцівасці, яна мае сваёй мэтай стварэнне якасна новага драматургічнага “прадукту” і дасягае гэтага, дзякуючы наватарскаму стаўленню да праблемы і ўніверсальнай прызме пазнання.

Пры гэтым нельга адмаўляць, што “тэатр абсурду – гэта зварот да старых, нават архаічных традыцый” [12, S. 335]. Абсурдысты займалі антыарыстоцэлеўскую, антыкананічную пазіцыю, і адначасова пераймалі, відазмянялі і абіралі для выражэння сучасных праблем шматлікія старажытныя мадэлі. Гэта і “так званы “чысты тэатр” – абстрактныя сцэнічныя эфекты, якія можна пабачыць у цырку і рэвію ў выступленнях жанглёраў, акрабатаў, матадораў і мімаў” [12, с. 336], і клаўнада са сцэнамі вар'яцтва, і “вербальны нонсэнс”, і “літаратура мары і фантазіі, якая часта мае моцныя алегарычныя кампаненты” [12, S. 336]. Таму новае ў тэатры абсурду – часта “проста незвычайная камбінацыя прыкладаў. Пры дакладным даследаванні высвятляецца, што з'явы, у якіх непадрыхтаваны назіральнік думае знайсці “иконокластические” тэндэнцыі і незразумелыя новаўвядзенні, на самой справе ёсць вынік далейшай распрацоўкі і развіцця метадаў, якія ў крыху іншым кантэксце здаюцца абсалютна знаёмымі і дапушчальнымі” [12, S. 335].

Эксперыментальная спіраль развіцця драмы робіць новы віток, і кожнае пакаленне драматургаў-наватараў, якія неадменна – няхай і з рознымі мэтамі – кіруюцца ў сваёй творчасці досведам папярэднікаў, стварае ўласны малюнак сусвету. Кожны аўтар прагне стварыць уласныя законы тэатра, каб ажыццявіць адвечны маральны абавязак аўтара: крануць глядача і дапамагчы яму зразумець сябе і іншых. Але М. Эслін нездарма падкрэслівае, што “ў эру масмедыя тэатр дасягнуў пераходнай стадыі. Большасць санкцыяніраваных часам уяўленняў аб яго функцыі і эстэтычнай структуры трэба пераправяраць і радыкальна перасэнсоўваць” [14, S. 207].

Арыстоцэлеўскі мімесіс трансфармуецца ў перайманне прыроды самога сучаснага чалавека, не заўсёды велічнай, але амбівалентнай і загадкавай, а таму часта алагічнай і нават абсурднай. Імкненне драматургаў часоў Асветніцтва зрабіць людзей лепш, чым яны ёсць, ператвараецца сёння ў спробу правесці героя і – апасродкавана – глядача шляхам самапазнання і пазнання навакольнага асяроддзя пры дапамозе экалагічнай п'есы-прытчы ці постапакаліптычнай п'есы-апокрыфа.

Заклучэнне. Драматургі-авангардысты пачатку ХХ ст. марылі праз жорсткасць на сцэне “шакіраваць глядача ці адурманіць яго, увесці ў транс ці раскрыць яго крэатыўны патэнцыял” [15, S. 35]. Тэатр эпохі постмадэрна імкнецца да іншага: “Тут не працуюць з глядачом, як з “матэрыялам”. Постмадэрнісцкі тэатр робіць яго неабмежаваным уладаром магчымых семіозаў <...>, назіранне лічыцца крэатыўным актам” [15, S. 35]. Шматлікія аўтары-наватары ХХІ ст. успрымаюць публіку як партнёра ў сцэнічным палілогу.

Сучасны драматург павінен даць глядзачу магчымасць з'яднаць здабыткі мінулага і эксперыментальныя дасягненні нашых дзён. Драматургічны эксперымент ХХІ ст. немагчымы без дапамогі іннавацыйных дасягненняў у розных галінах культуры, навукі і тэхнікі. Як падкрэслівае нямецкая тэатразнаўца Э. Фішэр-Ліхтэ, “наўрад ці існуе хоць адзін тып гарадскога збудавання, дзе зараз не паказвалі б п'есы <...>, да таго ж сучасная тэхналогія прадастаўляе зусім новыя магчымасці для стварэння тэатральных знакаў, якія могуць ажыццяўляцца пры дапамозе кіруемай камп'ютэрам гульні святла, відэа, лазера- і галаграфіі” [15, S. 34].

Эксперыментальная п'еса робіцца ўсё больш мультыкультурнай, “няма прынцыпова ніводнай культуры і ў ёй ніводнай культурнай сістэмы, адкуль бы заходні тэатр сёння не мог “пазычыць” элементы і выкарыстаць іх у якасці тэатральных знакаў” [15, S. 34]. Але, як канстатуе беларуская даследчыца Т.Я. Камароўская, “глабалізацыйныя працэсы, якія закранаюць усе без выключэння краіны, робяць усё больш надзённым пытанне аб захаванні нацыянальнай ідэнтычнасці” [16, с. 33], таму карані драматургічнага эксперыменту, які існуе столькі ж, колькі існуе сам тэатр – у здольнасці тэатральнага

мастацтва адначасова захоўваць традыцыйныя рысы, выконваць “сацыяльны заказ” і шукаць новыя шляхі для індывідуума і грамадства, развівацца ў некалькіх напрамках, лінейна і паралельна, у час і па-за часам.

Па словах польскага тэатразнаўцы Яна Кота, “усе традыцыі і ўсе стылі ў гэтым “планетарным тэатры” адначасова перепрацоўваюцца і перакрываюцца: мінулае і сучаснасць, артадакцальнасць і прыгоды, класіцызм і камедыя дель артэ, грэчаская маска, кабукі, кітайскі “мэйкап”, рытуал і натуралізм” [17, S. 23]. Рэвалюцыйны характар драматургіі ХХ ст. адлюстраваны ў мэтанакіраваным эксперыментальным перасэнсаванні аўтарамі, рэжысёрамі, крытыкамі і тэатразнаўцамі практычнага і тэарэтычнага досведу творцаў мінулага і ў стварэнні на яго базе новай глабальнай канцэпцыі, у якой ёсць месца як класічнай трагедыі антычнасці, так і вагнераўскай фантазмагорыі, і чорнаму гумару тэатра парадоксу, і аніمالістычнаму вулічнаму перфомансу.

ЛІТАРАТУРА

1. Litvin, M. Hamlet's Arab Journey: Shakespeare's Prince and Nasser's Ghost / M. Litvin. – Princeton University Press, 2011. – 280 p.
2. Lehmann, H.-Th. Postdramatisches Theater / H.-Th. Lehmann. – Frankfurt am Main : Verlag der Autoren, 2008. – 507 S.
3. Стеценко, Е.А. Концепция традиции в литературе ХХ века / Е.А. Стеценко // Художественные ориентиры зарубежной литературы ХХ века. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – С. 47–82.
4. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб. : Алетейя, 2000. – 347 с.
5. Луков, В.А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Луков. – М. : Издательский центр “Академия”, 2003. – 512 с.
6. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида ; [пер. с франц.]. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.
7. Арто, А. Театр и его двойник / А. Арто ; [пер. с франц.]. – СПб. : Симпозиум, 2000. – 77 с.
8. Adorno, Th.W. Ästhetische Theorie / Th.W. Adorno. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. – 527 S.
9. Lennartz, N. Absurdität vor dem Theater des Absurden. Absurde Tendenzen und Paradigmata untersucht an ausgewählten Beispielen von Lord Byron bis T.S. Eliot / N. Lennartz. – Trier : WVT, 1998. – 222 S.
10. Шабловская, И.В. История зарубежной литературы (XX век, первая половина) / И.В. Шабловская. – Минск : Издательский центр “Экономпресс”, 1998. – 382 с.
11. Васючэнка, П.В. Сучасная беларуская драматургія : дапам. для настаўнікаў / П.В. Васючэнка. – Мінск : Маст. літ., 2000. – 158 с.
12. Esslin, M. Das Theater des Absurden / M. Esslin. – Frankfurt am Main : Athenäum, 1967. – 482 S.
13. Кондаков, Д.А. Творчество Эжена Йонеско в контексте идейно-художественных исканий европейской литературы ХХ века / Д.А. Кондаков. – Новополоцк : ПГУ, 2008. – 188 с.
14. Esslin, M. Jenseits des Absurden: Aufsätze zum modernen Drama / M. Esslin. – Wien : Europaverlag, 1972. – 293 S.
15. Fischer-Lichte, E. Die Entdeckung des Zuschauers und Paradigmenwechsel auf dem Theater des 20 Jahrhunderts / E. Fischer-Lichte. – Tübingen : Francke, 1997. – 300 S.
16. Комаровская, Т.Е. Глобализация и сохранение национальной идентичности: американский и турецкий взгляд на проблему в белорусском контексте / Т.Е. Комаровская // Турция и Беларусь в мировом литературном процессе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 окт. 2012 г. – Минск : РИВШ, 2013. – С. 33–39.
17. Kott, J. Spektakel – Spektakel. Tendenzen des modernen Welttheaters / J. Kott. – München : R. Piper & Co Verlag, 1972. – 173 S.

Паступіў 24.12.2020

THE INNOVATIVE NATURE OF THE 20TH CENTURY DRAMA'S EVOLUTION

T. BARYCHEUSKAYA

The article examines the revolutionary breakdown of the classical tradition of theater, achieved by representatives of the avant-garde movements of the early 20th century and absurdist playwrights of the mid-twentieth century with the help of a dramatic experiment, shows the inextricable connection between experiment and the tradition of drama using the example of the absurdist play, analyzes the experimental transformation of the anti-theatre aesthetics through the prism of postmodern sensibility of the late XX - early XXI centuries.

Keywords: *experiment, drama, theater, history, traditions, evolution, avant-garde, absurd, post-modernism.*

УДК 821.111(73)

СПЕЦИФИКА ЎВАСАБЛЕННЯ ПЕРШАЙ СУСВЕТНОЙ ВАЙНЫ
Ў АМЕРЫКАНСКОЙ ЛІТАРАТУРЫ

канд. філал. навук, дац. З.І. ТРАЦЦЯК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)
zoja.tretyak@rambler.ru

Артыкул працягвае шэраг публікацый аўтара, прысвечаных літаратурнай спадчыне пра Першую сусветную вайну, створанай айчыннымі і замежнымі мастакамі слова. Аб'ектам даследавання выступіла сукупнасць твораў амерыканскіх празаікаў, якія асэнсоўвалі падзеі 1914–1918 гг. з невялікай часовай адлегласці (у 1920–1930-я гг.). Вынікам праведзенага аналізу твораў Т. Бойда, У. Кэзэр, Дж. Дос Пасаса, Л. Столінгса, Э. Уортан, У. Фолкнера, Э. Хемінгуэя і інш. паўстала тыпалогія найбольш рэпрэзентатывных амерыканскіх празаічных тэкстаў паводле пэўных ідэіна-стыльовых дамінантаў, што дазваляюць меркаваць пра тэматычную разнастайнасць літаратуры ЗША пра Першую сусветную вайну. Акрамя літаратуры «страчанага пакалення», якая ўспрымаецца як адмысловая класіка, увага звернута на спадчыну пісьменнікаў-прапагандыстаў, жаночую ваенную прозу, творы афра-амерыканцаў, якія доўгі час знаходзіліся на перыферыі літаратуразнаўчых росшукаў.

Ключавыя словы: амерыканская літаратура, проза, Першая сусветная вайна, «страчанае пакаленне».

Уводзіны. Амерыканская літаратура, прысвечаная падзеям Першай сусветнай вайны, – самабытны мастацкі феномен, што ўвабраў у сябе шэраг адметных плыняў. Увасабляючы падзеі 1914–1918 гг., мастакі слова заглыбляліся ў самыя розныя грамадска-палітычныя праблемы і асабістыя эмоцыі, разважалі пра аксіялагічны крызіс і будучыню заходняй цывілізацыі, пераасэнсоўвалі прыватны вопыт вайскоўца ці цывільнага і ўзвышалі яго да ўніверсальных заканамернасцей чалавечага быцця. Такі падыход да тэмы дадаваў гэтым творам поліфанічнае гучанне.

Асноўная частка. Найбольш вядомымі застаюцца імёны асобных «ганаровых лейтэнантаў», а пазней экспатрыянтаў (Дж. Дос Пасас, Э.Э. Камінгс, М. Каўлі, Э. Хемінгуэй), якія добраахвотна служылі ў вайсковых адзінках краін Антанты, пераважна медыцынскіх. Паказальна, што творы менавіта гэтай пісьменніцкай суполкі ўвайшлі ў склад так званага канона сучаснай амерыканскай ваеннай прозы. Р.Э. Лахці, поруч з П. Джонсам [1], лічыць С. Крэйна пачынальнікам новай плыні мастацтва слова, прысвечанага узброеным канфліктам канца XIX – XX ст., яго напрацоўкі знайшлі свой працяг у творах Дж. Дос Пасаса, Э. Хемінгуэя, Дж. Хэлера, К. Вонегута і г.д. (*scholars of American war literature ... identify Stephen Crane's The Red Badge of Courage as the first modern war novel, followed by works by authors such Dos Passos, Hemingway, Heller, Vonnegut, Mailer, Herr, O'Brien, Heineman, Robert Olen Butler, and, most recently, Karl Marlantes*) [2, p. 5].

Пачынаючы з 1930-х гг. амерыканскія «ганаровыя лейтэнанты» ў масавай свядомасці пачалі асацыявацца з прадстаўнікамі «страчанага пакалення». Аднак, нават Э. Хемінгуэй, які зафіксаваў знакаміды выраз Гертруды Стайн і паспрыяў яго пераходу ў рэальнае жыццё і літаратуру са старонак рамана «Фіеста», неаднойчы разважаў пра разнастайнасць вопыту свайго пакалення: гэты вопыт нельга падаць у выглядзе пэўнай спрошчанай формулы. У размове з К. Бэйкерам (1951 г.) Э. Хемінгуэй зазначаў: «Страчанага пакалення не існуе. Я думаю, што могуць быць разбітыя, магчыма тыя, што не пакінулі следу. Аднак, каб іх чорт узяў, калі мы страчаныя, акрамя забітых, калек і людзей, афіцыйна прызнаных вар'ятамі ... Мы былі паспраўднаму надзейным пакаленнем, нават калі некаторыя з нас не атрымалі адукацыі» (*There was no such thing as a lost generation. I thought beat-up, maybe, [deleted] in many ways. But damned if we were lost except deads, gueules cassées, and certified crazies ... We were a very solid generation though without education (some of us)*) [3, pp. 80–81]. Пазней, у аўтабіяграфічным творы «Свята, што заўжды з табой», празаік адзначаў: «усе пакаленні ў нейкай ступені страчаныя, так было і так будзе» (*all generations were lost by something and always had been and always would be*) [4, p. 23]. Сучасныя даследчыкі «страчанага пакалення» як культурнага і літаратурнага феномена Л.Р. Броер і Дж.Д. Волзэр папярэдзжалі: «прыдатныя клішэ і цэтлікі можа і маюць карысць, магчыма, у іх ёсць кропля міфічнай праўды, але часцей за ўсё такія стэрэатыпы хаваюць за сабой ... складанасці і парадоксы» (*convenient clichés and tags may be useful, and in fact contain a degree of mythological truth, but more often such stereotypes obscure the ... complexity, and paradox*) [5, p. 1].

Досвед амерыканскай ваеннай прозы пашыраўся за кошт кніг Т. Бойда, В. Марча, Л. Столінгса – былых вайскоўцаў у шэрагах амерыканскага экспедыцыйнага корпуса, якія прыгадвалі аўтэнтныя эпізоды баявых дзеянняў у чэрвені – кастрычніку 1918 г. Будучыя мастакі слова бралі ўдзел у аперацыях пад Бэло (2 чэрвеня – 7 ліпеня), у Шампані (15–18 ліпеня), пад Суасонам (15 ліпеня – 1 жніўня), Сэн-

Мійеле (12–16 верасня), у Аргонскім лесе (26 верасня – 1 кастрычніка). Названья пісьменнікі мелі адмысловы ўплыў на чытачоў-сучаснікаў: яны вымушалі па-новаму ставіцца да выпрацаванай яшчэ ў 1861–1865 гг. катэгорыі «гераізм» (змяняла свой змест пад час татальнай вайны), дэміфалагізавалі баявыя дзеянні, знаёмыя шараговаму амерыканцу выключна па падручніках ці сямейнай гісторыі, робячы акцэнт на жудасных наступствах сусветнага канфлікту і выдатках службы ў амерыканскім войску.

На наш погляд, ідэйна-тэматычна і стылістычна да кніг пісьменнікаў-«ганаровых лейтэнантаў» і празаікаў-«камбатантаў» далучаюцца і асобныя творы Ф.С. Фіцджэральда (эпізоды ў раманах «Вялікі Гэтсбі» і «Ноч п'яшчотная») і У. Фолкнера («Салдацкая ўзнагарода», «Сарторыс», «Прыгча») – аўтараў, якія не паспелі паўдзельнічаць у Першай сусветнай вайне, але ім давалося пажыць у падрыхтоўчым лагеры і зазнаць траўматычны для псіхікі цывільнага ўплыў вайскавай дысцыпліны.

Адмысловы погляд на вайну 1914–1918 гг. прапанаваны таксама пісьменнікамі, якія паслядоўна ішлі за дзяржаўнай амерыканскай палітыкай. Поруч з гэтымі аўтарамі (К. Даўсан, Н.П. Даўсан, Дж. Томасан, А. Трэйн, А. Эмпі), што набылі вядомасць у асноўным дзякуючы сваім агітацыйна-патрыятычным допісам, актыўна працавалі літаратары, чья пісьменніцкая рэпутацыя складалася яшчэ да вайны (Р. Ларднэр, Х. Гарланд). Кніга А. Трэйна «Землятрус», на наш погляд, дэманструе асноўныя рысы, характэрныя для таго кшталту твораў: апавед скіраваны перш за ўсё да шараговага амерыканца, якому паказваюцца станучыя моманты вайны (нібы гэта падзея, што спыніць сацыяльную і маральную стагнацыю ў Новым Свеце і Еўропе, дазволіць кожнаму пераадолець аксіялагічны крызіс). Адзначым, што прапагандысцкая літаратура жывілася і творамі амерыканскіх пісьменніц (М. Шыпман-Эндруз, С. Бэйтс, Э. Кэлі, Г. Мэйсан, А. Найлен), якія ўвасобілі эвалюцыю адносін да еўрапейскай вайны ў Новым Свеце. Спачатку, ідучы ўслед за запатрабаваннямі афіцыйных улад, празаікі разважалі пра неабходнасць захавання нейтралітэту; паступова гэтая ідэя страціла актуальнасць і саступіла месца роздумам пра мабілізацыю амерыканскага войска, якое збіралася абараняць у Старым Свеце ідэалы дэмакратыі. Асобная гаворка ішла пра цывільных, якія заставаліся на радзіме і падтрымлівалі салдата-абаронцу дэмакратыі.

Асобную ўвагу трэба звярнуць на кнігі У. Кэзэр і Э. Уортан, якія, паводле нашых назіранняў, вылучаліся на фоне прапагандысцкай літаратуры. З аднаго боку, пісьменніцы часам аперавалі папулярнымі ў часы Першай сусветнай клішэ пра варвараў-гунаў ды цнатлівых амерыканскіх салдатаў, якія ішлі абараняць дэмакратыю і хрысціянства. З другога, аўтары адэкватна ацэньвалі думкі і ўчынкi суайчыннікаў, якія любой цаной імкнуліся пакінуць Еўропу, ахопленую вайной. З цягам часу У. Кэзэр і Э. Уортан змянілі і сваё стаўленне да «амерыканскай мары», расчараванне ў якой часам вымушала іх персанажаў шукаць выйсце на полі бою недзе за акіянам. Акрамя таго, на думку Т. Волша, гэтыя пісьменніцы дазвалялі сабе іранізаваць з маладога пакалення пісьменнікаў, мастацкае ядро якога ўтварылі «ганаровыя лейтэнанты». У. Кэзэр і Э. Уортан аднымі з першых заўважылі адмысловыя рысы іх самапазіцыянавання («ганаровы лейтэнант», а пазней прадстаўнік «страчанага пакалення» – асоба назаўжды аддзеленая ад сваіх бацькоў і суайчыннікаў; чалавек, які належыць да адмысловай «эліты», што павінна выпрацаваць новы светапогляд) [6, pp. 80–81]. Тым не менш, згаданыя пісьменніцы сінхронна са сваімі апанентамі разглядалі наступствы аксіялагічнага крызісу і шляхі выйсця з яго. У размаітую палітру адценняў вайны яны прынеслі новыя выявы: напрыклад, раскрылі пачуцці бацькоў, якія страцілі сыноў на далёкай і незразумелай ім вайне.

Моцную плынь склалі аўтабіяграфічныя творы сведкаў і ўдзельнікаў Першай сусветнай вайны. В.Х. Ален («Да агню. Ваенны дзёнік»), напрыклад, знаёміў суайчыннікаў з вопытам удзелу ў другой бітве на Марне ўлетку 1918 г. Дж.М. Кейн («Узяцце Монфакона») увасобіў сваё пачуццё разгубленасці, якое апанавала яго на пачатку Мёз-Аргонскай аперацыі (верасень 1918 г.). Адзначым натуралістычна дакладныя нататкі амерыканца, які атрымалі ўяўленне пра баявыя дзеянні і іх уплыў на псіха-фізічны стан шараговага чалавека, працуючы ў еўрапейскіх шпіталях (Э.Н. Ла Мот, А. Хантан, К. Джонсан, М. Бордэн). Амерыканская жаночая проза, прысвечаная падзеям Першай сусветнай вайны, вызначаецца самабытнай тэматыкай, звязанай са шпітальным побытам і адчуваннямі бацькоў, якія з хваляваннем чакалі вестак ад сыноў з-за акіяна. К.Э. Портэр (апавесць «Белы конь, бледны вершнік») засяродзілася на жыцці амерыканскай дзяўчыны, якая сутыкнулася з рознымі праявамі патрыятычнай істэрыі, што апанавала яе суайчыннікаў. Пісьменніца прыгадала прымусовы збор «ахвяраванняў» для вайсковых, абавязковае наведванне параненых у шпіталі, штодзённыя практыкаванні ў рыторыцы апалагетаў вайны.

Амерыканская літаратура пра Першую сусветную вайну ўвабрала ў сябе творы пісьменнікаў, якія паслядоўна праводзілі ў жыцці ідэі сацыялізму. Найбольш знакамітымі прадстаўнікамі дадзенай плыні былі Э. Сінклер («Джымі Хігінс») і Дж. Рыд («Дзесяць дзён, якія змянілі свет»).

Унікальную плынь утварае проза, звязаная з лёсам афра-амерыканскіх салдатаў у Еўропе. Паказальна, што мастакі слова (І. Вільямс, В. Вайт, Н. Ларсэн, Р. Фішар) не замоўчвалі факты пра парасткі расізму: яны нярэдка квітнелі ў амерыканскім войску, дзе нават у самых складаных умовах не забываліся пра практыку сэгрэгацыі. Афра-амерыканскія салдаты ў асноўным не мелі магчымасці браць удзел у баявых аперацыях, затое забяспечвалі працу ваеннага канвеера ў бліжнім тыле.

Паказальна, што сучасныя амерыканскія даследчыкі (Б. Брус [7], К. Гэндал [8], С. Сэрджант [9]) падкрэсліваюць, што за выключэннем асобных твораў Э. Хемінгуэя, Дж. Дос Пасаса, Э.Э. Камінгса,

У. Фолкнера асноўная маса кніг, прысвечаных Першай сусветнай вайне, усё яшчэ застаюцца *terra incognita* для літаратуразнаўцаў. Гэта творы ў шырокім жанрава-стыльвым дыяпазоне – ад «некананічных тэкстаў» (*noncanonical texts*) [9] жаночай прозы на ваенную тэматыку да салдацкага наратыва, прысвечаных Першай сусветнай вайне, – застаюцца *terra incognita*. Навукоўцы адзначаюць, што ў ЗША Першая сусветная ўяўляецца «забытай вайной», успаміны пра якую патанулі ў згадках пра Другую сусветную – катаклізм, што так ці інакш закрануў большасць амерыканцаў.

На думку К. Гэндала, надшышоў новы этап вывучэння такога разнастайнага мастацкага і дакументальна-мастацкага матэрыялу, бо напрацягу пэўнага часу амерыканскія даследчыкі не зусім карэктна разглядалі гэты феномен літаратурнага жыцця. Пад увагу не браліся асобныя гістрычныя факты, не ўлічвалася значная розніца ў адлюстраванні Першай сусветнай вайны пісьменнікамі-камбатантамі і аўтарамі-цывільнымі, ці так званымі «ганаровымі лейтэнантамі» (*We have long misunderstood American World War I literature due to limited knowledge of the historical context and a basic failure to distinguish between the very different wartime experiences of male combatants and noncombatants*) [10, pp. 2–3].

Праблемнае поле літаратурнай баталістыкі для амерыканцаў у значнай ступені вызначаецца таксама плёнам асэнсавання вайны Грамадзянскай. І 20–30 гг. XX ст. – гэта час інтэнсіўнага развіцця амерыканскай ваеннай літаратуры, якая засвойвала новыя канцэпцыі, каб распавесці пра досвед грамадзяніна ЗША на Першай сусветнай вайне з улікам былога вопыту нацыі. Гэтыя росшукі базаваліся на трывалым грунце, закладзеным у творах асобных пісьменнікаў (А. Бірса, Дж. Дэфорэста, Дж. Кірклэнда, С. Крэйна і інш.), якія ўвасаблялі падзеі Грамадзянскай вайны. Пакаленне Т. Бойда, Дж. Дос Пасаса, У. Фолкнера і Э. Хемінгуэя, як і іх папярэднікі, заглыбілася ў праблему, звязаную з роляй чалавека на тэхналагізаванай вайне, якая ў сярэдзіне 1910-х гг. набыла радыкальна дыстанцыйны характар, што ў сваю чаргу прывяло не толькі да перагляду стратэгіі і тактыкі баявых дзеянняў, але і да інтэнсіфікацыі працэсу адчужэння асобы і ад іншых, і ад самой сябе.

З часоў Дж. Дэфорэста ў амерыканскай прозе паслядоўна праводзілася думка, што «гераізм ... выяўляўся не толькі ў баях, але і ў пераадоленні побытавых нястач і, галоўнае, у захаванні чалавечнасці, бо вайна нявечыць душы людзей і абуджае ў іх зло» [11, с. 360]. Гэтая тэндэнцыя да «дэгераізацыі» літаратуры пра Першую сусветную вайну дапамагла адмыслова ўпісаць спадчыну амерыканскіх празаікаў і паэтаў у плынь еўрапейскіх твораў, прысвечаных падзеям 1914–1918 гг.

І яшчэ адна генетычная паралель яднала творы пра Грамадзянскую і Першую сусветную войны: увасабленне персанажа складанай духоўнай арганізацыі, чый лад мыслення і паводзіны часцей за ўсё ўваходзілі ў адкрытую канфрантацыю са стэрэатыпным мысленнем суайчыннікаў ці прадстаўнікоў замежных краін, ды яшчэ з антыгуманымі запатрабаваннямі амерыканскага войска. На думку Т. Волша, у 20–30-я гг. XX ст. у літаратуры ЗША канчаткова афармляецца адмысловая постаць «падобнага да Уітмэна персанажа, які дабрахвотна ідзе на вайну і з першых рук спазнае яе лютаць» (*the Whitman-like hero who volunteers for war and learns of its bestiality at first hand* [6, p. 5]); маюцца на ўвазе кнігі Т. Бойда, Э.Э. Камінгса, Дж. Дос Пасаса, У. Фолкнера, Э. Хемінгуэя; часткова раман Э. Уортан «Адзін з нашых»; пазней раман «Джоні ўзяў стрэльбу» Д. Трамба. Падобная рыса характэрная і для творчасці асобных заходнееўрапейскіх пісьменнікаў: Р. Олдынганна, Э.М. Рэмарка, А. Цвэйга. У беларускай прозе падобны персанаж-інтэлектуал, герой-інтэлігент увасоблены, напрыклад, у кнізе «На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкага, апоўвесці «Набліжэнне» З. Бядулі.

На думку М. Болтана, мастацкая і журналісцкая спадчына С. Крэйна паўплывала на амерыканскую прозу пра Першую сусветную вайну. У 20–30-я гг. XX ст. пісьменнікі звярнулі ўвагу на дзве характэрныя рысы крэйнаўскай паэтыкі: яго стыль, што знайшоў працяг, напрыклад, у «жорсткай» (*hard-boiled*) прозе Э. Хемінгуэя, і постаць адважнага апавядальніка-сведкі, які падае ваенныя падзеі надзвычай лаканічна [12, p. 28].

Перыпетыі нацыянальнай і агульнасусветнай гісторыі вымушалі амерыканскіх празаікаў падаваць ваенныя падзеі за акіянам вачыма «геаграфічна, культурна і сацыяльна дэцэнтраванага чужынца» (*an alien who was geographically, culturally and socially decentered*) [13, p. 3], які не толькі заглыбляўся ў атмасферу хаосу, вар'яцтва і жорсткасці, спасцігаў сутнасць татальнай вайны, але «даследаваў» складаныя палітычныя адносіны прадстаўнікоў розных еўрапейскіх народаў, што мелі дастаткова дзіўную і алагічную для амерыканца сістэму сімпатый і антыпатый, угрунтаваных у канкрэтную даўнюю гісторыю. Навальнічная атмасфера ў Еўропе ўзнаўлялася і ў кантэксце прыватных праблем у ЗША: пераасэнсаванне дэмакратычных ідэалаў, знікненне веры ў месіянскую ролю салдата (як абаронца дэмакратыі), барацьба супраць перажыткаў веры ў «амерыканскую мару», абурэнне фальшывым спачуваннем былым франтавікам (творы Т. Бойда, Дж. Дос Пасаса, Л. Столінгса, У. Фолкнера, Э. Хемінгуэя і інш.).

У залежнасці ад глыбіні ведання ваеннай рэчаіснасці, скіраванасці на эксперымент з формай твора, цікавасці да постаці персанажа-нонканфарміста, які супрацьстаяў «амерыканскай мары», літаратары парознаму ўвасобілі падзеі 1914–1918 гг. Г. Дж. Аткинс падкрэсліў, што ў 1920-я гг. у літаратуры ЗША, суіснавалі дзве супрацьлеглыя плыні: традыцыйная (папулярная, прапагандысцкая) і наватарская (мадэрнісцкая, антываенная) (*popular and modernist war literature*) [14, p. 8]. Франтавая рэальнасць і прырода

паводзін чалавека ў экстрэмальнай сітуацыі – надзённыя тэмы, характэрныя для абодвух кірункаў. Выкарыстанне процілеглай філасофска-этычнай базы, актуалізацыя несувымяральных маральных каштоўнасцей, адрознае стаўленне да прыёму мантажу і «плыні свядомасці» мелі тут розныя вынікі.

Нягледзячы на тое, што ў творах «традыцыяналістаў» вайна падавалася як «марнатраўнае злоўжыванне назапашаным стагоддзямі розумам» (*a profligate misuse of the accumulated brain-staff of centuries*) [15, p. 50], К. Даўсан, Н.П. Даўсан, Дж. Томасан, А. Эмпі, Э. Шыпман-Эндруз і іх калегі імкнуліся натхніць суайчыннікаў на абарону дэмакратыі і хрысціянскіх каштоўнасцей са зброяй у руках. Адпаведныя пачуцці абуджаліся, калі пісьменнікі прыгадвалі пра жахі разбурэння і забойства, якімі суправаджаўся захоп Бельгіі, апавадалі пра злачынствы немцаў (гунаў, бошаў) у адносінах да святароў, жанчын, старых і дзяцей у Францыі. У такіх грамадска-палітычных умовах аўтары лічылі ўдзел ЗША ў еўрапейскай вайне (асабліва пасля тарпедавання Лузітаніі) прыкрай неабходнасцю і адначасова пачэсным абавязкам па абароне заходняй цывілізацыі. Падобныя творы культывавалі ідэалы мужнасці і подзвігу, самаахвярнага смерці на полі бою.

Пакаленню пісьменнікаў-антымілітарыстаў (Т. Бойд, Дж. Дос Пасас, Л. Столінгс, У. Фолкнер, Э. Хемінгуэй) спатрэбіўся час, прыкладна да 1923 г. [16, p. 98], каб глыбока і дэталёва раскрыць пасляваенны лёс ветэрана, іранічна разгледзець ідэалагічныя асновы ўваходжання краіны ва ўзброены канфлікт. Пры гэтым не прымалі шэраг каштоўнасцей пасляваеннага жыцця на радзіме. Асаблівае расчараванне выклікалі «амерыканскі «ідэалізм» і грубасць амерыканскай культуры» (*American 'idealism' and the crassness of American culture*) [17, p. 322], пэўны правінцыяналізм, пурытанскі дыдактызм і ізаляцыянізм суайчыннікаў.

Непрыманне пасляваеннага быцця ў ЗША і народжанае вайной расчараванне выліліся ў пачуццё неспакою, якое вымусіла амерыканскіх твораў-антымілітарыстаў зноў накіравацца ў Стары Свет. Еўропа здалася месцам, дзе можна было рэалізаваць творчыя здольнасці. Пазней матыў неспакою адлюстраваны ў творах, дзе персанажы шукалі збавення ў новым прыродным, культурным ці сацыяльным асяродку (культывай кнігай зрабіўся раман Э. Хемінгуэя «Фіеста»).

Пісьменнікаў-антымілітарыстаў абурала тое спецыфічнае стаўленне да ветэранаў Першай сусветнай, паводле якога шараговы неадасведчаны амерыканец лічыў, што яны памылкова паўдзельнічалі ў нікому не патрэбнай бойні. У вачах большасці ветэран страціў высокі статус абаронцы і ператварыўся ў забойцу. Чалавек з парушанай баявымі дзеяннямі псіхікай успрымаўся як аномалія, што павінна апынуцца на перыферыі грамадскага жыцця. У літаратурных творах гэты комплекс ідэй адлюстраваны ў форме матыву «вайны-памылкі» (Л. Столінгс «Плюмз», Э. Хемінгуэй «Салдацкі дом», У. Фолкнер «Салдацкая ўзнагарода»).

Служба ў войску ЗША неаднойчы разглядалася таксама ў творах такіх амерыканскіх празаікаў-антымілітарыстаў, якія аб'ектыўна мелі менш магчымасцей зведаць жахі ваеннай рэальнасці знутры (перш за ўсё, гэта Дж. Дос Пасас, Э. Хемінгуэй, У. Фолкнер). Для іх трагедыя вайны атаясамлівалася не толькі выключна з масавым забойствам на перадавой, а і з замахам на іх грамадзянскія свабоды, з гвалтоўным аб'яднаннем асобы, надзеленай багатым духоўным светам, з чужой для яе салдацкай масай (напрыклад, «Ініцыяцыя аднаго маладога чалавека» і «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса). Вайсковыя статуты і побыт успрымаліся як «самы дзікунскі кошт вайны і тэрміновая падстава, па якой трэба адмяніць узброены канфлікт» (*the most barbarous cost of war and the most pressing reason for its abolition*) [18, p. 888]. Паводле назіранняў Х. Хатчысан, у творах гэтых мастакоў слова нарадзіўся новы тып персанажа, якога ў абагульненай форме можна назваць салдатам-антыгероем [19, p. 207]: ён дазваляў сабе разважаць пра «сепаратны мір», не пагаджацца са стэрэатыпнымі ўяўленнямі пра воіна-абаронцу высокіх ідэалаў, пакутаваць ад вайсковай дысцыпліны.

К. Гэндал звярнуў увагу на такое адмысловае стаўленне пісьменнікаў-антымілітарыстаў (выразнікаў думак цэлага пакалення маладых адукаваных амерыканцаў) да службы ў экспедыцыйных войсках ЗША. Разважаючы пра адметнасць светапогляду еўрапейскіх і амерыканскіх прадстаўнікоў «страчанага пакалення», навуковец падкрэсліў наступную акалічнасць: разгубленасць і расчараванне, у выпадку з асобамі з Новага Свету, вынікалі перш за ўсё з негатыўнай рэакцыі не столькі на шакіруючыя праявы татальнай вайны, колькі на мабілізацыйную палітыку амерыканскага ўрада, армейскае жыццё (*Lost Generation fiction and memoir by men – again, all written by Anglo-Americans of privilege who ended up as noncombatants – is largely a dismayed and disillusioned response, not to the war but to the mobilization of the new American army* [10, p. 10]). Па-першае, улады паслядоўна апрабавалі мерытакратычную сістэму, згодна якой кожны прэтэндэнт на вайсковую пасаду праходзіў шэраг выпрабаванняў, накіраваных на ацэнку яго разумовых і фізічных здольнасцей, псіхалагічнай устойлівасці. Ідэалам уяўляўся нейкі міфічны «прыстойны прадстаўнік дабрадзейнай-цнатлівай агрэсіі» (*a clean-living agent of virtuous aggression*) [20, p. 26]. Такім чынам мінімізавалася практыка добраахвотніцтва, а большасць адукаваных амерыканцаў апынулася ў атыповай сітуацыі, калі ім маглі адмовіць у патэнцыйным удзеле ў баявых дзеяннях у Еўропе. Па-другое, нават знаходжанне ў амерыканскіх экспедыцыйных войсках не заўсёды гарантавала франтавы вопыт. Гэтыя дзве акалічнасці ўскладняліся негатыўным стаўленнем соцыума да асоб, якія з самых розных нагод не апранулі форму ці не бралі актыўнага ўдзелу ў еўрапейскім ваенным катаклізме.

Заключэнне. Таким чынам, амерыканская літаратура мае багатую традыцыю адлюстравання батальных падзей, што фарміравалася на працягу некалькіх стагоддзяў. Шырокую вядомасць атрымалі творы, прысвечаныя Грамадзянскай і Першай сусветнай войнах. Відавочнай падаецца сувязь антымільтарысцкіх тэндэнцый у слоўнасці ЗША другой паловы XIX – першай трэці XX стст., вылучаных у творах А. Бірса, Дж. Дэфорэста, С. Крэйна (разглядалі 1861–1865 гг.) і Т. Бойда, Дж. Дос Пасаса, Э. Хемінгуэя (прысвечаныя 1914–1918 гг.). Агульным для абодвух пакаленняў былі крытычна-іранічнае адлюстраванне вайны, зварот да яе негатыўных праяў, развенчванне гераічных памкненняў.

Проза пра Першую сусветную – значны элемент мастацкай прасторы ЗША. Амерыканскую літаратуру пра вайну 1914–1918 гг., на нашу думку, можна назваць атыповай (у параўнанні з заходнеэўрапейскай), бо яе антываенны пафас вынікаў не толькі з баявога вопыту літаратараў, а з агульначалавечых разважанняў пра разбуральны пачатак любога ўзброенага канфлікту; не толькі з наступстваў адлюстраванага ў творах нямецкіх, брытанскіх і французскіх аўтараў ваеннага неўрозу і расчаравання ў жыцці, а з бездапаможнасці ў момант сутыкнення з камандаваннем на радзіме. Э.Э. Камінгс, М. Каўлі, Э. Хемінгуэй і інш. пабачылі толькі агульныя праявы вайны. З аднаго боку, гэта не перашкодзіла стварэнню сусветнаведомых твораў («Бывай, зброя!» Э. Хемінгуэя, «Тры салдаты» Дж. Дос Пасаса), а з другога – рабіла еўрапейскі ўзброены канфлікт літаратурным міфам. У амерыканскай ваеннай прозе не так востра паўстала ўнутраная праблема персанажа-салдата, які адначасова адчуваў сябе і ахвярай, і віноўнікам таго, што называлася ганебным.

Незалежна ад пра- ці антываеннай скіраванасці кніг галоўныя дзеючыя асобы трансфармаваліся пад уплывам новага культурнага асяродку, трацілі безаглядную веру ў «амерыканскую мару». У творах праявіліся прадстаўнікоў наватарскай (мадэрнісцкай) плыні падзеі і наступствы Першай сусветнай праецываліся на сучаснае ім амерыканскае грамадства. Письменнікі адмаўлялі вайне ў гераічным патэнцыяле, выкрывалі заганнасць месіянскай веры ва ўсталяванне паўсюднай дэмакратыі гвалтоўнымі метадамі. Т. Бойд, Дж. Дос Пасас, Л. Столінгс, Э. Хемінгуэй працавалі з мовай твора, шукаючы адэкватныя сродкі ўвасаблення татальнай вайны, пасля якой апавядальнік і персанажы ўспрымаліся толькі як шасцярэнькі ў бязладным механізме сусвету.

ЛІТАРАТУРА

1. Jones, P. War and the Novelist: Appraising the American War Novel / P. Jones. – Columbia : University of Missouri Press, 1976. – 260 p.
2. Lahti, R. Transnational Gestures: Rethinking Trauma in U.S. War Fiction / R. Lahti. – A Dissertation Submitted to the Graduate School of the University of Massachusetts Amherst in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. – Amherst : University of Massachusetts, 2014. – 254 p.
3. Baker, C. Hemingway. The Writer as Artist / C. Baker. – Princeton : Princeton University Press, 1956. – 355 p.
4. Hemingway, E. A Moveable Feast / E. Hemingway. – New York : Dell Publishing Company, 1971. – 128 p.
5. Dancing Fools and Weary Blues: The Great Escape of the Twenties / ed. by L.H. Broer, J.D. Walther. – Bowling Green, Ohio : Bowling Green State University Press, 1990. – 194 p.
6. Walsh, J. American War Literature, 1914 to Vietnam / J. Walsh. – New York : St. Martin's Press, 1982. – 218 p.
7. Bruce, V. Thomas Boyd. Lost Author of the 'Lost Generation' / V. Bruce. – Akron, Ohio : University of Akron Press, 2006. – 190 p.
8. Gandal, K. A New Reading of World War I American Literature [Electronic Resource] / K. Gandal. – Mode of access: <https://www.press.jhu.edu/news/blog/new-reading-world-war-i-american-literature-keith-gandal>. – Date of access: 19.04.2020.
9. Sergeant, S. Mobilizing Sentiment: Popular American Women's Fiction of the Great War; 1914–1922 / S. Sergeant. – A Dissertation Presented to the Faculty of The Graduate College at the University of Nebraska In Partial Fulfillment of Requirements For the Degree of Doctor of Philosophy. – Lincoln : University of Nebraska, 2011. – 196 p.
10. Gandal, K. War Isn't the Only Hell: A New Reading of World War I American Literature / K. Gandal. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2018. – 274 p.
11. Стеценко, Е. Джон Дефорест / Е. Стеценко // История литературы США. Литература последней трети XIX в. 1864–1900 / Редкол.: Я. Засурский (гл. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. IV. – С. 350–374.
12. Bolton, M. The Red Badge of Courage and the Existential Nature of Combat / M. Bolton // Critical Insights. The Red Badge of Courage by Stephen Crane. – Pasadena : Sale Press, 2011. – P. 74–88.
13. Sanborn, W.R. The American Novel of War. A Critical Analysis and Classification System / W.R. Sanborn. – North Carolina : McFarland & Co, 2012. – 239 p.
14. Atkins, G.J. Honor, Glory, and Individualism: Placing the American Literature of the First World War in a Cultural Context / G.J. Atkins. – A Thesis Submitted to the Faculty of the Graduate College of the Oklahoma State University in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Master of Arts. – Oklahoma Panhandle State University, 2005. – 89 p.
15. Dawson, C. The Glory of the Trenches / C. Dawson. – London; New York; Toronto : John Lane; S.R. Gundy, 1918. – 158 p.
16. Cooperman, S. World War I and the American Novel / S. Cooperman. – Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1969. – 271 p.
17. Holman, C.H. Naturalistic and Symbolic Period in American Literature / C.H. Holman, W. Hartmon // A Handbook to Literature. Fifth Edition. – New York – London : Collier Macmillan Publishers, 1987. – P. 322–324.

18. DuBois, W.E.B. Dusk of Dawn. An Essay Toward an Autobiography of a Race Concept / W.E.B. DuBois // Writings. – The Library of America, 1986. – P. 551–802.
19. Hutchinson, H. The War that Used up Words. American Writers in a European Conflict, 1914–1918 / H. Hutchinson. – New York, London : Yale University Press, 2015. – 292 p.
20. Gandal, K. The Gun and the Pen: Hemingway, Fitzgerald, and the Fiction of Mobilization / K. Gandal. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 270 p.

Пастуныў 10.12.2020

SPECIFICS OF WORLD WAR I IN AMERICAN LITERATURE

Z. TRATSIK

The article continues a series of the author's publications on the literary heritage of the First World War, created by Belarusian and foreign writers. The objective of the study was a set of works by the American novelists who interpreted the events of 1914–1918 from a short time distance (in the 1920s–1930s). The analysis of Th. Boyd's, W. Cather's, W. Faulkner's, J. Dos Passos', E. Hemingway's, L. Stallings', E. Wharton's works resulted in a typology of the most representative American prose texts according to certain ideological and stylistic dominants, which allow us to judge the thematic diversity of US literature on the First World War. But for the 'lost generation' literature, perceived as a specific classic, our attention is paid to the legacy of propagandist-writers, women military prose, works by African-Americans which have long been on the periphery of literary research.

Keywords: American literature, fiction, First World War, 'lost generation'.

УДК 821.112.2

ОБРАЗ ЛЕНИНА В РАССКАЗЕ С. ЦВЕЙГА «ПЛОМБИРОВАННЫЙ ВАГОН»

Л.И. СЕМЧЁНОК

(Полоцкий государственный университет)

l.siamchonak@psu.by

Проведен анализ художественной трактовки образа вождя мирового пролетариата Владимира Ульянова-Ленина в исторической миниатюре С. Цвейга «Пломбированный вагон». Отмечен повышенный интерес автора к психологическому портрету героя, обнаружению истинных мотивов его поступков, определивших ход мировой истории. Показано, как с помощью приема антитезы автор вводит в повествование мотив двойственности воспринимаемой действительности. Способность героя подняться над общепринятыми представлениями о морали обусловлена такими его личностными качествами как крайняя аккуратность в делах и целеустремленность. Именно они позволили незаметному человеку совершить поступок, считающийся изменой по всем действующим законам и представлениям.

Ключевые слова: художественный образ, В.И. Ленин, психологический портрет, мотив, поступок, мировая история, антитеза, оксюморон, сравнение.

Введение. 10 сентября 2017 г. на странице одного из новостных русскоязычных интернет-сайтов появилась публикация под названием «Саакашвили в автобусе сравнил себя с призраком коммунизма и Лениным» [1]. В ней был опубликован фрагмент интервью скандального грузинско-украинского политика М. Саакашвили. Записано это интервью было непосредственно перед тем, как господин Саакашвили и его сторонники осуществили своё намерение пересечь украинскую границу без соответствующих официально действующих документов: «Саакашвили рассказал, что после того как его в июле лишили украинского гражданства, он «скитался по Европе», объехав Польшу, Австрию, Германию, Венгрию и Швейцарию. «Как раньше призрак коммунизма бродил по Европе, так и я сейчас», – добавил бывший грузинский президент. «Плохое сравнение, но сто лет тому назад [Владимир] Ленин пересекал границу в вагоне с углем. Видите, я без вагона, это уже прогресс», – отметил он».

Не совсем ясно, о каком угле вёл речь господин Саакашвили, однако факт проезда группы эмигрантов во главе с В.И. Ульяновым-Лениным в Петроград в апреле 1917 г. по территории Германии, находящейся на тот момент в состоянии войны с Россией, действительно имел место в мировой истории и лег в основу одной из исторических миниатюр австрийского писателя Стефана Цвейга. Называлась она «Пломбированный вагон» (*Der versiegelte Zug*) и вошла в сборник его рассказов «Звездные часы человечества» (*Sternstunden der Menschheit*, 1943). Русскоязычному читателю миниатюра долгое время оставалась неизвестна, так как её публикация на русском языке состоялась лишь в 1989 г. в журнале «Нева» [2, с. 9]. В СССР подробности возвращения Ленина в Россию весной 1917 г. особо не афишировались и стали объектом пристального внимания общественности с началом «перестройки» [2–4], еще одного поворотного этапа в истории России.

Основная часть. Представление о цикличном характере развития человеческого общества возникло в глубокой древности (в учениях Гераклита, Эмпедокла, Платона), но не утратило своей привлекательности и в наши дни (Л.Н. Гумилев, А.М. Шлезингер-младший, А. Тойнби и др.). В основе теории циклического развития лежит идея определенной ритмической повторяемости событий и явлений в жизни общества на разных этапах его развития. В первой половине XX века интерес к концепции циклического развития проявляли не только философы и социологи, но и ряд представителей писательского сообщества. Трагические события европейской истории, достигшие своего апогея на полях Первой и Второй мировых войн, поставили под сомнение веру человека в существование единого процесса поступательного, восходящего развития общества. Особую популярность в литературе в этот период приобрел исторический жанр. Он предлагал читателю, дезориентированному объективным ходом событий мировой истории, художественную реконструкцию исторической действительности. И, что особенно важно, часто проблематика этих произведений была тесно связана с актуальными вопросами современности.

О своем отношении к историческому факту как к средству создания перспективы открыто заявлял один из наиболее плодовитых немецкоязычных авторов исторического романа Л. Фейхтвангер в своем трактате «О смысле и бессмыслице исторического романа» (*Vom Sinn und Unsinn des historischen Romans*, 1935): «Я решительно не в силах поверить, что серьезный романист, работающий над историческим сюжетом, видит в исторических фактах что-либо, кроме средства создать перспективу, кроме аллегории, которая помогает нам как можно правдивее передать собственное мироощущение, собственную эпоху, собственную картину мира» [6, с. 669]. Подобного рода установка на четко просматриваемые параллели с днём сегодняшним объясняет писательскую практику Л. Фейхтвангера, в основе которой – его стремление «изменять историческую истину соответственно своим целям и заданиям», «произвольно комбинировать факты прошлого» [7, с. 21]. В центре внимания оказывается лишь общий смысл события, имеющий непосредственное отношение к актуальной действительности и обнаруживающий с ней ряд параллелей.

Принципиально иную позицию в отношении исторического материала занимал С. Цвейг, максимально точно следовавший фактам при воссоздании событий исторического прошлого. Но и для Цвейга история тесным образом связана с современностью, отсюда и его знаменитое высказывание: «Кто не понимает прошлого, тот в действительности не понимает ничего»¹. Исследовать поведение выдающихся исторических личностей, поступки которых известны, а их мотивы не всегда поддаются логическому объяснению – значит, по Цвейгу, познать «дух времени». Повышенный интерес Цвейга-историка к психологии своих героев основан на его глубоком убеждении, что «каждая желающая самообновления эпоха, проецирует свой идеал в некоем образе». В одной из своих романизированных биографий «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского» (*Triumph und Tragik des Erasmus von Rotterdam*, 1934) автор писал: «Чтобы более ошутимо представить себе свою собственную сущность», эпоха «всегда выбирает типичного для себя человека, и, высоко поднимая над собой эту подчас случайную личность, в известной мере подогревает к себе свой собственный восторг» [8, с. 67].

Укрупненное изображение поворотных моментов европейской истории служит объединяющим фактором всех миниатюр, входящих в повествовательный цикл «Звёздные часы человечества». Первое издание сборника, относящееся к 1927 г., включало в себя лишь пять историй: («Невозвратимое мгновение» (*Die Weltminute von Waterloo*), «Мариенбадская элегия» (*Die Marienbader Elegie*), «Открытие Эльдорадо» (*Die Entdeckung Eldorados*), «Смертный миг» (*Heroischer Augenblick*) и «Борьба за Южный полюс» (*Der Kampf um den Südpol*). Каждая из миниатюр, вошедшая в этот сборник, печаталась до того на страницах различных периодических изданий. Идея объединить выходившие в свет то в газете *Neue Freie Presse* («Новая свободная пресса»), то в ежегоднике *Insel-Almanach auf das Jahr 1913* («Альманах издательства Инзель на 1913 год») образцы «нового эпико-драматического жанра»² была предложена Францем Теодором Чокором в ходе его переписки со С. Цвейгом. Он же, по мнению Кнута Бека, и предложил озаглавить новый сборник ёмким именем «Звездные часы человечества» [9, S. 298].

В 1936 г. в издательстве Герберта Рейхнера вышел сборник избранных произведений С. Цвейга под названием «Калейдоскоп» (*Kaleidoskop*). Он состоял из рассказов, легенд и цикла исторических миниатюр «Звездные часы человечества», дополненного двумя новыми историями: о завоевании Византии (*Die Eroberung von Byzanz*) и воскресении Георга Фридриха Генделя (*Georg Fridrich Händels Auferstehung*). Последние упоминания «Звездных часов» в письмах С. Цвейга датируются 21 июня 1937 г.: «Рейхнер напечатает некоторые сочинения 30-х годов вместе со старыми работами, такими как воспоминания о Верхарне, на смерть Рильке, работу о Деборд-Вальмор. Ещё я написал новые "Звездные часы". У меня всегда так, я лучше работаю, когда нахожусь в подавленном состоянии»³ [9, S. 301]. Упомянутые в этом письме новые эпизоды сборника были найдены лишь в феврале 1942 г. среди имущества, оставшегося после смерти писателя в бразильском Петрополисе.

Расширенное издание «Звездных часов» впервые вышло в свет в 1943 г. в издательстве Бермана-Фишера в Стокгольме и включало в себя 12 из 14 исторических миниатюр, известных современному читателю. Точную дату создания последних рассказов установить не представляется возможным, за исключением историй о Л.Н. Толстом («Бегство к Богу» – *Die Flucht zu Gott*) и Сайрусе Филде («Первое слово из-за океана» – *Das erste Wort über den Ozean*). Можно лишь предположить, что все они («Побег в бессмертие» – *Flucht in die Unsterblichkeit*, «Гений одной ночи» – *Das Genie einer Nacht* и «Пломбированный вагон» – *Der versiegelte Zug*) были созданы в том самом 1937 г., упомянутом в письме.

Что же заставило С. Цвейга обратиться в один из наиболее сложных, эмигрантских периодов своего творчества к образу вождя мирового пролетариата? Скорее всего, тревожные новости, поступающие из Советского Союза о так называемых «московских процессах» 1936–1938 гг., об утверждении в России культа Сталина, подрывавших веру Цвейга в историческую миссию Советской страны [10, с. 495]. Заметим, что в этот период времени интерес С. Цвейга к революционной тематике не ограничивался исключительно образом В.И. Ленина. «Симпатичный дилетант», «молоденький капитан инженерных войск по имени Руже», «маленький, скромный человек» становится главным героем миниатюры «Гений одной ночи» и создает вдруг в «лунатическом состоянии под чарами некоего изменчивого духа» победоносную «Марсельезу», в которой Великая Французская буржуазная революция вдруг «обретает свой голос» и принимает её как свой гимн [11, с. 118–133]. И вот уже с песней на устах парижане громят Тюильри и свергают короля. Триумфальное шествие «Марсельезы» неудержимо, «оно подобно лавине», что сметает на своем пути даже самого автора-создателя этого гимна. Певца революции бросают в тюрьму как контрреволюционера и судят за измену родине. Революционные события подобно «вихрю» возносят дилетанта в ряды бессмертных, чтобы затем с презрением отшвырнуть «мелкого человека» к прежнему ничтожеству. «Единственное мгновение, которое всё устанавливает, всё предreshает» [11, с. 15], определяет судьбу поколений,

¹ Wer die Vergangenheit nicht versteht, versteht nichts wirklich. – Перевод с немецкого мой – Л. С.

² «Новый эпико-драматический жанр» – определение, данное Францем Теодором Чокором в одном из его писем к С. Цвейгу в декабре 1927 г.

³ Перевод наш – Л. С.

оно у Цвейга, словно лакмусовая бумажка, высвечивает человеческий характер, обнаруживает, в какой степени героическое начало, заложенная в каждом человеке способность к великим поступкам, реализовались в отдельной личности. Для разгадки тайны, истинных мотивов поступков своих героев Цвейг помещает их в самые экстремальные ситуации, в центр круговорота мировой истории.

Нейтральная Швейцария, на территории которой скрывается пока еще никому не известный Владимир Ильич Ульянов, окружена «бушующим океаном мировой войны» [11, с. 253]. В основу описания места действия разворачивающихся событий, положен приём антитезы, который создает уже в первой части миниатюры ощущение напряженности, царящей в мире: Швейцария, представленная читателю как «маленький мирный островок» на самом деле оказывается ареной, на которой разворачивается волнующий детективный роман. В экспозиции рассказа возникает мотив двойственности воспринимаемой действительности, который подготавливает читателя к возможной двусмысленной трактовке поведения героев этой истории. Так послы, год назад заходившие друг к другу в гости, составлявшие дружеские партии в бридж, превращаются вдруг во врагов, и чопорно проходят мимо, не замечая друг друга. Каждый из «как бы случайно попавших в страну туристов» «имеет своё чрезвычайное секретное поручение». «Что имеет обличье любви, – пишет Цвейг, – является предательством», за любым явным делом скрывается какое-то второе. И вот уже «маленький мирный островок» утрачивает свою безобидность и превращается в настоящий Пандемоний (*Pandaemonium*)⁴, обитатели которого и сами не понимают, кто же они: «охотники или преследуемые, шпионы или жертвы шпионажа, предатели или кем-то преданы» [11, с. 254].

Абсолютной противоположностью жизни обитателей фешенебельных отелей, полной шпионских страстей, выглядит размеренное существование маленького «незаметного» человека, что живет со своей женой у сапожника на узкой улочке в старом городе. Он не посещает дорогих гостиниц, не сидит в кафе. Всё, что о нем известно, так это то, что он русский, бежал из своей страны. Он небогат и неразговорчив. Не единожды прибегает автор к лексическим повторам (*unbeachtlich* – 2 раза, *unauffällig* – 2 раза) [12, S. 238–239], подчеркивая неприметность маленького коренастого русского для вершителей европейской истории, разъезжающих по Цюриху в «шикарных автомобилях с эмблемами иностранных государств» [11, с. 253].

Цвейг отчуждает своего героя от толпы, оказавшейся не в состоянии рассмотреть в этом крайне необщительном зильце «острый пронзительный взгляд», необычайную пунктуальность и настойчивость, с которой он двигался к поставленной цели. «Ежедневно в 9 утра он уходит в библиотеку и сидит там до закрытия. Точно в десять минут первого он уже дома, а через сорок минут он покидает дом, чтобы вновь первым быть в библиотеке» [11, с. 255]. И когда однажды утром место, ежедневно занимаемое загадочным русским, оказалось пусто это удивило служащего цюрихской библиотеки, прозорливо подметившего необычные качества своего постоянного читателя: крайнюю аккуратность в делах и целеустремленность.

Повествовательная канва миниатюры периодически прерывается авторскими комментариями обобщающего характера, указывающими читателю на те ключевые моменты, что служат раскрытию скрытых от внешнего наблюдателя особенностей психики главного персонажа: «Агенты, охотящиеся за сенсационными новостями, следят лишь за теми, кто много болтает, и поэтому понятия не имеют о том, что замкнутые, необщительные люди как раз и являются наиболее опасными носителями всевозможных революционных идей» [11, с. 255]. Неслучайно уже в следующем предложении Цвейг вскользь еще раз отмечает радикализм взглядов и суждений этого бывшего редактора маленькой газетки русских эмигрантов. Незаметный постоялец сапожника по мелкому ремонту позволяет себе «резко и пренебрежительно высказываться о самых уважаемых членах социалистических партий», критикует их методы, держит себя «недоступно и непримиримо» [11, с. 255]. Иными словами, перед нами человек, не признающий авторитетов, не поддающийся внешнему влиянию и оценкам, четко осознающий свою цель и с упорствомдвигающийся к ней. А целью этой была русская революция.

«Расчетливым мечтателем» (*dieser eisig klare und rechnerisch kalte Träumer*) называет С. Цвейг своего героя, соединяя в этом оксюмороне два центральных качества, определивших дальнейшие поступки Ульянова-Ленина [11, с. 257]. Речь идет о его фанатичной преданности идее «настоящей, радикальной», народной революции «в духе Карла Маркса» и о холодном расчете, признающем пользу основой нравственности и главным критерием при оценке человеческих поступков. «Отдать всё за дело» – вот основной лейтмотив действий и мыслей героя, вынужденного томиться в далекой Швейцарии и «отдать эту свою революцию другим, которые ослабят её, ополчат и заставят святую для него идею освобождения народа служить чужим государствам, чуждым народу интересам» [11, с. 259]. Перед нами – типичный пример несобственно-прямой речи, в которой голос автора переплетается с мыслями самого героя и постепенно уходит на второй план, оставляя читателя один на один с переживаниями и фантастическими планами «обычно холодного реалиста»: «Не арендовать ли аэроплан, чтобы на нем перелететь Германию или Австрию?». И далее: «Он должен вернуться в Россию, он, а не другие, должен делать революцию, подлинную, настоящую. Он должен вернуться в Россию. Вернуться любой ценой» [11, с. 259]. В авторе этих разработываемых авантюрных планов возвращения в Россию трудно угадать того самого неприметного человека, живущего тихо и скромно в доме сапожника. В середине повествования герой, наконец-то,

⁴ У Дж. Мильтона так названа столица, куда сатана сзывал всех демонов на совет.

обретает своё «очень трудно выговариваемое» русское имя – Владимир Ильич Ленин. Да и знают о нем в России куда больше, чем в переполненном шпионами всех мастей Цюрихе. «Владимир Ильич Ленин силен и энергичен, целеустремлен и смертельно опасен своим противникам» [11, с. 258].

Ленин стремится в Россию не из любви к Родине, не из-за тоски по русской земле. Сотни других, «сидящих в эмигрантских комнатах в Женеве, Лозанне, Берне» ликут при мысли о возможности «возвратиться домой, в Россию» и приходят в отчаяние, в очередной раз лишившись возможности «вернуться на родину» [11, с. 257–258]. Ульянов-Ленин же стремится в «новое государство свободы, справедливости и вечного мира» [11, с. 257]. Слова «отечество» и «патриотизм» для него лишь пустой звук. «Железный идеолог» жаждет лишь «чистой революции в его духе». Мастер психологического портрета С. Цвейг фокусирует внимание читателя на весьма характерных деталях поведения вождя мирового пролетариата по возвращении на Родину: «Он не видит своих соотечественников, он не смотрит на них, нет – прежде всего он бросается к газетам. Четырнадцать лет он не был в России, не видел ни русской земли, ни российского государственного флага, ни солдатской формы. Но этот железный идеолог не раздражается слезами, как другие, не обнимает, как его спутницы, ничего не понимающих обескураженных солдат. Сначала газету, «Правду», чтобы проверить, что газета, его газета, достаточно решительно держится интернациональной ориентации» [11, с. 264].

Политика интернационального братства, проповедуемая большевиками, шла вразрез с национальными интересами России, участвовавшей в Первой мировой войне. Именно поэтому возвращение революционера Ульянова в Петроград в апреле 1917 г. через территорию Германии до сих пор будоражит умы и воображение историков, писателей, журналистов и политиков. Пикантность ситуации, в которой оказался Ленин на территории нейтральной Швейцарии, С. Цвейг формулирует по-деловому сухо и предельно просто: «Швейцария окружена четырьмя государствами – Италией, Францией, Германией и Австрией. Путь через страны Антанты закрыт Ленину как революционеру, путь через Германию или Австрию закрыт ему как русскому подданному вражеской страны» [11, с. 259].

Не возникает сомнения в том, что С. Цвейг был прекрасно осведомлен об обвинениях в адрес вождя революции в том, что он является оплачиваемым агентом немецкого правительства. Достаточно вспомнить о громкой кампании вокруг так называемых документов Сиссона, развернувшейся в американской и западноевропейской прессе в 1920-е гг. Но именно способность героя подняться над общепринятыми представлениями о морали, соотнести свой поступок с понятием сообразности и возводит его в «сонм бессмертных». «Он видит лишь цель, тогда как другие менее прямолинейные, менее волевые, не в состоянии пойти на поступок, по всем действующим законам и представлениям считающийся изменой» [11, с. 261].

И все же при всей своей «неистребимой решимости» Ленин в свой звездный час не утрачивает второго, не менее важного своего качества: необычайной аккуратности в делах. Понимая сенсационность своего шага, он предпринимает целый ряд мер, чтобы оградить себя в будущем от всякого рода обвинений и кривотолков: «переговоры ведутся с максимальной прямоотой», и Ленин не просто обращается к германскому правительству с просьбой, а «предъявляет ему условия», да и протокол составлен мастерски неопределенно, что допускает проезд без проверок не только русских, но и австрийских подданных [11, с. 262].

Любитель сравнительного метода С. Цвейг и здесь остается верен себе, проводя «удивительную», как он сам заметил, аналогию между Лениным и Гинденбургом. Оба они в течение десятков лет рассматривали, разрабатывали, обдумывали дело всей своей жизни, но один (Гинденбург) так и остался сидеть дома в цивильном костюме и переставлять флажки на географической карте, наблюдать со стороны за успехами и ошибками других, а второй (незаметный Ульянов-Ленин), «преисполненный неистребимой решимости», превращается в живой тринитротолуол, «снаряд, что разорвавшись, превращает в развалины империю, мир» [11, с. 265].

Заключение. Интерес к личности Ульянова-Ленина со стороны С. Цвейга неслучаен. Он обусловлен, с одной стороны, его стремлением к разгадке истинных мотивов поступков выдающихся исторических личностей, раз и навсегда повернувших ход мировой истории. С другой стороны, немаловажную роль сыграли личные симпатии автора в отношении страны Советов и исторические условия, в которых создавался этот рассказ. Вождь мирового пролетариата у Цвейга – это, прежде всего, сильная личность, «железный идеолог», четко видящий свою цель и упорно движущийся к ней с холодной головой и трезвым расчетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саакашвили в автобусе сравнил себя с призраком коммунизма и Лениным [Электронный ресурс] // Lenta.ru – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/09/10/saaka/>. – Дата доступа 12.10.2020.
2. Миримов, Л. Судьба «Звездных часов человечества» в России / Л. Миримов // Цвейг, С. Звездные часы человечества: исторические миниатюры : полный цикл / С. Цвейг ; [пер. с нем.]. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2010. – С. 5–10.
3. Хальвег, В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году / В. Хальвег ; [пер. с нем.]. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 244 с.

4. Николаевский, Б.И. Тайные страницы истории / Б.И. Николаевский. – М. : Изд-во гуманитарной лит-ры, 1995. – 5112 с.
5. Саттон, Э. Уолл-стрит и большевицкая революция / Э. Саттон ; [пер. с англ.]. – М. : Альманах «Русская идея», 1998. – 400 с.
6. Фейхтвангер, Л. О смысле и бессмыслице исторического романа / Л. Фейхтвангер // Собр. соч. : в 12 т. – М. : Худож. лит., 1963–1968. – Т. 12. – С. 667–674.
7. Изотов, И.Т. Ранние исторические романы Л. Фейхтвангера / И.Т. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 160 с.
8. Цвейг, С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского / С. Цвейг // Собр. соч. : в 10 т. – М. : ТЕРРА, 1997. – Т. 9. – С. 7–154.
9. Beck, K. Nachbemerkung des Herausgebers / K. Beck // Zweig, S. Sternstunden der Menschheit / S. Zweig. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2007. – S. 297–304.
10. Азадовский, К.М. Стефан Цвейг в СССР: 1920-е годы / К.М. Азадовский // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта (2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Z3mcIp_oioс%3D&tabid=10460. – Дата доступа: 25.10.2020.
11. Цвейг, С. Звездные часы человечества: исторические миниатюры: полный цикл / С. Цвейг; пер. с нем. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2010. – 318 с.
12. Zweig, S. Sternstunden der Menschheit / S. Zweig. – Frankfurt am Main : Fischer Verlag, 2007. – 304 S.

Поступила 08.11.2020

LENIN'S IMAGE IN "THE SEALED-UP CAR" BY S. ZWEIG

L. SIAMCHONAK

The analysis of art interpretation of an image of the leader of the world proletariat Vladimir Ulyanov-Lenin in a historical miniature of S. Zweig "The sealed-up car" is carried out. The keen interest of the author in a psychological portrait of the hero, detection of true motives of its acts which defined the course of world history is noted. It is shown how by means of reception of an antithesis the author enters motive of duality of the perceived reality into the narration. The ability of the hero to rise over the standard ideas of morals is caused by his such personal qualities as extreme accuracy in affairs and commitment. They allowed the imperceptible person to make an act under all current laws and representations considered as treason.

Keywords: *artistic image, Lenin, psychological portrait, motive, act, world history, antithesis, oxymoron, comparison.*

УДК 821.112.2

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ «РОМАНЕ ПОВОРОТА»

А.В. СТЕПАНОВА

(Полоцкий государственный университет)

a.stepanova@psu.by

Рассматривается понятие «кризис идентичности» в немецком «романе поворота». Анализируется точка зрения восточного немца на объединение Германии, повлекшее за собой перелом в национальном самосознании. Через призму исторических проблем анализируется психологический портрет героев в романах В. Хильбига «Временное пристанище» и Й. Шпаршу «Комнатный фонтан». В качестве основных художественных черт «романа поворота» выделяются внимание к деталям, освещение событий новейшей немецкой истории глазами жителя восточных земель, автобиографичность, аллюзии, символические образы.

Ключевые слова: объединение Германии, кризис идентичности, мироощущение, «литература поворота», аллюзия.

Введение. После объединения двух германских государств в 1989–1990 гг. в немецкой литературе появилось понятие «литература поворота» (*Wendeliteratur*)¹, которая объединяет произведения о жизни людей до и после падения Берлинской стены. Это историческое событие было воспринято немецким обществом как символ перемен и прощания со значительной частью прошлого [1]. В литературной критике заговорили о новой романной форме – «романе поворота» (*Wenderoman*). Предпосылкой для его появления Д.А. Чугунов считает изменение «само[го] наполнени[я] ... термина "немецкое прошлое", который традиционно рассматривался как иное обозначение периода нацизма» [2, с. 5]. Теперь прошлое расширилось и стало включать в себя значимые недавние события.

Как отмечает Г.В. Грошева, «падение Берлинской стены в 1989 г. и объединение Восточной и Западной Германии в 1990 г. поставило перед немцами сложную проблему самоопределения и положило начало нового этапа трансформации немецкой национальной идентичности» [3, с. 60]. После объединения Германии проблема немецкой идентичности приобретает особое значение, «поскольку на повестку дня встал вопрос о разнице в миропонимании немцев разных поколений, а также о возможности взаимопонимания людей, долгое время разделенных Берлинской стеной. Долгожданное объединение принесло с собой новые проблемы и поставило новые вопросы, по-разному оцениваемые в различных слоях общества новой Германии, прежде всего, в среде бывшей восточногерманской интеллигенции» [4, с. 298]. В результате радикальных социальных изменений восточногерманцы стали вспоминать аспекты своей личной биографии, жизненный опыт, прошлые традиции и ценности. В литературе появляется понятие «ностальгия» – ностальгия по временам, когда у людей были надежды и мечты, желание жить в мире «за стеной», а также критический взгляд на обстоятельства жизни в ГДР.

События объединения Германии запустили механизм работы с культурной и исторической памятью. Как указывает М.С. Потёмкина, опираясь на исследования немецких ученых, объединение Германии тесно связано с такими понятиями и переживаниями как «стресс» (*Wendestress*) и «кризис» (*Vereinigungskrise*), с такими формами душевных заболеваний, как шизофрения и диссоциативное расстройство идентичности [5, с. 147]. Объединение Германии стало новым испытанием для немецкой идентичности.

Основная часть. Одним из самых значительных писателей современной немецкой литературы, затрагивавших в своем творчестве тему объединения Германии, является В. Хильбиг (*Wolfgang Hilbig*, 1941–2007). Его главные произведения – повести «Бабы» (*Die Weiber*, 1987), «Старая живодерня» (*Alte Abdeckerei*, 1991), роман «Я» (*Ich*, 1993), «Временное пристанище» (*Das Provisorium*, 2000) – представляют собой масштабные картины жизни Восточной Германии.

Основу романа «Временное пристанище» образует история писателя из ГДР господина Ц., который временно живет на Западе. В центре внимания В. Хильбига находится психологическое состояние человека. В начале романа создается ощущение неуверенности и тревоги, нагнетания мрачного предчувствия несчастья (объединения Германии), приступ мании преследования: господина Ц. обгоняет «тусклая тень» [6, с. 4], а путь освещает «тусклый свет лампочки» [6, с. 23], не покидает ощущение, что «на него сейчас нападут сзади» [6, с. 4].

Автор точно описывает состояние человека, который рос и жил, занимался писательством в ГДР и волей судьбы оказался в ФРГ: главному герою тяжело приспособиться к новой действительности,

¹ *Wendeliteratur* (от нем. *Wende* – поворот, перелом, перемена) – произведения, в которых освещаются события до и после воссоединения Германии.

так как его мировоззрение было сформировано в другой системе: «Он – типичный продукт ГДР, физически и психически, вплоть до нервных стволов, мозговых клеток и бессознательных реакций, он – детище того временного решения, что именуется ГДР» [6, с. 246].

Главный герой осознает, что существует граница между вчера и сейчас, ему сложно привыкнуть к свободе слова и вседоступности. Господин Ц. остро переживает проблему самоидентификации: он не может понять, где его родина, дом, не может обрести себя, считая бесполезным и ненужным. Главный герой переживает кризис идентичности – всепоглощающее переживание, состояние, когда человек находится в поиске своего места, роли и предназначения в социуме: «С получением визы личность, которую он, мало-мальски уверенно, мог принимать за свою, как будто враз уничтожили [6, с. 94].

Необходимо отметить, что роман является в некоторой степени автобиографичным: В. Хильбигу пришлось пережить многое из того, что проходит главный герой: молодость в ГДР, попытки писать и приобретенная популярность, жизнь в ФРГ, объединение Германии и знакомство с новой родиной. В. Хильбиг очень точно описывает мучительное состояние человека, чье мировоззрение сформировалось в ГДР. Как отмечает О.С. Гундина, «герой романа, привыкший к скованности и скрытности, само собой разумеющейся в ГДР, в ФРГ оказывается вдруг чересчур свободным. Будучи не в состоянии контролировать собственную свободу, он постепенно разрушается физически и морально» [7, с. 260]. Пойманный в ловушку состояния неопределенности, он не может двигаться дальше по жизни, не имея сил решить, в какую сторону ему податься. Столкнувшись с проблемой самоопределения, Ц. не может найти в себе силы, чтобы продолжать писать, считая себя «живым трупом» [6, с. 231]. Как отмечает М.С. Потёмина, «расщепление "Я", его раздвоение и даже распад, ведущий к развитию нескольких обрамляющих действий, представляет собой центральный мотив прозы Вольфганга Хильбига» [8, с. 138].

Просрочив визу, господин Ц. оказывается в ничейной стране: он не может вернуться домой и не уверен, что его место на Западе. Однако главная проблема заключается в том, что он не знает, хочет ли он вернуться домой, поэтому он остается где-то между Востоком и Западом. М.С. Потёмина отмечает: «Как в любой литературе "перехода", автор и его герой занимают позицию "между": между Востоком и Западом; между ностальгией, западной эйфорией и одновременной невозможностью принять ни тот, ни другой мир; реальностью и ирреальностью; между творческим кризисом и невероятным аналитическим прозрением. Все эти пограничные состояния приводят alter ego писателя к затяжному творческому и экзистенциальному кризису» [9, с. 41].

Кроме того, автор изображает оборотную сторону общества процветания ФРГ: наркомания и маргинальное существование. В западном обществе потребления он сталкивается с такими чувствами, как жадность и зависть, после чего мучается стыдом, так как для него это были низменные эмоции, ему не свойственные. Как отмечает У. Мэрц, «от мира, как восточного, так и западного, не остается ничего заметно положительного» [10].

Автор выбрал героя, во многом ориентируясь на установки Ф. Кафки. Человек у Кафки – существо страдающее, незащищенное и бессильное. Роман Хильбига содержит интертекстуальные аллюзии: имя главного героя, его обезличенность отсылает нас к героям Ф. Кафки, которые существовали только в рамках очерченной реальности. Герой романа, так же как и персонажи Кафки, постоянно ощущает присутствие неведомой силы в своей жизни, которая пристально следит за ним, он не может ей сопротивляться, она направляет его действия: «Как будто непостижимые обстоятельства выводят тебя на чистую воду ... казалось, сложилась легенда, сложился публичный образ, которому он не соответствует, с которым не в силах справиться» [6, с. 115]. Господин Ц. на протяжении всего романа находится в промежуточном состоянии, мечется между Востоком и Западом, пока окончательно не перестает понимать, кто и что им движет: «Написанные книги вдруг показались ему частью трусливого компромисса с неведомым монстром, который и был его жизнью; пактом с той тварью, что даже во сне неотвязно идет по пятам [6, с. 242].

Так как главный герой «потерялся» в бесконечном числе идентичностей, он решил идентифицировать себя через потребление. Идентичность главного героя отчасти сформирована в новой исторической действительности как идентичность потребителя. Каждое его действие сопровождается едой и выпивкой, которая «приглушала давление, смиряла с мыслью, что придется жить без малейших надежд на будущее» [6, с. 148]. Еда и выпивка являются художественной деталью, посредством которой создается индивидуальная характеристика главного героя: принимая спиртное, господин Ц. пытается уйти от реальности, от переживаний, становится замкнутым, зависимым, слабым и опустошенным. Заполняя посредством алкоголя свой духовный мир, он пропивал «такие деньги, каких даже в Западной Германии ни один нормальный обыватель не позволит себе пропить» [6, с. 121]. Несмотря на отсутствие видимой границы, герой Хильбига не сливается с окружающей его действительностью, еда и выпивка для него – это вакуум, благодаря которому он оградил себя от внешнего мира, спрятался. Спившись, главный герой так и не нашел в себе силы начать достойную жизнь в новой для него стране.

Животрепещущие проблемы времени осмысливаются с точки зрения восточного немца в романе Й. Шпаршу (*Jens Sparschuh*, p. 1955) «Комнатный фонтан» (*Der Zimmerspringbrunnen*, 1995). Состояние

восточных немцев в период исторического перелома изображается на примере судьбы «маленького» человека. Повествование ведется от лица главного героя Хинриха Лобек, который оказывается безработным. В объединенной Германии его умения и навыки считаются устаревшими. Лобек рассказывает о событиях объединения, исходя из пережитого опыта, что придает повествованию высокую степень достоверности. Объединение Германии становится начальной точкой отсчета следующего этапа в жизни главного героя, который попадает в новую реальность, «не выходя из квартиры» [11, с. 38]. Лобек перестает ощущать себя немцем: «Я чувствовал себя последним могиканином и, выходя с Пятницей на прогулку, упорно насвистывал любимую песню пионерских времен: "Вставай, проклятьем заклейменный..."» [11, с. 39]. Оказываясь за бортом жизни, Лобек погружается в прокрастинацию, малодушный страх перед неизвестностью вынуждает его сидеть дома на протяжении трех лет, откладывая поиск работы в долгий ящик. Он не понимает, кто он, не может найти себя в новой реальности. Хинрих перестает общаться с друзьями, его квартира становится для него убежищем, местом для выживания.

Объединение страны внесло кардинальные изменения в жизнь главного героя: сберкасса назвала банком, улица, где проживал Лобек, получила другое название, и даже жена Юлия изменилась, «она значительно помолодела, во всяком случае внешне, хотя внутренне она, наоборот, стала серьезнее, причем эта ее серьезность почему-то выглядела не настоящей, а искусственной, чужой» [11, с. 39]. В новой реальности Лобек переживает не только кризис идентичности, но и терпит семейный крах: Юлия, разочаровавшись в супруге, уходит от него.

Немаловажно, что события объединения не прошли бесследно и для жителей бывшей ФРГ. Западные немцы тоже пережили своеобразный кризис идентичности: они испытали чувство утраты и тоски по времени до воссоединения. Так, в литературе появляется термин «вестальгия» – чувство потери и ностальгии по Западу перед падением Берлинской стены. Однако, как отмечает Л.В. Коротецкая, «если западную интеллигенцию волновали теоретические построения возможной немецкой идентичности, то для их восточных собратьев важнее было осознание себя как части единого немецкого народа, признание социокультурной и этнической общности с западными немцами» [12, с. 93].

Следует отметить, что Хинрих Лобек, в отличие от господина Ц., который не сумел приспособиться к новой действительности, проявляет несгибаемый характер и остроумие: он устраивается агентом фирмы по продажам комнатных фонтанов, благодаря своему таланту разрабатывает новую модель фонтана, в изобретении которой Лобеку помогла остальгия восточных немцев по ГДР. Модернизируя Иону, Лобек дополнил Атлантиду «остальгической» деталью – Берлинской телевизионной башней на фоне контуров бывшей ГДР. Эта модель завоевала популярность среди восточных немцев. Лобек отмечает: «Я так и не мог постичь, в чем тайна успеха моей Атлантиды, и это временами меня пугало» [11, с. 119]. Таким образом, Шпаршу выступает в образе современного Платона, а Лобек предстает Критием в новых одеждах, который благодаря своей модели продает воспоминания и ностальгию по бывшей ГДР. Сама же Атлантида переживает в комнатный фонтан и соотносится с падением ГДР.

В своем романе Шпаршу противопоставляет «осси» и «весси»², благодаря чему показывает контраст, который существует между ними. Представитель «осси» – Хинрих Лобек – скромный, добрый, чуткий мужчина. Представители «весси» – коварные, эгоцентричные люди, которые считают восточных немцев «вечно обиженными придурками с лагерными замашками» [11, с. 112]. «Весси» готовы любыми способами зарабатывать деньги и идти вверх по карьерной лестнице. Лобек, в свою очередь, не заботится о заработке денег, его интересует труд. Шпаршу утверждает, что «на смену обществу неограниченного потребления должно прийти общество гармоничного баланса, которое не будет ставить во главу угла деньги» [13, с. 308]. Успешный «весси» Болдингер, который действовал «в строгом соответствии с методикой обработки покупателя» [11, с. 117], терпит поражение, а аутсайдер Лобек становится успешным агентом по продаже комнатных фонтанов. Секрет успеха кроется в уважении и любви к людям, Лобек сумел сохранить в себе «незыблемый островок внутренней суверенности и той необходимой человеку "бытийности", позволяющей преодолеть все трудности и выжить в новой реальности» [13, с. 308].

Роман «Комнатный фонтан» интересен и с точки зрения интертекстуальных тенденций: главный герой Лобек, оказавшись перемолотым в жерновах истории, становится современным Робинзоном Крузо: он ведет книгу учета, где описывает свой день, мысли и чувства, домашний пес Хассо втайне от жены получает кличку Пятница по имени дикаря из известного романа Д. Дефо. Главный герой в попытке обжить новое социокультурное пространство объединенной Германии осуществляет поистине «робинзонову работу». Если классический Робинзон из романа Д. Дефо осваивает, окультуривает природный хаос, то «новый Робинзон» выступает как фигура покорителя / усмирителя социального и культурного хаоса, вызванного объединением Германии. Йенс Шпаршу, как и его литературный предшественник, создает здесь историю свободного, всепобеждающего труда [12, с. 306].

² Термин «осси» (от нем. *Ost* – восток) используется для обозначения жителей земель, входивших в состав ГДР. Понятием «весси» (от нем. *Westen* – запад) принято обозначать жителей ФРГ.

Так, главный герой, оставшись без страны, работы и жены, смог приспособиться к жизни в новой исторической действительности. Как справедливо отмечает А.М. Поликарпов, в романе «мы наблюдаем открытый финал, как бы сигнализирующий о том, что перед Хинрихом открываются перспективы построения новой жизни» [15, с. 169].

Заключение. Объединение Германии в 1989–1990 гг. является самым значительным событием немецкой истории конца XX века. Перед немцами стоял вопрос: найти новый путь развития, проанализировав свою историю. В литературе появляются понятия «остальгия» – ностальгия по временам, когда у людей были надежды и мечты, желание жить в мире «за стеной», а также вестальгия – чувство потери и ностальгии по Западу перед падением Берлинской стены. Однако особенно «пострадали» граждане бывшей ГДР, так как их государство прекратило свое существование.

Романы В. Хильбига «Временное пристанище» и Й. Шпаршу «Комнатный фонтан» представляют собой истории двух разных мужчин, которые столкнулись с проблемой самоопределения на фоне объединения Германии. Проблема кризиса идентичности раскрывается глазами «осси» – господина Ц. и Хинриха Лобека, однако они по-разному переживают и справляются с «кризисом» и «стрессом». Господин Ц. не нашел в себе силы пережить тяжелые времена, он спивается, заканчивая свою жизнь асоциальным существованием. Лобек, в свою очередь, сумел преодолеть внутреннее опустошение, «всплыл», приспособился к новым обстоятельствам, нашел свое предназначение. Таким образом, главные герои являются пазлами единого полотна: путь к самому себе в новой исторической реальности был непрост, большая история наложила неизгладимый отпечаток на судьбы простых «маленьких» людей, и не каждый восточный немец смог найти свое место в новой Германии, обрести себя и начать новую, достойную жизнь.

Кризис идентичности продиктован внешним фактором – разрушением границы, что повлекло за собой много проблем: тысячи восточных немцев утратили ориентиры в жизни, они перестали понимать, где их место – в прекратившей свое существование ГДР или в новой объединенной Германии, от которой они не знали, чего ожидать. Кризис идентичности вызван также и внутренними факторами: личностными особенностями героев, их комплексами и переживаниями.

«Роман поворота» в творчестве В. Хильбига и Й. Шпаршу отличается такими чертами, как внимание к деталям, концентрация на событиях новейшей немецкой истории глазами жителя восточных земель, автобиографичность, аллюзии, символические образы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мазенова, М.В. Грани немецкой ментальности и поиски национальной идентичности в социокультурном контексте Германии на рубеже XXI века / М.В. Мазенова, Т.А. Шарыпина // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Филология. Педагогика. Психология. – 2018. – № 2. – С. 59–69.
2. Чугунов, Д.А. Немецкая литература 1990-х годов: ситуация «поворота» / Д.А. Чугунов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 288 с.
3. Грошева, Г.В. Немецкий дискурс о прошлом и проблема соотношения национальной и европейской идентичностей немцев (вторая половина XX – начало XXI в.) / Г.В. Грошева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2014. – № 3 (5). – С. 57–67.
4. Шарыпина, Т.А. К проблеме изучения немецкой идентичности в контексте европейской ментальности на рубеже XX–XXI вв. / Т.А. Шарыпина, Т.В. Кудрявцева // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2 (2). – С. 296–303.
5. Потёмина, М.С. Объединение Германии как опыт «социокультурной травмы» / М.С. Потёмина // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов / отв. ред. Н.С. Бабенко, Н.А. Бакши. – Н. Новгород : ООО «Изд-во Деком», 2019. – Т. XVI : Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания. – С. 146–156.
6. Хильбиг, В. Временное пристанище / В. Хильбиг ; [пер. с нем. А. Шибаровой]. – СПб. : Азбука-классика. – 2004. – 256 с.
7. Гундина, О.С. Германия после объединения: кризис идентичности в постперестроечную эпоху (на материале романа В. Хильбига «Временное пристанище») / О.С. Гундина // Филологический аспект. – 2018. – № 3 (35). – С. 259–265.
8. Потёмина, М.С. Дихотомия «Я» – «другой Я»: Деконструкция героя в прозе Вольфганга Хильбига / М.С. Потёмина // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 136–151.
9. Потёмина, М.С. Концепт «граница» в романе В. Хильбига «Временное пристанище» / М.С. Потёмина // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. – 2009. – Вып. 2. – С. 40–44.
10. März, U. In der deutschen Vorhölle [Elektronische Ressource] / U. März // ZEIT ONLINE. – 2004. – Zugangsregime: https://www.zeit.de/2000/09/200009.hilbig_.xml. – Datenzugang: 23.12.2020.
11. Шпаршу, Й. Комнатный фонтан / Й. Шпаршу ; пер. с нем. М. Корневой. – СПб. : Амфора, 2004. – 224 с.
12. Коротецкая, Л.В. Особенности интеллектуального патриотического дискурса в Германии 1990-х годов / Л.В. Коротецкая // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 1. – С. 92–99.

13. Кучумова, Г.В. Проблема «ossi-wessi» в романе Й. Шпаршу «Комнатный фонтан» / Г.В. Кучумова // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков. – Н. Новгород : Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2016. – С. 304–311.
14. Поликарпов, А.М. Отражение особенностей немецкой национальной культуры в романе Йенса Шпаршу «Комнатный фонтан» (Der Zimmerspringbrunnen) и преодоление лакунарности концептосфер при переводе на русский язык / А.М. Поликарпов // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2 (2). – С. 168–174.

Поступила 23.12.2020

THE IDENTITY CRISIS IN THE GERMAN «NOVEL OF THE TURN»

A. STEPANOVA

The concept of "the identity crisis" in the German "novel of the turn" is considered. Closely associated with the German unification, which led to a sharp change in the national consciousness, this kind of novel gives an East German point of view on the historical events. The psychological portrait of the characters in the novels of W. Hilbig and J. Sparschuh is analyzed through the prism of historical problems. The main features of the "novel of the turn" are brought out: attention to the details, "ossi"'s point of view on the newest German history, autobiographical character, literary allusions, symbolic images.

Keywords: *the unification of Germany, "literature of the turn", identity crisis, worldview, allusion.*

УДК 821.161.3.09-822

**МІЖЛІТАРАТУРНЫ ДЫЯЛОГ У АСЭНСАВАННІ ТВОРЧАСЦІ СЯРГЕЯ ЯСЕНІНА
ЯГО ЛІТАРАТУРНЫМІ СУЧАСНІКАМІ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСКАГА ДРУКУ)**

канд. філал. навук, дац. І.Б. ЛАПЦЁНАК
(*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў*)
laptenokirina@tut.by

Артыкул прысвечаны вывучэнню беларускага кантэксту літаратурнай спадчыны С. Ясеніна ў працэсе міжлітаратурнага ўзаемадзеяння. Асабліва ўвага ўдзяляецца праблеме ўспрымання творчасці паэта яго літаратурнымі сучаснікамі. На аснове матэрыялаў беларускага друку разглядаюцца актуальныя аспекты асэнсавання творчай індывідуальнасці паэта на некалькіх напрамках: літаратуразнаўчыя і літаратурна-крытычныя даследаванні, мастацкія прысвячэнні, наследаванні і пераклады. Шляхам іх вывучэння вызначаны асноўныя канцэптуальныя падыходы, якія адлюстроўваюць асаблівасці рэцэпцыі творчасці С. Ясеніна ў Беларусі ў 1920–1930-я гг.

Ключавыя словы: літаратурны працэс, творчая індывідуальнасць пісьменніка, рэцэпцыя, мастацкі пераклад, наследаванне, літаратурна-крытычнае асэнсаванне.

Уводзіны. На сучасным этапе назіраецца павышаная цікавасць да развіцця літаратуры першых дзесяцігоддзяў мінулага стагоддзя, наколькі ў ім акамуляваны шэраг характаралагічных аспектаў, важных для ўсведамлення агульнай светапогляднай і эстэтычнай сітуацыі 1920–1930-х гг. Сучасныя працы даследчыкаў пашыраюць кола фактычных матэрыялаў аб творчасці пісьменнікаў дадзенага перыяду, што стварае перспектывы для спасціжэння цэласнай карціны развіцця літаратурнага працэсу. Актуальным аспектам у гэтым кантэксце з’яўляецца даследаванне міжлітаратурнага ўзаемадзеяння, у межах якога пашыраецца спектр вывучэння асобы пісьменніка і яго творчасці, уключаючы пытанні літаратурнай пераемнасці, функцыянавання разнастайных форм творчага асваення яго спадчыны.

Даследаванне працэсу міжлітаратурнага ўзаемадзеяння, умоў і фактараў фарміравання міжлітаратурнага дыялогу непасрэдна звязана з пытаннямі ўспрымання творчасці пісьменніка, яе літаратурна-крытычнага асэнсавання і запатрабаванасці.

Успрыманне мастацкага твора ўяўляе сабой складаны і шматгранны працэс: «з аднаго боку, яго структура і напрамак развіцця праграмаваны ў мастацкім творы, з другога боку, у ходзе гэтага працэсу ажыццяўляецца творчая дзейнасць успрымаючага, якая так ці інакш відазмяняе ўвасобленыя ў мастацкім творы вобразы пад уплывам індывідуальнага жыццёвага вопыту успрымаючага, яго эстэтычных ідэалаў, прынцыпаў светаўспрымання і пэўнай мэтанакіраванасці» [1, с. 206]. Дадзенай праблеме прысвечаны даследаванні літаратуразнаўцаў (Г.А. Гукоўскі, Б.С. Мейлах, В.Я. Халізеў, М.Б. Храпчанка, Л.В. Чарнец), псіхологаў (Л.Г. Жабіцкая, Н.І. Нікіфарова, П.М. Якабсон), філосафаў (Ю.Б. Бораў, Я.В. Волкава, А.А. Крыўцун) і інш. Праблема ўспрымання творчасці пісьменніка даследавалася пераважна ў адносінах да чытачоў – як праблема ўспрымання літаратурнага твора ў працэсе яго аналізу, інтэрпрэтацыі і жанравай дыферэнцыяцыі, што знайшло выяўленне ў працах Н.Д. Малдаўскай, М.І. Кудрашова, У.Г. Маранцмана, Г.І. Бельскага, І.С. Збарскага, В.А. Даманскага і інш.

Апошнім часам назіраецца ўстойлівая цікавасць да аналізу гэтай праблемы ў міжлітаратурным фармаце, аб чым сведчаць такія даследаванні, як «Творчество А.П. Чехова в Ираке: восприятие и оценка» (2015), «Рецепция творчества В.П. Астафьева и В.Г. Распутина в Китае: этическое пространство» (2019), «Восприятие и изучение творчества Чарльза Диккенса в России» (2016) і інш. Асаблівую актуальнасць уяўляе сабой вывучэнне ўспрымання творчасці тых замежных пісьменнікаў, якія аказалі значны ўплыў на развіццё нацыянальнай літаратуры, яе жанрава-тэматычную разнастайнасць і мастацкую вобразнасць.

Унікальным аб’ектам для вывучэння ў дадзеным кантэксце (як з пункту гледжання літаратурна-крытычнага адлюстравання, так і даследавання індывідуальна-творчай рэцэпцыі) з’яўляецца ўспрыманне творчасці С. Ясеніна. З улікам скандальнага антуражу працяглы час яна інтэрпрэтавалася літаратурнай супольнасцю неадназначна. Гэта адносілася як да творчасці паэта ў цэлым, так і да асобных яго твораў. Вызначана, што існуе «велізарная колькасць (больш за 100) не проста супрацьлеглых, але нават і выключаючых адна адну прыжыццёвых ацэнак паэмы “Пугачоў”» [2, с. 108]. Літаратурна-крытычныя матэрыялы «Масквы кабацкай», створаныя літаратурнымі сучаснікамі паэта, таксама адлюстроўваюць «даволі неадназначнае ўспрыманне кнігі» [3, с. 100]. У той жа час па колькасці перакладаў, выданняў, водзваў і рэцэнзій 1926–1927 гг. С. Ясенін з’яўляўся безумоўным лідэрам сярод рускіх паэтаў. Яшчэ пры жыцці паэта яго творы былі перакладзены на 17 моў свету.

Праблема ўспрымання С. Ясеніна ў сусветнай культуры ўпершыню была пастаўлена літаратуразнаўствам у 1980-я гг. У наступныя дзесяцігоддзі адметнай спробай яе даследавання стала выданне

«Русское зарубежье о Есенине» (1993), падрыхтаванае Н.І. Шубнікавай-Гусевай. Зборнік «С. Ясенін і сусветная культура» (2007) стаў першым вопытам комплекснага калектыўнага падыходу да пытанняў сусветнага ўспрымання яго спадчыны. На працягу апошняга дзесяцігоддзя з’явіліся працы, у якіх у сістэматызаваным і абагульняючым выглядзе прадстаўлены звесткі, якія значна пашыраюць уяўленне літаратурнай грамадскасці аб асваенні спадчыны рускага паэта за мяжой: даследаванні К.С. Хіло «Восприятие поэзии С.А. Есенина в Германии» (2015), Н.І. Шубнікавай-Гусевай «Есенин в Польше (1918–1939): рецепция и интерпретация» (2019), М.У. Скараходава «“Большое видится на расстоянии...”»: о рецепции творчества Есенина в Советском Союзе (1930–1980-е гг.)» (2017) і інш.

Асноўная частка. Пытанне асэнсавання творчасці С. Ясеніна яго літаратурнымі сучаснікамі ў Беларусі адносіцца да ліку найменш вывучаных. У той жа час яго разгляд садзейнічае раскрыццю працэсу ўзаемаўзбагачэння і ўзаемадзейння літаратур, аналізу спецыфікі працэсу выяўлення творчага «я» паэта і яго ўключанасці ў агульную тэндэнцыю ўспрымання творчасці паэта ў сусветным кантэксце, вызначэнню адметнасці форм асваення яго літаратурнай спадчыны.

Найбольшы ўклад у вывучэнне рэцэнцыі творчасці рускага паэта ў Беларусі сярод сучасных даследчыкаў унёс П.І. Радзечка, аўтар кніг «Гомельская Есениниана» (2000), «Троянский конь репутации Есенина» (2005), «Есенин и белорусская поэзия» (2000), «Есенин и Беларусь» (2011), «Реабилитированный Есенин» (2016). Важную ролю ў пошуку і вызначэнні беларускіх крыніц ясенінскай спадчыны мае паказальнік, падрыхтаваны У. Фрыдманам, – «Беларуская Ясеніяна. 1925–1984» (1985), у якім упершыню на постсавецкай прасторы былі сабраны звесткі пра кнігі паэта, выдадзеныя ў Беларусі, публікацыі яго вершаў на рускай і беларускай мовах, артыкулы, прысвечаныя яго творчасці, вершы беларускіх і рускіх паэтаў, апублікаваныя ў беларускім перыядычным друку.

Даследаванне працэсу асваення літаратурнай спадчыны С. Ясеніна ў Беларусі сведчыць аб тым, што гэты працэс быў даволі доўгім, праходзіў у некалькі этапаў, неаднародных па інтэнсіўнасці, з якіх найменш вывучаны – перыяд 1920–1930-х гг.

Упершыню з творчасцю С. Ясеніна беларускі чытач пазнаёміўся ў 1925 г. Гэта быў верш «Персидскія матывы» ў перакладзе У. Дубоўкі, надрукаваны ў газеце «Савецкая Беларусь» за два месяцы да трагічнай гібелі паэта. Беларускі паэт неаднаразова сустракаўся з С. Ясенінам падчас вучобы ў Маскве, і той, у сваю чаргу, таксама ведаў яго, хоць і не быў блізка знаёмы з яго творчасцю: «Будучы студэнтам, я неяк саромеўся “лезці” ў большае знаёмства да вядомых аўтараў» [4, с. 60]. У сваіх успамінах У. Дубоўка падрабязна апісаў асаблівасці сустрэч рускага паэта са студэнтамі ў Вышэйшым літаратурна-мастацкім інстытуце, на якіх неаднаразова сам прысутнічаў: «Ясенін з’яўляўся ў інстытуце не толькі на ўрачыстых вечарынах, на адкрыцці або заканчэнні навучальнага года, але і проста няўзнак. З’яўленне Ясеніна ў інстытуце заўсёды стварала ўзнёслы настрой у студэнтаў. У гадзіны такіх лекцый студэнты часта чыталі свае творы. Па жаданні аўтара чытанне адбывалася з абмеркаваннем або без яго. Называліся такія заняткі “вольнай кампазіцыяй”. Дадзеная форма стала пастаяннай – студэнты набывалі навук да выступленняў ды і чыталі на “вольнасці” больш ахвотна і смялей, чым у класах і на семінарах. Ясеніну падабалася студэнцкая “вольная з вольных” – ён лічыў яе добрым пачынаннем і сам прымаў удзел у выступленнях» [4, с. 40].

Знаёмства з рускім паэтам, яго эмацыянальная заразлівасць паўплывалі і на імкненне да перакладу яго твораў Ю. Гаўрука. Успамінаючы, як у студэнцкія гады слухаў у выкананні аўтара «Песню пра сабаку», ён звяртаў увагу на прастату, інтымнасць інтанацыі і выключную пачуццёвую аддачу паэта, падкрэсліваючы, што такога артыстычнага чытання не чуў больш ніколі.

Прыжыццёвая літаратурная крытыка, размешчаная ў беларускім перыядычным друку, у адносінах да С. Ясеніна была нешматслоўнай у першай палове 1920-х гг. (адна публікацыя ў газеце «Чырвоны сцяг» (№ 7, 1925) і больш разгалінаванай – у другой палове 1920-х гг. (артыкулы і рэцэнзіі, апублікаваныя ў выданнях «Полымя» (№ 1, 1926), «Чырвоны сцяг» (№ 7, 1925), «Звезда» (1 студз. 1926 г.), «Заря Запада» (15 студз. 1926 г.), «Палеская праўда» (17 студз. 1926 г.).

Адметным і ў пэўным сэнсе паказальным у кантэксце вызначэння тэндэнцыі ўспрымання паэта прыжыццёвай літаратурнай крытыкай у 1920-я гг. можна назваць рэцэнзію, надрукаваную ў газеце «Чырвоны сцяг» (№ 7, 1925), на кнігі «Страна Советская» (Тыфліс, 1925) і «Персидские мотивы» (Масква, 1925), аўтарства якой было абазначана крыптонімам «З. Б.». Спачатку яно прыпісвалася выключна З. Бядулі. Пазней з’явілася меркаванне, згодна з якім рэцэнзія прыпісвалася «пяру вядомай у свой час расійскай пісьменніцы Зоі Бухаравай. Менавіта яна апублікавала пад крыптонімам “З. Б.” станоўчую рэцэнзію на першую кнігу Сяргея Ясеніна» [5, с. 383]. Пазней даследчык П. Радзечка прапанаваў яшчэ адну версію для абмеркавання: аўтар артыкула – Дзмітрый Сямёнавіч Снежка, ураджэнец горада Орша, які супрацоўнічаў у 1920–1930-я гг. з некалькімі беларускімі газетамі і часопісамі і напісаў крытычную рэцэнзію на кнігу С. Ясеніна «Березовый ситец» (1925) [5, с. 383–384].

У дадзенай публікацыі вітаецца жаданне паэта перайсці на пострэвалюцыйныя пазіцыі, якое ён выказаў у «Краіне Савецкай»: «І нічога няма дзіўнага ў тым, што Есенін – пясняр сялянскіх хат, кляноў, вёскі і палёў, заяўляе ў “Стансах”: Я полон дум об индустриальной мощи, / Я слышу голос человеческих сил» [6, с. 89]. У той жа час аўтар далёкі ад думкі, што паэт стаў рэвалюцыйным урбаністам, і называе яго «хрупкай», «мяккай», «глыбокай» і «хворай» натурай [6, с. 89].

Такой же неадекватной была ацэнка «Персідскіх матываў». З аднаго боку, адзначана, што ў выданні «ёсць прыгожыя пералівы вершаў», што «робіць іх больш лірычнымі і прыгожымі» [6, с. 90]. З другога боку, сцвярджалася, што «ня гэтка творчасць нам патрэбна», у якой «збоку ўнутранага зместу – неяк пуста», дзе паэт «аддыхае пасля змены “сваіх лір” ... альбо пакаціўся ў “лірычныя настраёвыя мотывы”» [6, с. 90].

У той жа час ужо ў прыжыццёвай рэцэпцыі відавочным з’яўляецца асэнсаванне асноўных канцэптаў ясенінскай паэзіі, адметнасці яго творчай індывідуальнасці – «пясняр сялянскіх хат, кляноў, вёскі і палёў» [6, с. 89]), «руская душа» [6, с. 90] і інш.

Актывізацыя міжлітаратурнага дыялогу ў асэнсаванні творчасці С. Ясеніна прыпала на другую палову 1920-х гг. На смерць паэта адгукнуліся вершамі многія паэты Беларусі (А. Гурло, М. Лужанін, А. Вольны, А. Дудар і інш.). Акрамя таго, згодна «пракакола № 1 агульнага сходу “Маладняка” за 4 студзеня 1926 г. маладнякоўцы “на наст[упны] паняд[зелак]” (г. зн. 11.01.1926) збіраліся праводзіць вечарыну памяці С. Ясеніна, дзе Міхась Чарот і Міхась Дуброўскі павінны былі выступіць з успамінамі пра яго. На жаль, тэксту ці нават кароткага пракакола гэтых успамінаў не захавалася» [7, с. 11]. У № 1 за 1926 г. часопіса «Маладняк» была размешчана «Аўтабіяграфія» паэта ў перакладзе на беларускую мову.

Адразу пасля смерці паэта ў перыядычным друку з’явіліся і водгукі на яго творчасць. Так, у часопісе «Польмя» (№ 1, 1926) быў размешчаны артыкул «С.А. Есенін (Увагі на краёх газэт)». У адрозненне ад публікацыі ў газеце «Чырвоны сцяг», тут няма негатыўнай ацэнкі ранняй творчасці паэта. Аўтар апісвае паэта як адметнага лірыка, які «не адводзячы вачэй з калыскі сваёй музы, прыклаў к ёй і чулае паэтычнае вуха» [8, с. 174], а таксама асобна звяртаецца да разгляду ўрбаністычнай тэмы ў яго творчасці. Ён адзначае, што «горад высмактаў з Есеніна асабістасць яго поэтычных успрыманняў», «атруціў Есеніна скэпсызмам» [8, с. 175], даказвае, што ўрбаністычная мастацкая палітра супярэчыць духу яго паэзіі: «Поэта, які аддаў зямлі залатое зерне сваёй беспасрэднасці, убачыў, што гэта зерне прарастае не зялёным голкавым паросткам, а ... фабрычным комінам! Чалавек, які дагэтуль поэтызаваў бяздумную чорназёмную простасць і пустасць, раптам пачуў канечнасць: “воспеть динамо и турбину / и даже спичечный завод”. Гэта было нязносна сваёй незразумеласцю, хваравіта ў сваёй нечаканасці» [8, с. 176]. З пункту гледжання даследчыка, памылкай было злучэнне «рэлігійнага з рэвалюцыйным», «матэрыялістычнага (горад) і творча патэнцыяльнага (вёска) пачаткаў». На яго думку, «знайсці роўнадзейную сілу, якія ўзаемна выключаюць адна другую» – гэта тое самае, што «ўзяць на сябе цяжар, які быў не па сіле Блоку і яго “Дванаццаці”» [8, с. 176].

У той жа час агульны вывад, зроблены аўтарам артыкула, сведчыць аб высокай ацэнцы творчасці рускага паэта: «праўдзівы народны poeta: народны па мотывах сваёй творчасці, poeta па выключнай эмоцыйнай сіле» [8, с. 178].

Найбольш грунтоўным даследаваннем, апублікаваным у беларускім перыядычным друку ў 1920-я гг., стаў артыкул «Да спрэчкі пра Есеніна» С. Вальфсона. Як і ў папярэдняй публікацыі, сялянскія карані паэта прадстаўлены як арганічная частка яго натуры: «Есенін быў увесь вясковы, ён быў разанскім сялянінам, ня толькі па крыві і пашпарту. Ён быў ім па сваім светаўспрыманні, міраадчуванні, светапогляду, светапачуцці» [9, с. 160]. Успрыманне горада вызначана як чужы свядомасці паэта элемент: «Індустрыяльна-гарадзкая магутнасць задушыла хлапчука з блакітнымі вачыма. Ён боязна згорбіўся перад ёй, і яго думка ўсё часцей і больш наможліва імчалася ды імчалася ў далёкую разанскую вёску. Сяргей Ясенін зразумеў, што ў яго няма сілы супраціўляцца гораду і яго культуры, і ён пасаваў перад няўхільным» [9, с. 160–161]. На думку даследчыка, паэт надзвычай балюча ўспрыняў «пераход на бок гораду» – «як здрада вёсцы, як забыванне яе інтарэсаў» [9, с. 162].

У адрозненне ад аўтараў папярэдніх публікацый, у якіх «унутраная распушчанасць» паэта вызначалася як неад’емная частка яго натуры, у дадзеным даследаванні яго бунт тлумачыўся формай вымушанага ўнутранага пратэсту: «Вір шынкі паглынуў тонкага лірыка, якім нязменна заставаўся Есенін, але яго шынкарскія пахаджэнні носяць на сабе відочную пячатку напускнога, надуманага, а не арганічнага, унутранага, сапраўднага. Буйства шынкарскае не было стыхіяй Есеніна, а фокусамі страціўшага жыццёвую ўстаноўку поэты» [6, с. 163].

Галоўнай асаблівасцю паэзіі С. Ясеніна крытык вызначыў яе тонкі лірызм, накіраваны на апяванне прыроднага свету: «Ён умеў злівацца з прыродаю, умеў захоплены і адначасна пяшчотна перажываць гэтае зліванне, умеў адчуваць сябе часткай прыроды, умеў у малым лавіць яе вялікую мугутнасць, умеў натхняцца яе характам не ў містычным, надпачуццёва-боскім, а ў здаровым матэрыялістычным сэнсе гэтага слова» [9, с. 157], «ён быў родным братам усякага звярыны і таму ўмеў адчуваць гэту звярыну так, мабыць, што быў у гэтых адносінах не далёка ад Талстога» [9, с. 158].

Асаблівая ўвага ў артыкуле С. Вальфсона надавалася падвядзенню вынікаў дыскусіі аб творчасці С. Ясеніна, якая адбывалася на працягу года пасля яго смерці. Яе значэнне, на думку даследчыка, заключалася найперш у актывізацыі літаратурна-крытычнай думкі: «творчасць Есеніна знайшла рэха ва ўсім нашым краі. Няма ніводнага значнага савецкага крытыка, які не адгукнуўся-б на яго пагібель» [9, с. 171]. Асобным прадметам аналізу стаў разгляд шкоды, нанесенай працамі аб «ясеніншчыне», у якіх паэт быў

абвешчаны «сцягам упадніцкіх настройў, жывым нябожчыкам, кадзільнікам, ныцікам, баяком, што спіўся, няўдачнікам, што задушўся», у якіх «яго паэзію абвешчалі кулацкай, контр-рэвалюцыйнай, яго творчасць называлі смяротным ядам, балотнай плесенню і г. д.» [9, с. 175].

Яскравым эмацыянальным водгукам на з'яўленне прац «аб выкрыцці ясеніншчыны» быў таксама ліст беларускіх паэтаў, напісаны 23 верасня 1926 г. у адказ на артыкул Л. Сасноўскага «Развенчайце хуліганство». У ім М. Лужанін, Я. Бобрык, Я. Туміловіч, П. Глебка, С. Дарожны, В. Маракоў выступілі ў абарону паэта ад несправядлівых нападаў крытыка: «Пад маскай развянчання хуліганства відаць жаданне, якое апаноўвае, асабліва пасля смерці С. Ясеніна, шматлікіх “пісак” ліць і шпурляць разнастайныя адкіды на кучаравую галаву Ясеніна» [10, с. 23]. Такія адносіны, прадэманстраваныя беларускімі літаратарамі, сведчылі аб іх шчырасці і яскравым імкненні да справядлівай ацэнкі творчасці паэта: «У 1926 годзе яны былі зусім маладымі хлопцамі, што нядаўна прыехалі з вёскі, вучыліся ў Беларускаму педагагічным тэхнікуме і ў мінулым годзе пачалі публікаваць свае вершы ў перыядычным друку. Але гэта былі хлопцы з патэтычнай душой. Яны цягнуліся да ўсяго прыгожага і сэрцам разумелі паэзію» [10, с. 22]. На канкрэтных прыкладах беларускія пісьменнікі паказалі некампетэнтнасць Л. Сасноўскага і суб'ектыўнасць яго ацэнкі. Паводле меркавання П. Радзечкі, «гэта быў не толькі высокамаральны, але і па тым часе вельмі смелы ўчынак маладых беларускіх літаратараў. Бо Льва Сасноўскага, які ў свой час рыхтаваў расстрэл царскай сям'і, ведалі тады ўсе» [11, с. 19]. Гэты ліст быў знойдзены праз шмат гадоў пасля напісання даследчыкам Ю. Прокушавым ў архіве і апублікаваны ў 1955 годзе ў альманаху «Літературная Рязань», а ў 1985 годзе – у беларускім бібліяграфічным паказальніку «Беларуская Ясеніяна» У. Фрыдмана.

Творчасць рускага паэта, нягледзячы на шырокую крытыку ў друку, карысталася папулярнасцю ў Беларусі і аказвала несумненны ўплыў на беларускую паэзію. Ясенінскія інтанацыі прагучалі ў творах вядомых беларускіх паэтаў – Я. Пушчы, П. Труса, Л. Маракова, Т. Кляшторнага, С. Дарожнага і інш.

Уплыў рускага паэта на беларускую літаратуру выявіўся найперш ва ўзбагачэнні стылістычнай адметнасці і мастацкай палітры твораў пісьменнікаў. Так, даследчыкі знаходзяць відавочнае падабенства верша У. Дубоўкі «Не жалюю...» да верша «Не жалею, не зову, не плачу» С. Ясеніна як на ўзроўні творчай устаноўкі, так і рэцэптыўнай прызнасці, указваючы на тое, што стварэнне беларускім паэтам твора ў ясенінскім духу з'яўлялася заканамерным, паколькі адлюстроўвала яго каштоўнасць арыенцыі: «такі ўплыў адпавядаў Дубоўкавай пазіцыі і ўстаноўцы на свабоду творчасці, бо Ясенін быў з тых аўтараў, да якіх непрыхільна ставілася афіцыйная крытыка, абвінавачваючы самога і ягоных прыхільнікаў у “імажынізм” і “багемнасці”. Дубоўка ж не хаваў сваёй прызнасці да гэтага расійскага паэта, стварыў верш, натхнёны ягонымі матывамі» [12, с. 32]. Першы паэтычны зборнік У. Дубоўкі «Строма» (Вільня, 1923) атрымаў шэраг зыходных матываў ад паэзіі С. Ясеніна [13, с. 481].

У ранняй паэзіі Я. Пушчы таксама назіраўся відавочны ўплыў ясенінскай творчасці. «Не віню» П. Труса (1927) і «Не жалею, не зову, не плачу...» блізкія сваёй інтанацыяй, рытмічнай арганізацыяй, сістэмай вобразаў, дакладнасцю псіхалагічнага сюжэта.

Для паэтаў старэйшага пакалення С. Ясенін быў блізім па духу як паэт вёскі. У прыватнасці, гэта знайшло яскравае выяўленне ў творчасці З. Бядулі 1920-х гг. Разам з тым, у артыкуле «Думкі к часу (Аб нашай літаратуры і нашых літаратарах)» ён выказаў негатыўныя адносіны да «запазычання» мовы і стылю рускага паэта. Ён выступіў супраць прамога наследавання творчасці замежных пісьменнікаў, адзначаючы, што галоўная каштоўнасць нацыянальнай літаратуры ў тым, каб выяўляць найперш сваю самабытнасць. На яго думку, некаторыя беларускія пісьменнікі «захварэлі» ясеніншчынай і «жыўцом» выраваюць з яго паэзіі вобразы і рыфмы.

С. Ясенін прывабліваў і Я. Купалу, які цікавіўся творчасцю рускага паэта, хоць і адмаўляў духоўна-творчую цягу да яго. У лісце да Л. Клейнбарта 11 студзеня 1929 г. беларускі пясняр пісаў, што з сучасных яму сялянскіх расійскіх паэтаў, акрамя А. Кальцова, ніхто яго асабіста не вабіць. Разам з тым, ён адзначаў, што паэзія С. Ясеніна яму падабаецца. У той жа час беларускага паэта палохалі ўвасобленыя ў яго творчасці надрыў, безнадзейнасць, разлад паміж рэчаіснасцю і марай [14, с. 260]. Купалаўскі верш «Сыходзіш, вёска, з яснай явы...» на першы погляд можа ўспрымацца як адкрытая палеміка з творам «Я последний поэт деревни...» (1920). З другога боку, у ім гучаць ясенінскія сумныя ноткі развітання з тым, што блізка сэрцу паэта. Шмат сугучнага ў беларускага і рускага паэтаў назіраецца і ў выяўленні вобразаў роднага краю. Ясенінскія інтанацыі з матывамі адчаю і безнадзейнасці адчуваюцца ў вершах Я. Купалы «У лесе» і «Вечер».

Блізім па духу да рускага паэта сваім «бунтарствам» быў і беларускі паэт А. Дудар. Пасля смерці паэта ён напісаў прысвячэнне «У вянок Ясеніну», апублікаванае ў газеце «Звезда» ў 1925 г., выканаў пераклад верша «Русь Савецкая», які ўвайшоў у 1936 г. у «Анталогію рускай савецкай паэзіі».

Вытокі творчага прыцягнення беларускіх паэтаў да С. Ясеніна невыпадковыя. Н. Гілевіч адзначаў, што першаснымі для іх з'яўляліся «змяное і выскокае паходжанне яго творчасці», «несмяротны дух і пах зямлі», «блізкасць да народна-фальклорных вытокаў, як і вернасць стыхіі жывой народнай мовы, як і дэмакратызм, даступнасць і гранічная шчырасць верша» [14, с. 264].

У канцы 1920-х – пачатку 1930-х гг. вульгарызацыя літаратуры і культуры пачала набываць усё большы размах, а шматгранныя сувязі з рускай літаратурай аслаблі. У гэты перыяд творы паэта апынуліся пад фактычнай забаронай. Небяспечна, напрыклад, было іх публічна чытаць у школе. Гэтая сітуацыя

доўжылася да 1950-х гг. [15, с. 407]. В 1960-я гг. У. Караткевіч апісаў гэты час у рамане «Леаніды не вернуцца да Зямлі» («Нельга забыць»).

Заклучэнне. Такім чынам, у ходзе вывучэння пытання асэнсавання творчасці С. Ясеніна ў Беларусі яго літаратурнымі сучаснікамі прааналізаваны крыніцы, дзякуючы якім пашырана ўяўленне аб беларускім кантэксце творчасці С. Ясеніна. Побач з вядомымі ў літаратуразнаўстве працамі выкарыстаны матэрыялы, якія дасюль дэталёва не разглядаліся (прадстаўленыя ў выданнях «Чырвоны сцяг» (1925), «Польмя» (1926; 1927) і інш.).

Праведзены аналіз форм асваення літаратурнай спадчыны рускага паэта сведчыць аб тым, што ўспрыманне С. Ясеніна ў Беларусі ў 1920-я гг. ажыццяўлялася яго сучаснікамі па трох асноўных напрамках: даследаванні аб яго жыцці і творчасці (артыкулы, рэцэнзіі), пераклады, мастацкія прысвячэнні і наследаванні.

Вывучэнне рэцэнцыі творчага вопыту С. Ясеніна ў беларускім кантэксце пацвярджае плённасць працэсу ўзаемаўзбагачэння і ўзаемадзеяння літаратур у 1920-я гг. Нягледзячы на адрозненні ў меркаваннях, існуючых у літаратурна-мастацкім асяроддзі, адносна ўспрымання асноўных тэм і матываў яго творчасці, у Беларусі ў вышэйадзначаны перыяд назіралася ў цэлым тэндэнцыя прызнання ўнікальнага творчага «я» рускага паэта і асваення яго спадчыны ў розных формах.

ЛІТАРАТУРА

1. Органова, О.Н. Специфика эстетического восприятия / О.Н. Органова. – М. : Высш. шк., 1975. – 224 с.
2. Титова, У.А. Поэма С.А. Есенина «Пугачев» в оценке эмигрантской критики / У.А. Титова // Вест. Рязан. гос. ун-та им. С. А. Есенина. – 2016. – № 3. – С. 108–119.
3. Бубнов, С.А. Книга стихов С.А. Есенина «Москва кабацкая» в восприятии современников поэта / С.А. Бубнов // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. Вып. 3. – С. 96–100.
4. Севярынец, Г. Уладзімір Дубоўка: ён і пра яго / Г. Севярынец. – Мінск : Лімарыус, 2017. – 537 с.
5. Радечко П.И. Есенин и Беларусь / П.И. Радечко. – Минск : Четыре четверти, 2011. – 408 с.
6. З. Б. С. Есенин / З. Б. // Чырв. Сцяг. – 1925. – № 7. – С. 62, 88–90. – Рэц. на кн. : Есенин, С. Страна Советская / С. Есенин. – Тифлис, 1925 ; Есенин, С. Персидские мотивы / С. Есенин. – М., 1925.
7. Жыбуль, В. «...Паклаў пачатак беларускаму імажынізму»: пра Міхася Чарота і адну маскоўскую публікацыю / В. Жыбуль // Роднае слова. – 2011. – № 11. – С. 9–11.
8. Леанідовіч, П. С.А. Есенин (Увагі на краёх газэт) / П. Леанідовіч // Польмя. – 1926. – № 1. – С. 174–179.
9. Вольфсон, С. Да спрэчкі пра Есеніна / С. Вольфсон // Польмя. – 1927. – № 5. – С. 157–182.
10. Беларуская Ясеніяна (1925–1984) : бібл. паказальнік / склад. У.М. Фрыдман ; Дзярж. б-ка БССР імя У.І. Леніна. – Мінск, 1985. – 83 с.
11. Радечко, П.И. Есенин и белорусская поэзия / П.И. Радечко. – Гомель : Пегас, 2000. – 35 с.
12. Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры ; рэд.: У.В. Гніламедаў [і інш.]. – Мінск : Бел. навука, 2001–2015. – Т. 4, кн. 2. – 2003.– 975 с.
13. Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей : у 4 кн. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993–1995. – Кн. 3. – 1994. – 399 с.
14. Кажамякін, Г. Каментарыі / Г. Кажамякін // Караткевіч, У.С. Збор твораў : у 25 т. / У.С. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 2014. – Т. 6 : Леаніды не вернуцца да Зямлі (Раман амаль што сентыментальны). – С. 384–460.

Пасцуніў 12.01.2021

INTERLITERARY DIALOGUE IN UNDERSTANDING CREATIVITY OF SERGEI YESENIN BY HIS LITERARY CONTEMPORARIES (ACCORDING TO THE BELARUSIAN PRESS)

I. LAPTIONAK

The article is devoted to the study of the Belarusian context of S. Esenin's literary heritage in the process of interliterary interaction. Special attention is paid to the problem of perception of the poet's work by his literary contemporaries. On the basis of materials of the Belarusian press the actual aspects of comprehension of S. Esenin's creative individuality in several directions are considered: literary and literary-critical works, literary dedications, inheritances and translations. By studying them, the main conceptual approaches were identified, reflecting the peculiarities of the perception of S. Yesenin's work in Belarus in the 1920s and 1930s.

Keywords: literary process, creative personality of the writer, reception, literary translation, inheritance, literary-critical comprehension.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.276.3

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛОТЧИНЫ В СТАТИКЕ И ДИНАМИКЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)
m.poutrova@psu.by

Пропорции распространения языков в Полоцком регионе четко обозначены данными ряда опросов, осуществленных во время официальных переписей населения. Настоящее исследование уточняет приведенные ими цифры, привлекая к рассмотрению полученных результатов фактор гендера и показывая, какой язык или языки предпочтительно используются в различных доменах коммуникативного пространства Полотчины и какие новые образцы языковой идентичности возникли в регионе в последнее время. Мультилингвизм постулируется как важнейшая характеристика новой для языковой ситуации Полотчины группы, пользующейся экономически высококотируемыми языками для обеспечения своей жизнедеятельности.

Ключевые слова: языковая самоидентификация, домен, переключение кодов, ассиметрия, билингвизм, мультилингвизм, меньшинство, гендер, русский язык, белорусский язык, английский язык.

Введение. Описание языковой ситуации предполагает прежде всего изучение форм существования одного языка или совокупности языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований [1, с. 18, 19]. В современном языкознании такие образования чаще всего именуется пространствами.

Неслучайно в соответствии с требованиями социолингвистики прежде всего следует уяснить понятие социального пространства [2, с. 18, 19]. Последнее предполагает учет географической дистрибуции коммуникантов. В конечном счете место проживания говорящего субъекта способно в значительной мере определить его членство в социальной группе. Так, «городской» и «сельский» являются важными социальными измерениями сами по себе. Безусловно, существует ряд других измерений социального пространства, которые могут повлечь за собой особенности в реализации лингвистических вариантов. Например, такие факторы, как возраст, пол, этничность, доход, образование, культура. Каждый из них в отдельности помещает коммуникантов в несколько иную систему отношений с переменными характеристиками языка [2, с. 123]. Мы полагаем, что, начиная изучение любого из перечисленных факторов, целесообразно уяснить общую языковую ситуацию на территории, где живут и общаются участвующие в эксперименте носители языка, информанты, аудиторы и разного рода консультанты, то есть осуществить описание географического и социального пространства, являющегося их средой обитания.

Тремя важнейшими составляющими пространства Полотчины являются следующие: молодой промышленный город Новополоцк, производящий чуть меньше 20% национального дохода страны, древний город Полоцк, в определенное время бывший столицей Беларуси и поныне остающийся одним из её культурных и духовных центров, и сельская территория. В настоящем исследовании в основном рассматривается только та часть данного пространства, которая конституируется городскими его составляющими – молодым Новополоцком и древним Полоцком. Население данных городов приблизительно одинаково и составляет 98 800 и 84 597 человек соответственно, но Новополоцк значительно более многонационален, чем Полоцк. Кроме того, аутентично русское население составляет в демографической структуре Новополоцка существенно большую часть (около 25%). Показательно также, что русская часть жителей Новополоцка в подавляющем большинстве является потомками приехавших на важнейшую в свое время стройку выходцев из крупных промышленных центров, имеющих соответствующее профессиональное образование. Их язык представлял собой преимущественно язык профессионально образованных людей крупных промышленных городов. Важным представляется также и то, что многие из них были жителями городов во втором и более поколениях (до 65%).

Значительная часть русских города Полоцка являются выходцами из прилегающих к Полотчине сельских или небольших населенных пунктов городского типа Псковщины, Смоленщины, Брянщины; причем, весьма существенная их часть приехала в город задолго до строительства нефтегиганта и вполне ассимилировалась в культурном пространстве Полотчины. Кроме того, они составляют несколько меньший процент от общей численности населения Полоцка.

Представленная информация видится необходимой для понимания языковой ситуации, сложившейся в городском пространстве Полотчины, что составляет предмет исследования настоящей статьи.

Основная часть. Материалом для нашего исследования послужили анкетные данные о языковой самоидентификации значительной части жителей городского пространства Полотчины и представленные ими сведения о языке общения, который они выбирают в важнейших сферах своей жизнедеятельности, собранные в два этапа с интервалом в 20–17, 1 год тому назад.

Наша гипотеза состояла в том, что гендерная составляющая языковой личности коммуникантов может проявиться в выборе ими языка общения во всех конкретных ситуациях коммуникативного поведения, в которые жизнь постоянно их вовлекает.

Целью исследования было установление общих и гендерно специфических особенностей выбора языка для организации жизнедеятельности и общения в статике и динамике, то есть в двух синхронных срезах, сделанных с временным интервалом в 20–17, и 1 год (статика) и в сопоставительном анализе результатов отмеченных срезов в целях выявления возможных изменений в выборе языка представителями Полотчины (динамика).

Описание языкового аспекта коммуникативного пространства Полотчины обычно предполагает установление отношений между русским и белорусским языками. Пропорции их распространения чётко обозначены данными ряда опросов, осуществлённых во время официальных переписей населения. Настоящее исследование уточняет приводимые ими цифры для более полного рассмотрения современной языковой ситуации на Полотчине. Первый этап исследования выполнен 17–20 лет назад. Он основывался только на анкетных данных тех жителей региона, которые привлекались нами для масштабных записей подлинного говорения и чтения вслух в городском пространстве Полотчины в конце XX и начале XXI в., а также многочисленных информантов, участвовавших во всевозможных идентификационных и ассоциативных экспериментах. Полученные данные о языковой самоидентификации участников эксперимента оказались весьма отличающимися от тех, которые приводились в соответствующей им по времени переписи 1999 г. [3] и представлены в специальной публикации [4]. С тех пор накопилось 429 анкет новых участников последующих фрагментарных записей, особенно чтения вслух, и разнообразных уточняющих экспериментов по их изучению. Вопросы для составления паспортных данных участников наших исследований не менялись, однако если они сильно отличались от прямых вопросов официальной переписи 1999 г., то перепись 2009 г. в значительной мере приближается к нашему опросному листу по ряду позиций. Предложенный нами опросный лист включал, кроме пунктов о возрасте, образовании, национальности, следующие вопросы: «На каком языке Вы разговариваете: а) на работе, б) дома, в) в других ситуациях (укажите, по возможности, в каких)? На каком языке вы читаете: а) для удовлетворения профессиональных интересов, б) для удовольствия?».

Очевидно, что такой способ получения информации предполагает, прежде всего, самооценку со стороны многочисленных участников эксперимента и оставляет открытыми многие острые вопросы о том, что следует считать русским языком, когда на нем разговаривают белорусы и представители других этнических групп, населяющих её территорию, а что интерпретировать как белорусский, в отличие от так называемой «трасянки», то есть от того варианта пиджин-языка, который сформировался у значительной части белорусов, особенно бывших сельских жителей в особенности тогда, когда они стремились говорить по-русски. Наши данные, таким образом, могут только свидетельствовать о том, что сами коммуниканты думают по поводу языка, используемого ими в важнейших жизненных ситуациях, то есть о том, как они осознают и интерпретируют свою языковую идентичность.

Полученные нами сведения уже на новом этапе исследования, к сожалению, опять расходятся с данными обеих переписей населения. Услышать на белорусском языке те 50% от общего числа населения, которые в соответствии с официальными данными переписи 2009 г. считают родным языком белорусский [3], в городском пространстве Полотчины по-прежнему невозможно.

Предыдущий анализ, то есть анализ семнадцатилетней давности позволил установить, что только 5 информантов из 1200 участников нашего эксперимента в Новополоцке использовали белорусский язык как на работе, так и дома. Ситуация в Полоцке оказалась ненамного отличающейся от новополоцкой. Мы обнаружили тогда только 7 среди 1200 информантов в древней столице Беларуси, прибегающих к белорусскому языку во всех домейнах своего существования. Примечательно, что все они оказались мужчинами (таблица 1).

Таблица 1. – Языковая ситуация в сфере занятости в городах Полотчины. Срез 2000–2003 гг.

Используемый язык	Новополоцк		Полоцк	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Главным образом русский	94	104	70	93
Главным образом белорусский	14	2	11	1
Оба языка	58	107	59	119
Только русский	429	387	453	387
Только белорусский	5	–	7	–

Весьма интригующими оказались данные о гендерной принадлежности коммуникантов, избравших белорусский, по образному выражению Хайдегера, «домом своего обитания»: все они были мужчинами, как в Полоцке, так и в Новополоцке.

Весьма показательно, что наши данные довольно хорошо соотносятся с результатами другого исследования, отличающегося по методам, но имевшего ту же цель [5]. В данном исследовании также установлено, что выбор белорусского в качестве единственного языка общения во всех сферах и ситуациях коррелирует преимущественно с мужскими разновидностями языковой личности. Полученные нами данные, таким образом, подтверждают отмеченную в исследовании Т.А. Траханкиной тенденцию.

Если теперь посмотреть, какой язык используется городскими жителями Полотчины в сфере занятости в настоящее время, то нашему взору откроются весьма интересные подробности реального употребления белорусского языка как средства общения, причем как в статике, так и в динамике.

Таблица 2. – Языковая ситуация в сфере занятости в городах Полотчины. Срез 2018 г.

Используемый язык	Новополоцк		Полоцк		Всего
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
Главным образом русский	29	36	26	42	133
Главным образом белорусский	1			1	2
Оба языка	10	15	13	19	57
Только русский	50	52	65	69	236
Только белорусский	–	–	1	–	1
	193		236		

Новая порция данных в количественном отношении значительно меньше предыдущей (всего 429 анкет), однако она представляет интерес для дальнейшего изучения языковой ситуации на Полотчине, так как с её помощью можно уточнить, подтвердить, заметить новые тенденции, поставить под сомнение релевантность того, что было характерно всего 17 лет тому назад, оценить особенности динамики сосуществования языков в городском пространстве Полотчины. По справедливому замечанию одного из самых известных мыслителей XX в. А. Тойнби, ни одно собрание фактов никогда не является завершённым, полным. Равно как ни одно обобщение нельзя считать окончательным, ибо со временем обнаруживаются новые факты, которые могут даже привести к взрыву научной схемы, считавшейся уже упорядоченной [6, с. 10].

Прежде чем приступить к обсуждению результатов нашего исследования, целесообразно уточнить значение одного из важнейших для настоящей работы понятия, а именно понятия *домейна*. Домейн – это такая группировка повторяющихся типов ситуаций, при которой обычно оказывается востребованным только один из всего перечня возможных в данном регионе и находящихся в оппозиции друг к другу языков, а члены языкового сообщества, как правило, считают нормой использование одного какого-то языка, а не другого именно в данном домейне [2, с. 61]. Примерами таких домейнов или сфер использования могут быть образование, дом, общение с соседями, друзьями, религия, официальная и политическая жизнь, занятость, экономика, искусство и т.п. Круг домейнов, в которых используется тот или иной язык, также является весьма важным показателем. Он свидетельствует о месте или позиции языка на так называемом языковом рынке. Язык – это разновидность культурного или социального капитала. Он имеет экономическую стоимость [2, с. 63]. Необходимость владения языком, имеющим самую высокую рыночную стоимость, порождает билингвизм среди тех, у кого родным является какой-нибудь другой язык.

Ситуация в городах Полотчины такова, что белорусского языка как средства сколько-нибудь массового общения по данным обоих срезов здесь не наблюдается.

Неудивительно поэтому, что только 1 информант из 429 новых участников обозначил себя как пользователя белорусского языка во всех домейнах. Ещё двое (1 мужчина и 1 женщина) отметили, что пользуются главным образом белорусским языком.

Если обратиться теперь к таблице 2, отражающей употребление языков в сфере занятости, то можно убедиться, что определённая часть коммуникантов в городском пространстве Полотчины использует в домейне занятости оба языка.

Женщин в данной группе примерно на одну треть больше. В первом же эксперименте, когда состав данной группы был образован 107 коммуникантами-мужчинами и 226 женщинами, последних было наполовину больше. Неслучайно относительные показатели говорят, что в настоящее время мужчин в данной группе на 20% больше. А вот в домашнем домейне подобного увеличения не наблюдается. Наоборот, мужчин, обращающихся к обоим языкам в домашнем домейне стало почти на три процента меньше. Социальная лингвистика терминологически обозначает подобное варьирование языков переключением с одного кода на другой и соотносит его с маркетинговыми показателями ценности языка на экономическом рынке.

Гендерные исследования чаще всего интерпретируют их в терминах мужского доминирования. В соответствии с данной теорией распределение властных полномочий в социуме побуждает именно женщин чаще подстраиваться под язык собеседника. Мы полагаем, учитывая социальный статус и образованность наших респондентов-женщин, их значимость в семье, что наиболее глубокое толкование феномена переключения кодов даёт теория отношений и заботы К. Гилиган [7]. Более выраженное стремление женщин сохранить, упрочить, начать отношения побуждает их чаще буквально находить общий язык с собеседником, прибегать в разговоре с ним к одному коду. Более того, любить и ценить новый, другой язык. Небольшое увеличение числа мужчин в группе, использующих оба языка (русский и белорусский) в сфере занятости может быть следствием того, что в настоящее время в городском пространстве Полотчины становится больше мужчин также ориентированных на собеседника.

Любопытно, что анализ новых фактов позволил обнаружить 20 информантов, пользующихся иностранными языками для специальных целей в сфере занятости (14 женщин и 6 мужчин). Ранее таковых оказывалось всего 2 из 2400. Примечательно, что относительный уровень образованности и/или креативности выше всего именно в данной группе, пользующейся несколькими языками в домашней занятости. Билингвизм и мультилингвизм, по нашим данным, коррелирует с высоким уровнем образованности и/или творческого потенциала личности. Коммуниканты данной группы весьма притягательны в своей легкости перехода на тот язык, который лучше подходит собеседнику, что обеспечивает доброжелательность и положительный настрой всех участников коммуникативного процесса. Билингвизм облегчает отношения, расширяет возможности языковой личности, формирует положительное восприятие ею тех культур, языками которых она владеет. Сказанное справедливо и для той многочисленной группы мультилингвов, которые были установлены в ходе нашего опроса. Любопытно, что возраст коммуникантов-мультилингвов главным образом соотносится с двумя возрастными группами: до 25 лет (реже) и 26–46 лет (чаще).

Основную массу коммуникантов в нашем эксперименте, как и ранее, составили те, кто пользуется только русским языком во всех домашних, сфере занятости в том числе. К ним примыкают те, кто пользуется в профессиональном домашнем главным образом русским. Примечательно, что их доля в общем числе несколько увеличилась. В первом эксперименте они составили 10,8% от общего числа, теперь 30,7%. Однако удельный вес русского в формулировке «главным образом русский» чрезвычайно высок. Белорусский, судя по результатам уточняющих собеседований, абсолютно фрагментарен и периферичен. Вместе с тем информанты данной группы предпочитают обозначать свою языковую идентичность именно с помощью указанной номинации.

Важнейшим домашним существованием любого языка является частная сфера. По нашим данным, здесь, как и ранее, убедительно превалирует русский язык. Важнейшей особенностью данного домашнего является использование в нем некоего варианта, наиболее частотно обозначенного как «наша мова», «наш язык». Другими вариантами именованья были «своя мова», «простой язык», «свойский», всего 7 названий. В предыдущем исследовании таких названий было более 12. Представляется возможным заключить, что столь разнообразно именуемый местный говор продолжает участвовать в формировании коммуникативного пространства Полотчины. О его использовании заявила 41 анкета, то есть в относительных величинах примерно столько же, как и ранее. Однако теперь почти 80% отметивших данный язык как средство общения в домашнем домашнем представляют старшую возрастную группу (46 лет и более). Сказанное означает, что возраст в настоящее время является значимым фактором для идентификации тех, кто по-прежнему тяготеет к своему «вясковому говору». Кроме того 25 из обсуждаемых анкет принадлежали информантам со средним или средним специальным образованием. Любопытно, что только женщины из данной группы (всего 9) отметили, что могут переходить в домашнем домашнем на другой, русский, по их мнению, язык. Code switching, то есть переход с одного языка на другой, таким образом, чаще является характерной чертой языковой личности в домашнем домашнем именно женщины.

Анализ ответов на вопрос о чтении, позволил получить данные, показывающие, что выявленный в ходе предыдущего исследования небольшой процент респондентов, читающих на белорусском языке для удовольствия является не только особенностью коммуникативного пространства Полотчины 17-летней давности. Белорусские тексты оказываются читаемыми на Полотчине и сейчас, причем не только этническими белорусами. Правда, главным образом в дидактических целях, для оказания помощи детям и внукам в усвоении учебного предмета «белорусская литература». Примечательно, их процент в относительных показателях увеличился. Сейчас таких коммуникантов, главным образом женщин, на 4% больше.

Суммируя представленные данные о языковой самоидентификации правомерно утверждать следующее. Коммуникативное пространство Полотчины, как и ранее, представляет собой весьма сложную, крайне асимметричную картину сосуществования языков, если обращать внимание на детали. Концентрация же на главных показателях, напротив, убеждает в достаточно простой ситуации, когда главным языком общения во всех домашних независимо от этнической принадлежности коммуникантов однозначно, как и раньше, является русский. Так масштабно, за исключением буквально единичных случаев, никакой другой язык в городском пространстве Полотчины не употребляется.

Вместе с тем определённое количество жителей Полотчины правомерно отнести к билингам, прибегающим в зависимости от предпочтений собеседников к русскому или белорусскому языкам для обсуждения конкретных проблем. Кроме того, существует группа коммуникантов, определяющая язык своего общения в домашнем домейне как «наша мова» или «наш, свой язык», то есть говорящая на местном диалекте. Среди коммуникантов, прибегающих к двум языкам в домейне занятости стало несколько больше мужчин, хотя женщины среди них продолжают преобладать: в домашнем домейне возможность употребления двух языков отмечают только некоторые из женщин – носительницы местного диалекта. Значительно возросло количество коммуникантов, использующих иностранные языки для специальных целей в домейне занятости и, реже, для отдыха и развлечения. Установленные факты не опровергают картину коммуникативного пространства Полотчины, представленную ранее, но дополняют и уточняют её, помогают выявлению тенденций.

Упомянутый ранее мыслитель XX в. А. Тойнби, как известно, сформулировал теорию вызовов. В соответствии с данной теорией любая цивилизация формируется именно благодаря способности общества давать ответы на вызовы. Таковыми могут быть суровый климат, освоение новых территорий, войны, культурные экспансии. В нашем случае таким вызовом правомерно считать экспансию одного языка. В соответствии с теорией Тойнби первыми на вызовы отвечает творческое меньшинство каждого конкретного народа [6, с. 106].

Если внимательно просмотреть ответы на вопросы нашей анкеты в целях поиска творческого меньшинства, то окажется, что к таковому скорее всего могут быть причислены те, кто в современном мире предпочитает быть мульти- или билингами хотя бы в каких-то определённых домейнах и для достижения конкретных целей.

Возможно, неслучайно лингводидактика в настоящее время настоятельно рекомендует мультикультурное иноязычное образование и стратегии и тактики мультикультуризма как основы подготовки специалистов в области иностранных языков [8]. В Полоцком регионе женщины лидируют в группе билингов и полилингов, принимая участие в сотворении весьма характерной особенности языковой ситуации в Полоцком регионе в настоящее время и укрепляя группу, пока что немногочисленную, но, по нашему разумению, действительно способную принять вызовы нашего времени. Среди иностранных языков, являющихся средством общения в ряде домейнов на Полотчине, чаще всего упоминается английский. Другими зафиксированными языками являются польский и немецкий. Выявленные нами общие для двух срезов черты, а также установленные небольшие отличия позволяют более полно описать сосуществование языков в коммуникативном пространстве Полотчины на настоящем этапе. Представленные результаты исследования существенно дополняют данные официальной переписи и дают возможность глубже понять языковую ситуацию в данном регионе и роль гендерной составляющей в её формировании.

Заключение. Полученные результаты показывают, что основным языком общения во всех домейнах региона является русский. Вместе с тем продолжает существовать небольшая группа билингов, а в настоящее время появилась и группа мультилингов, привлекающих другие, иностранные, языки для коммуникации в домейне занятости и, реже, для развлечения и отдыха. Женщины преобладают в обеих группах, однако по сведениям среза 2019 г. данное преобладание в группе общающихся на белорусском и русском языках стало чуть меньшим.

Выявлена группа коммуникантов, пользующаяся местным говором в домашнем домейне, чаще всего именуемая данный говор «наш язык», «свойский». Избравшие его коммуниканты-мужчины придерживаются данного говора во всех интеракциях в домашнем домейне, в то время как часть женщин считает возможным заменять его на тот вариант языка, который предпочитает собеседник. Переключение с одного кода на другой, таким образом, имеет гендерную специфику.

Мульти- и билингов отличают высоким уровнем образования и/или креативности и, на наш взгляд, соответствуют тому понятию активного меньшинства, которое в соответствии с мнением Тойнби, способно ответить на вызов времени. В нашем случае на вызовы в сфере вербального поведения.

Полученные данные актуальны для исследований в области языковых контактов и гендера, которые в последнее время все чаще становятся объектом пристального внимания многих направлений науки о языке, особенно социальной лингвистики, гендерных исследований, когнитивистики.

Соотнесение представленных данных с высказанной нами гипотезой о возможности гендерной специфики языковой ситуации на Полотчине позволяет сделать следующие выводы:

1. Четкой корреляции между гендерной идентичностью личности и выбираемым ею языком общения не обнаруживается. Вместе с тем наблюдается определенная тенденция в предпочтении, которая не только прослеживается в обоих срезах, но и проявляет минимальное, но все-таки фиксируемое движение в сторону упрочнения. Данная тенденция состоит в том, что женщины чаще приспосабливаются к языку собеседника. В арсенале их средств общения хотя бы в некоторых домейнах чаще обнаруживается более, чем один язык.

2. Фиксируется также тенденция к использованию нескольких языков в качестве средства общения в жизненно важных ситуациях, главным образом профессиональных. Проявилась она во втором срезе, зафиксировавшем группу коммуникантов, языковая личность которых может быть адекватно описана только с привлечением новых для Полотчины экономически высококотируемых языков. Отмеченная новая черта языковой ситуации на Полотчине может соотноситься с любой гендерной идентичностью коммуникантов, тем не менее наблюдается существенное превалирование коммуникантов-женщин в данной, новой для городского коммуникативного пространства Полотчины группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.А. Языковая ситуация / В.А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 616–617.
2. Downes, W. Language and Society / W. Downes. – Cambridge : University Press, 1998. – 503 p.
3. Чуханова, А.В. Языковая ситуация в районах белорусско-литовского пограничья [Электронный ресурс] / А.В. Чуханова. – Режим доступа: elib.bspu.by/bitstream/doc/604/3/2.pdf. – Дата доступа: 18.04.2020.
4. Путрова, М.Д. К интерпретации языковой ситуации на Полотчине / М.Д. Путрова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С.173–179.
5. Траханкина, Т.А. Языковая ситуация в промышленном городе Беларуси (Новополоцк) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.А. Траханкина ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 20 с.
6. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М. : Академич. проект, 2019. – 636 с.
7. Gilligan, C. In a Different Voice / C. Gilligan. – Harvard : Harvard University Press, 1982. – 184 p.
8. Межкультурное иноязычное образование: лингводидактические стратегии и тактики / Отв. ред. Е.Г. Тарева. – М. : Лотос, 2014. – 232 с.

Поступила 24.12.2020

LANGUAGE SITUATION IN URBAN COMMUNICATIVE SPACE OF POLATSK REGION IN STATICS AND DYNAMICS: GENDER PERSPECTIVE

M. POUTROVA

The proportion of distribution of languages in Polatsk region can be clearly outlined by the data obtained in several official acts of population census. Our research specifies the figures, bringing gender perspective into the interpretation of the data obtained in our own study of how people identify themselves in the language variety available in the urban communicative space of Polatsk region and which new types of language identities have come into being there recently. The most important of them is the one which is classed as multilingual and which prefers using economically highly valued languages for their professional and personal needs.

Keywords: *language, self identification, domain, code-switching, asymmetry, bilingualism, multilingualism, minority, gender, Russian, Belarusian, English.*

УДК 81'373.211.5(476)

**НАЗВЫ ВУЛИЦ г.п. БЯЛЫНИЧЫ Ў ТАПАНИМІКОНЕ МАГІЛЁЎШЧЫНЫ:
ДА ПРАБЛЕМЫ ПАЎТАРАЛЬНАСЦІ****д-р філал. навук, праф. Г.М. МЕЗЕНКА**
(*Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Маішэрава*)
mezenka1@yandex.ru

У артыкуле даследуецца праблема паўтаральнасці назваў унутрыпаселішчных лінейных аб'ектаў у тапаніміконе Магілёўшчыны, вызначаюцца фактары і прычыны гэтай з'явы, выяўляюцца рэсурсы для ўстаранення ўрбананімнай аднайменнасці на прыкладзе ўрбананімікона г.п. Бялынічы. У залежнасці ад частаты паўтаральнасці ў розных паселішчах вылучаецца пяць катэгорый гэтых адзінак, у адпаведнасці з якімі праводзіцца ранжыраванне урбананімаў. Сцвярджаецца, што паўтаральнасць назваў унутрыгарадскіх аб'ектаў – гэта адна з самых адметных рыс не толькі аналізаванага ўрбананімікона, але і ўрбананімнай прасторы Беларусі ўвогуле. Сярод фактараў, што абумоўліваюць самую высокую папулярнасць гэтым назвам, называюцца адпаведнасць існуючай ландшафтнай мадэлі прасторы ў тапаніміі Беларусі і выкарыстанне сімвалаў савецкай эпохі. У якасці рэсурсаў для ўстаранення ўрбананімнай аднайменнасці рэкамендуецца найменні, звязаныя з гісторыяй Беларусі і найперш з гісторыяй паселішча, у якім яны функцыянуюць.

Ключавыя словы: анамастыка, гаданімія, тапанімікон, урбананімная прастора, урбананім.

Уводзіны. Кожная з навук, анамастыка ў іх ліку, характарызуецца сваім наборам працэдур дасягнення мэт даследавання. Навуковыя метады вызначаюць шляхі пазнання і тлумачэння онімных фактаў, дазваляюць кваліфікаваць гэтыя факты, атрымліваць іх розныя навуковыя адлюстраванні. У рамках асобнага метада існуюць свае прыёмы і аперацыі, што служаць інструментам для даследавання таго ці іншага аспекта анамастыкі. У наш час ва ўсіх галінах навукі, у тым ліку і ў мове, атрымалі шырокае прымяненне колькасныя метады. Ужываецца лінгвастатыстыка і ў анамастыцы. Так, выкарыстанне статыстычнага метаду заснавана на тым, што ў аб'екта вывучэння, акрамя яго якаснага боку, вызначаецца і аналізуецца бок колькасны.

Статыстычнае выражэнне могуць атрымліваць вынікі лінгвасацыялагічных даследаванняў тапаніміі, напрыклад, дадзеныя пра паўтаральнасць назваў унутрыгарадскіх лінейных аб'ектаў. Перад анаматалягамі стаяла і да гэтага часу стаіць складаная праблема параўнання назваў вуліц у розных населеных пунктах. Аднымі з першых, па нашых дадзеных, такую працу распачалі польскія даследчыкі ўрбананімнага матэрыялу [1]. Э. Барысяк у дакладзе, прачытаным у 2006 г. на міжнароднай навуковай канферэнцыі “Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze”, супастаўляе частотнасць ужывання ўрбананімаў у сучасных польскіх паселішчах. Аўтар праводзіць фрэквентатывны аналіз 35 найбольш папулярных назваў вуліц і плошчаў гарадоў Польшчы, у выніку чаго вылучае сярод іх дзве асноўныя групы – 1) найбольш старажытныя, якія ўзыходзяць да апелятываў, і 2) мемуратывныя назвы, дадзеныя ў гонар найбольш вядомых асоб, што маюць дачыненне да польскай гісторыі, духоўнай спадчыны, навукі, літаратуры, мастацтва [2].

Мэта даследавання – вызначэнне фактараў і прычын з'яўлення адных і тых назваў вуліц у розных паселішчах Магілёўскай вобласці, выяўленне рэсурсаў для ўстаранення ўрбананімнай аднайменнасці на прыкладзе ўрбананімікона г.п. Бялынічы.

Апроч элементаў статыстычнага метаду, у даследаванні выкарыстаны дэскрыптыўны (збор, сістэматызацыя, абагульненне і інтэпрэтацыя онімнага матэрыялу), параўнальна-супастаўляльны метады.

Матэрыялам даследавання паслужылі дадзеныя Дзяржаўнага кадастравага агенцтва Рэспублікі Беларусь – унутрыгарадскія і ўнутрысельскія гадонімы Магілёўскай вобласці агульнай колькасцю 10859 адзінак.

Асноўная частка. Нягледзячы на тое, што мясцовасць, на якой знаходзіцца гарадскі пасёлак Бялынічы, заселена ў глыбокай старажытнасці, пра што сведчыць стаянка бронзавага веку за 4 км на паўднёвы захад ад пасёлка, паводле пісьмовых крыніц, Бялынічы вядомы толькі з 1577 г. як вёска ў складзе маёнтка Цяперын, што належаў князю С.А. Збарожскаму, які і заснаваў замак Белагарадок і мястэчка. Што да назваў вуліц апошняга, то да нашага часу яны застаюцца нявысветленымі. Вядома толькі, што ў 1620 г. у мястэчку было 331 вулічны і 16 гандлёвых пляцаў [3, с. 166].

Сучасны ўрбананімікон гарадскога пасёлка налічвае 94 назвы ўнутрыгарадскіх лінейных аб'ектаў, з якіх толькі 19 аўтахтонныя, гэта значыць назвы, якія існуюць толькі ў тым паселішчы, дзе яны ўзніклі (назвы падаюцца ў арфаграфіі крыніцы: ул. Д. Давыдова, ул. Дайнеко, Задрутская ул., ул. Китаева, Круглянская ул., ул. Миколаўцога, Михайловская ул., Мокровская ул., ул. Острожскаго, ул. Панченко, Привольная ул., Просторная ул., Просторный пер., ул. Сапегі, ул. Свідынскаго, ул. Селицкаго, ул. Телешева, Чёновский пер.,

ул. Черновского). Большасць назваў, як відаць з пералічанага, прысвоена лінейным аб'ектам у гонар знакамітых людзей, што пакінулі асаблівы след у гісторыі Бялынічаў.

З прыведзеных дадзеных вынікае, што 75, або 80%, назваў вуліц г.п. Бялынічы выкарыстоўваюцца ў іншых населеных пунктах Магілёўскай вобласці.

У залежнасці ад частаты паўтаральнасці ў розных паселішчах гэтыя назвы можна падзяліць на некалькі катэгорый:

- I – паўтараюцца ў 300 і болей населеных пунктах (далей н.п.)
- II – паўтараюцца ў 200 і болей н.п.
- III – паўтараюцца ў 100 і болей н.п.
- IV – паўтараюцца ў 10 і болей н.п.
- V – паўтараюцца ў 2–9 н.п.

Першую катэгорыю рэпрэзентуюць два найпапулярнейшыя урбананімы – *Садовая ул. / Садовый пер.* (паўтараецца ў 344 н.п.), *Лесная ул. / Лесной пер.* (311 н.п.), якія функцыянуюць у розных паселішчах у разнастайных структурных і марфалагічных мадэлях: *1-й Садовый пер., 2-й Садовый пер., 3-й Садовый пер., 4-й Садовый пер., 5-й Садовый пер.; 2-я Лесная ул., ул. Лесной Ручей, 1-й Лесной пер., 2-й Лесной пер.*

Сярод фактараў, што абумоўліваюць самую высокую папулярнасць гэтых назваў, – адпаведнасць існуючай ландшафтнай мадэлі прасторы ў тапаніміі Беларусі ўвогуле. Ва ўрбананіміі *сад* і *лес* – не проста аб'екты, у напрамку да якіх вуліцы вядуць, а яшчэ і элементы прасторавай мадэлі, і своеасаблівыя сімвалы “спадзёвы” на ўнармаванае і забяспечанае жыццё. Вядома, што найважнейшымі элементамі ландшафту Беларусі, як і многіх іншых рэгіёнаў, з'яўляюцца лясныя масівы: *лес* – гэта крыніца жыцця, якая забяспечвае людзей палівам, харчаваннем і сыравінай для прадукцыйнай дзейнасці. Відаць, менавіта таму ў гаданіміі Магілёўшчыны назвы, што ўтвораны ад лексем *лес*, сустракаюцца вельмі часта. Што да другой лексемы, то “у многіх міфалагічных традыцыях *сад* стасуецца з выраем, дзе разнастайныя пладовыя дрэвы і на іх птушкі” [1, с. 446].

Нязначна саступаюць па папулярнасці ўрбананімы другой катэгорыі, што ўключаюць назвы *Молодежная ул. / Молодежный пер. / Молодежный бульвар* (298 н.п.), *Школьный пер. / Школьная ул.* (214 н.п.), *Полевая ул. / Полевой пер.* (210 н.п.), сярод якіх апошняя зноў-такі звязана з элементам ландшафтнага кода традыцыйнай беларускай мадэлі свету – *полем*, станоўчы патэнцыял якога “абумоўлены актыўнай прысутнасцю чалавека, яго працай і гаспадарчай дзейнасцю” [1, с. 385]. Нельга не пагадзіцца з аўтарамі прыведзенага меркавання, у адпаведнасці з якім “наогул лексема *поле* ў свядомасці беларусаў ужываецца не толькі ў сваім найпростым значэнні, але ўваходзіць у шэраг абазначэнняў абстрактных ідэй і паняццяў” [4, с. 385].

Сімвалічна, што ў рэестр назваў другой катэгорыі ўваходзіць і ўрбананім *Молодежная ул. / Молодежный пер. / Молодежный бульвар*, функцыянаванне якога некаторыя даследчыкі звязваюць з данінай модзе. На наш погляд, папулярнасць гэтай назвы абумоўлена іншымі сацыяльнымі фактарамі, найперш тым, што «маладзё з'яўляецца свайго роду рэзервам, які выступае на пярэдні план, калі такое ажыццеленне становіцца неабходным для прыстасавання да хутка змяняльных або якасна новых абставін” [5].

Другую катэгорыю рэпрэзентуе і ўрбананім *Школьный пер.*, які адрозніваецца сваёй частотнасцю пачынаючы з XVI–XVIII стст. Утвораны ад наймення найбольш важнага для арыентацыі ў горадзе кропкавага аб'екта, ён насычаны таксама экстралінгвістычным зместам – сведчаннем пра пэўную культурную каштоўнасць.

Трэцяя катэгорыя ўнутрыпаселішчных назваў аб'ядноўвае ўрбананімы, што функцыянуюць ва ўрбананіміконах ад 100 да 200 паселішчаў: *Заречная ул. / Заречный пер.; Луговая ул., 1-я Луговая ул., 2-я Луговая ул., 3-я Луговая ул.) / Луговой пер. / Луговой проезд; Советская ул. / Советская пл., / Советский пер. (1-й Советский пер., 2-й Советский пер.), Первомайская ул. / Первомайский пер.* Невялікая па колькасці кампанентаў катэгорыя ў сваю чаргу падзяляецца на дзве разнавіднасці. Першая з іх зарыентавана на фіксацыю геаграфічных каардынат размяшчэння лінейнага аб'екта (вуліца, што знаходзіцца за ракой, – *Зарэчная*, што вядзе да луга, – *Лугавая, Лугавы завул.* і да т.п.); другая – на сімвалы савецкай эпохі (пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года свята 1 Мая стала афіцыйным, маёўкі насілі палітычны характар і суправаджаліся масавымі дэманстрацыямі працоўных).

Пераходзячы да чацвёртай катэгорыі, якая аб'ядноўвае ўрбананімы, што паўтараюцца ва ўрбананіміконах 10–100 паселішчаў, трэба адзначыць, што колькасца яна пераўзыходзіць папярэднія амаль ў 10 разоў і ўключае некалькі разнавіднасцей найменняў, базай для ўзнікнення якіх сталі:

1) асабліваасці размяшчэння лінейнага аб'екта: *Набярэжная вул., Набережная ул. / Набережный пер., 2-й Набережный пер., 3-й Набережный пер.* (84 н.п.), *1-я Восточная ул., Восточная ул. / Восточный пер.* (60 н.п.), *Северный пер. / Северный въезд / Северная ул.* (57 н.п.), *Западная ул. / Западный пер.* (35 н.п.), *Приозерная ул. / Приозерный пер.* (25 н.п.), *Дальний пер. / Дальняя ул.* (13 н.п.);

2) назвы прадметаў, што прыносяць задавальненне, добры настрой, спрыяюць паляпшэнню здароўя: *Солнечная ул. / Солнечный пер.* (91 н.п.), *Цветочная ул. / Цветочный пер. / Цветочный проезд* (39), *Весенняя ул. / Весенний пер., 1-й Весенний пер., 2-й Весенний пер., 3-й Весенний пер., 4-й Весенний пер.* (23 н.п.);

3) імёны і прозвішчы знакамітых людзей:

а) рускіх і беларускіх пісьменнікаў і паэтаў, вучоных: ул. *Пушкина* / пер. *Пушкина* / проспект *Пушкина* / *Пушкинская ул.* / *Пушкинский пер.* (30 н.п.); ул. *М. Горького* / пер. *Горького* / ул. *Максима Горького* / *въезд Горького* / пер. *Максима Горького* (26 н.п.); ул. *Я. Купалы* / пер. *Я. Купалы* / *1-ый пер. Я. Купалы*, *3-ий пер. Я. Купалы* (23 н.п.); ул. *Некрасова* / пер. *Некрасова* / *1-й пер. Некрасова*, *2-й пер. Некрасова*, *3-й пер. Некрасова*, *4-й пер. Некрасова*, *5-й пер. Некрасова* (21 н.п.); ул. *Мичурина* / пер. *Мичурина* (21 н.п.), ул. *Я. Коласа* / пер. *Якуба Коласа* (19 н.п.); ул. *Лермонтова* / пер. *Лермонтова*, *2-й пер. Лермонтова* (18 н.п.); ул. *Островского* (11 н.п.); ул. *Маяковского* / пер. *Маяковского* (10 н.п.);

б) першага касманаўта планеты Зямля: ул. *Гагарина* / пл. *Гагарина* / пер. *Гагарина* (37 н.п.);

в) дзяржаўных і палітычных дзеячаў: *Ленинская ул.* / пл. *Ленина* / ул. *Ленина* / *бульвар Ленина* / *Ленинский бульвар* / *Ленинский пер.* / *1-й Ленинский пер.*, *2-й Ленинский пер.*, *3-й Ленинский пер.* / *Ленинский въезд* (77 н.п.); ул. *Кирова* / пер. *Кирова* (37 н.п.); ул. *Калинина* / пер. *Калинина* / *въезд Калинина* (36 н.п.);

г) военачальнікаў, удзельнікаў паўстанняў і войнаў, партызан: ул. *Чапаева* / пер. *Чапаева*, / *проезд Чапаева* (23 н.п.), ул. *Заслонова* / пер. *Заслонова* (21 н.п.), ул. *Якубовского* (11 н.п.);

д) заснавальнікаў навуковага камунізма: ул. *Энгельса* / *1-й пер. Энгельса*, *2-й пер. Энгельса*, *3-й пер. Энгельса* / ул. *Фридриха Энгельса* (20 н.п.), ул. *Карла Маркса* / пер. *Карла Маркса* (18 н.п.);

4) сімвалы савецкай улады: *Пионерская ул.* / *Пионерский пер.* (46 н.п.), *Коммунистическая ул.* / *Коммунистический пер.*, *1-й Коммунистический пер.* / *Коммунистический въезд* (26 н.п.), *Совхозная ул.* / *Совхозный пер.*, *3-й Совхозный пер.* (24 н.п.), *Красноармейская ул.* / *Красноармейский пер.* / *Красноармейский спуск* (19 н.п.), ул. *70 лет Октября* / пер. *70 лет Октября* (12 н.п.);

5) асобныя найбольш значныя ў сацыяльным плане аб'екты: *Заводская ул.*, *2-ая Заводская ул.*, *3-я Заводская ул.* / *Заводской пер.*, *1-ый Заводской пер.*, *2-ой Заводской пер.*, *3-ий Заводской пер.* (53 н.п.), *Почтовая ул.* / *Почтовый пер.* (19 н.п.), *Дачный пер.* / *Дачный посёлок* / *Дачная ул.*, *2-я Дачная ул.*, *3-я Дачная ул.* (12 н.п.).

Дваццаць дзве асновы сталі базай для ўтварэння назваў унутрыпаселішчных лінейных аб'ектаў, што рэпрэзентуюць пятую катэгорыю. Яна аб'ядноўвае ўрбананімы і віконімы, якія паўтараюцца толькі ў 2–9 паселішчах. Менавіта гэтыя найменні маюць самае цеснае дачыненне да гісторыі Беларусі (параўнаем: *Белорусская ул.*, ул. *Калиновского* / *1-й пер. Калиновского*, *2-й пер. Калиновского*, ул. *Франциска Скорины*, ул. *Машерова*, *Криничная ул.* / *Крыничная ул.* / *Криничный пер.*, *Минская ул.* / *Минский пер.*, *Светлая ул.* / *Светлый пер.*, *1-й Светлый пер.*, *2-й Светлый пер.*, ул. *60 лет Октября* / пер. *60 лет Октября*, ул. *М. Богдановича* / ул. *Максима Богдановича*, пер. *Богдановича*, *Крестыанская ул.* / *Крестыанский пер.*, *Шкловский пер.* / *Шкловское шоссе*, ул. *40 лет Победы*, ул. *50 лет Октября*, *Полоцкая ул.*, *Славянская ул.*, *Оборонная ул.*) і гісторыі паселішча, у якім яны функцыянуюць: ул. *Б-Бирули*, ул. *Бялыніцкаго-Бирули* / *1-й пер. Бялыніцкаго-Бирули*, *2-й пер. Бялыніцкаго-Бирули*, *3-й пер. Бялыніцкаго-Бирули*, *4-й пер. Бялыніцкаго-Бирули*, ул. *Гришица*, ул. *Лорченко*, ул. *Терешкевича*, ул. *Хигрина*.

Калі разглядаць назвы як адзінкі канкрэтнага ўрбананімікона, то кожная з іх мае сваё месца ў ім і адпавядае пэўнаму рангу, які назва вуліцы атрымлівае ў залежнасці ад колькасці паселішчаў, у якіх яна існуе, і выяўленай катэгорыі (гл. табліцу).

Табліца. – Катэгорыі і рангі назваў вуліц г.п. Бялынічы ва ўрбананіміконе Магілёўшчыны

Назва аб'екта	Колькасць паселішчаў, у якіх існуе назва	Катэгорыя назвы	Ранг назвы
1	2	3	4
1. Садовая ул. , 1-я Садовая ул., 2-я Садовая ул., Садовый пер., 1-й Садовый пер., 2-й Садовый пер., 3-й Садовый пер., 4-й Садовый пер., 5-й Садовый пер.	344	I	1
2. Лесная ул. , 2-я Лесная ул., ул. Лесной Ручей, Лесной пер., 1-й Лесной пер., 2-й Лесной пер.	311	I	2
3. Молодежная ул. , Молодежный пер., Молодежный бульвар	298	II	3
4. Школьный пер. , Школьный пер., Школьная ул.	214	II	4
5. Полевая ул. , Полевая 1 ул., Полевой пер.	210	II	5
6. Заречная ул. , Заречный пер.	183	III	6
7. Луговая ул. , 1-я Луговая ул., 2-я Луговая ул., 2-ая Луговая ул., 1-я Луговая ул., 2-я Луговая ул., 3-я Луговая ул., Луговой пер., Луговой проезд	180	III	7
8. Советская ул. , Советский пер., 1-й Советский пер., 2-й Советский пер., Советский посёлок, Советская пл.	177	III	8
9. Первомайская ул. , Первомайский пер.	101	III	9
10. Солнечная ул. , Солнечный пер.	91	IV	10

Продолжение таблицы

1	2	3	4
11. Набережная ул., Набережный пер., 2-й Набережный пер., 3-й Набережный пер., Набярэжная вул.	84	IV	11
12. Юбилейная ул., Юбилейный пер., 1-й Юбилейный пер., 2-й Юбилейный пер.	79	IV	12
13. Ленинская ул., пл. Ленина, ул. Ленина, бульвар Ленина, Ленинский бульвар, Ленинский пер., 1-й Ленинский пер., 2-й Ленинский пер., 3-й Ленинский пер., Ленинский въезд	77	IV	13
14. 1-я Восточная ул., Восточная ул, Восточный пер.	60	IV	14
15. Северный пер., Северный въезд, Северная ул.	57	IV	15
16. Заводская ул., Заводской пер., 2-ая Заводская ул., 3-я Заводская ул., 1-ый Заводской пер., 2-ой Заводской пер., 3-ий Заводской пер.	53	IV	16
17. Парковая ул., Парковый пер., Парковый проезд	52	IV	17
18. Пионерская ул., Пионерский пер.	46	IV	18
19. Цветочная ул., Цветочный пер., Цветочный проезд	39	IV	19
20. ул. Гагарина, пл. Гагарина, пер. Гагарина	37	IV	20
21. ул. Кирова, пер. Кирова	37	IV	20
22. Калинина ул., пер. Калинина, въезд Калинина	36		21
23. Западная ул./ Западный пер.	35	IV	22
24. ул. Строителей, пер. Строителей, проспект Строителей, проезд Строителей, Строительная ул., 1-й Строительный пер., 2-й Строительный пер.	35	IV	22
25. ул. Пушкина, пер. Пушкина, проспект Пушкина, Пушкинская ул., Пушкинский пер.	30	IV	23
26. ул. М. Горького, пер. Горького, ул. Максима Горького, въезд Горького, пер. Максима Горького	26	IV	24
27. Коммунистическая ул., Коммунистический пер., 1-й Коммунистический пер., Коммунистический въезд	26	IV	24
28. Приозерная ул., Приозерный пер.	25	IV	25
29. ул. Чкалова, пер. Чкалова, Чкаловская ул., 1-й пер. Чкалова, 2-й пер. Чкалова	25	IV	25
30. Совхозная ул., Совхозный пер., 3-й Совхозный пер.	24	IV	26
31. Весенняя ул., Весенний пер., 1-й Весенний пер., 2-й Весенний пер., 3-й Весенний пер., 4-й Весенний пер.	23	IV	27
32. ул. Чапаева, пер. Чапаева, проезд Чапаева	23	IV	27
33. ул. Я. Купалы, пер. Я. Купалы, 1-ый пер. Я. Купалы, 3-ий Я. Купалы пер.	23	IV	27
34. Сосновая ул., Сосновый пер.	23	IV	27
35. ул. Заслонова, пер. Заслонова	21	IV	28
36. ул. Мичурина, пер. Мичурина	21	IV	28
37. ул. Некрасова, пер. Некрасова, 1-й пер. Некрасова, 2-й пер. Некрасова, 3-й пер. Некрасова, 4-й пер. Некрасова, 5-й пер. Некрасова	21	IV	28
38. ул. Энгельса, 1-й пер. Энгельса, 2-й пер. Энгельса, 3-й пер. Энгельса, ул. Фридриха Энгельса	20	IV	29
39. ул. Я. Коласа, пер. Якуба Коласа	20	IV	29
40. Красноармейская ул., Красноармейский пер., Красноармейский спуск	19	IV	30
41. Почтовая ул., Почтовый пер.	19	IV	30
42. ул. Лермонтова, пер. Лермонтова, 2-й пер. Лермонтова	18	IV	31
43. ул. Карла Маркса, пер. Карла Маркса	18	IV	31
44. Дальний пер., Дальняя ул.	13	IV	32
45. ул. 70 лет Октября, пер. 70 лет Октября	12	IV	33
46. Дачный пер., Дачный посёлок, Дачная ул., 2-я Дачная ул., 3-я Дачная ул.	12	IV	33
47. ул. Островского	11	IV	34
48. ул. Якубовского	11	IV	34
49. ул. Маяковского, пер. Маяковского	10	IV	35
50. Белорусская ул.	9	V	36

Окончание таблицы

1	2	3	4
51. Ул. Калиновского , 1-й пер. Калиновского, 2-й пер. Калиновского	9	V	36
52. Минская ул. , Минский пер., Минское шоссе	9	V	36
53. ул. Франциска Скорины	8	V	37
54. ул. Б-Бирули , ул. Бялыницкого-Бирули, 1-й пер. Бялыницкого-Бирули, 2-й пер. Бялыницкого-Бирули, 3-й пер. Бялыницкого-Бирули, 4-й пер. Бялыницкого-Бирули	7	V	38
55. Криничная ул. , Крыничная, Криничный пер.	7	V	38
56. ул. Машерова	7	V	38
57. Светлая ул. , Светлый пер., 1-й Светлый пер., 2-й Светлый пер.	7	V	38
58. ул. 60 лет Октября , пер. 60 лет Октября	7	V	38
59. ул. М. Богдановича , ул. Максима Богдановича, пер. Богдановича	6	V	39
60. Крестьянская ул. , Крестьянский пер.	4	V	40
61. Шкловский пер. , Шкловское шоссе	4	V	40
62. ул. 40 лет Победы	4	V	40
63. ул. 50 лет Октября	3	V	41
64. Полоцкая ул.	3	V	41
65. Славянская ул.	3	V	41
66. ул. Гришина	2	V	42
67. ул. Лорченко	2	V	42
68. Оборонная ул.	2	V	42
69. ул. Терешкевича	2	V	42
70. ул. Хигрина	2	V	42

Параўнанне першага дзясятка найбольш частотных сучасных гадонімаў Віцебскай, Гомельскай, Гродзенскай [6, с. 108] і Магілёўскай абласцей паказвае больш падабенства, чым адрознення: за выключэннем дзвюх, восем назваў у абодвух спісах аднолькавыя, яны адрозніваюцца толькі рангам, што пацвярджае тэзіс аб рэгіянальнай распаўсюджанасці адных і тых жа найменняў лінейных аб'ектаў. Пры гэтым падобныя намінацыйныя працэсы, якія адбываюцца ў гаданіміконах розных тэрыторый, неканстантныя, паколькі ў кожным канкрэтным рэгіёне могуць існаваць свае перавагі пры намінацыі вуліц, якія вызначаюць тэрытарыяльную частотнасць іх назваў. Адрозненні ў намінацыйных прыярытэтах абумоўлены гістарычнымі, сацыяльнымі фактарамі развіцця рэгіёнаў, рознымі ўяўленнямі чалавека аб навакольным свеце.

Заклучэнне. Такім чынам, праведзенае даследаванне ўрбананімікона Магілёўшчыны дазваляе сцвярджаць, што паўтаральнасць назваў унутрыгарадскіх аб'ектаў – гэта адна з самых адметных рыс не толькі аналізаванага іменніка, але і ўрбананімнай прасторы Беларусі ўвогуле. Сярод фактараў, што абумоўліваюць самую высокую папулярнасць гэтым назвам, адпаведнасць існуючай ландшафтнай мадэлі прасторы ў тапаніміі Беларусі, у тым ліку фіксацыя геаграфічных каардынат размяшчэння лінейнага аб'екта; выкарыстанне сімвалаў савецкай эпохі. У якасці рэсурсаў для ўстаранення ўрбананімнай аднайменнасці можна разглядаць найменні, звязаныя з гісторыяй Беларусі і найперш з гісторыяй паселішча, у якім яны функцыянуюць.

Атрыманыя намі вынікі – сведкі таго, што анамастычная статыстыка назваў вуліц дапамагае адкрыць пэўныя заканамернасці фарміравання ўрбананімнай і віканімнай сістэм беларускага народа і стаць асновай для лінгвакультуралагічных і этналінгвістычных пабудоў.

ЛІТАРАТУРА

1. Skowronek, K. Współczesne, najczęściej używane nazwiska polskie / K. Skowronek // Antroponimia słowiańska: Materiały z IX Ogólnopolskiej Konferencji Onomastycznej, Warszawa, 6–8 XI 1994 / red.: E. Wolnicz-Pawłowska, J. Duma. – Warszawa : Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1996. – S. 291–299.
2. Borysiak, E. Aktualne, najczęściej występujące w polskich miastach nazwy ulic / E. Borysiak // Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze / pod. redakcją A. Cieślakowej, B. Czopek-Kopciuch i K. Skowronek. – Kraków : Wydawnictwo PANDIT, 2007. – S. 449–456.
3. Энциклопедия гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1993–2003. – Т. 2 : Беліцк – Гімн. – 1994. – 537 с.

4. Беларуская міфалогія : энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.
5. Молодежь [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Молодежь>. – Дата доступа: 06.07.2020.
6. Мезенко, А.М. Частотность топонимов как экспонент культурноисторической информации / А.М. Мезенко // Изв. Смолен. гос. ун-та. – 2017. – № 2 (38). – С. 106–113.

Паступіў 27.07.2020

**STREET NAMES OF URBAN SETTLEMENT BIALYNICHY
IN THE TOPONYMICON OF THE MOGILEV REGION:
THE PROBLEM OF REPETITIVENESS**

H. MEZENKA

The article examines the problem of repetitiveness of names of intra-settlement linear objects in the toponymicon of Mogilev region, specifies the factors and causes of this phenomenon, identifies resources for the elimination of urban omonymy through the example of urbanonymicon of urban settlement Bialynichy. Depending on the frequency of repetition in different settlements, five categories of these units are specified, according to which urbanonyms are ranked. It is claimed that repetitiveness of the names of intra-city objects is one of the most distinctive features of not only the analyzed urbanonymicon, but also of the urbanonymic space of Belarus in general. Among the factors which determine the highest popularity of these names are the correspondence of the existing landscape model of space in the toponymy of Belarus to the use of symbols of the Soviet era. As resources for the elimination of urban anonymity, names related to the history of Belarus and, first of all, to the history of the settlement in which they operate are recommended.

Keywords: *onomastics, toponymy, toponymicon, urbanonymous space, urbanonym.*

УДК 81.37

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭНАНТИОМОРФЕМ
БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)**

Ю.В. РОМАНЧУК
(Минский государственный лингвистический университет)
juliaromachka@mail.ru

В статье рассматриваются многозначные словообразовательные префиксы белорусского языка как основной источник внутриязыковой энантиосемии. С помощью семного анализа приставочных энантионимов выявлены оппозиции, на основе которых выделены группы морфем, участвующих в образовании префиксальных энантионимов белорусского языка. Построена структурно-семантическая классификация энантиоморфем белорусского языка, основанная на семантических оппозициях. Сформулированы оппозиционные значения глаголов для каждой группы энантиоморфем, участвующих в их образовании.

Ключевые слова: энантиосемия, префиксальные глаголы, энантиоморфема, энантиопрефикс, семная оппозиция, энантиосемичные значения.

Введение. Под энантиосемией понимается совмещение внутри одной и той же языковой единицы противоположных или противопоставленных значений или оттенков значений, актуализация и раскрытие которых обусловлены контекстом или ситуацией общения [1].

Термин «энантиосемия» вошел в научный оборот в конце XIX века после публикации работ В.И. Шерцля [2] и К. Абеля [3]. Позже изучением проблем энантиосемии занимались многие зарубежные (Т. Нольдеке [4, S. 67–108], В. Майд [5], Р. Майер [6], Т. Балкански [7], Е. Пернишка [8], Э. МакМахон [9], П. Лютзайер [10] и др.) и российские (Я.И. Гельблу [11], О.И. Смирнова [12], Г.В. Яцковская [13], Н.Б. Лаврентьева [14], Л.Е. Бессонова [15], Е.Х. Жаркова [16], А.Д. Шмелев [17], М.Ю. Бродский [18] и др.) лингвисты.

Вопросы энантиосемии не теряют своей актуальности до сих пор, о чем свидетельствуют работы современных исследователей, таких как Б. Караман [19], Ж. Ларю-Тондер [20], А. Клегр [21], Р. Хогенраад [22], О.П. Ермакова [23], В.Ю. Кравцова [24], Л.Р. Махмутова [25], Г.Н. Острикова [26], О.Н. Емельянова [27] и др. В белорусском языкознании энантиосемия является мало изученной. Отдельные аспекты данного явления освещаются в работах Н.Ю. Павловской [28; 29], Т.Е. Старастенко [30], Д.И. Тупика [31].

Энантиосемия как одна из закономерностей языка находит свое проявление на различных языковых уровнях, в том числе и словообразовательном, поскольку противоположность или противопоставленность значений внутри слова может развиваться под влиянием отдельных аффиксов [32, с. 111]. Л.А. Булаховский рассматривал многозначность словообразующих морфем, в частности префиксов, в качестве источника синхронной внутриязыковой энантиосемии. По мнению исследователя, «одна и та же приставка, присоединенная к одному и тому же глаголу, нередко приводит к образованию разных слов, значения которых могут быть прямо противоположны, так как некоторые префиксы не отличаются достаточной определенностью своего значения» [33, с. 79].

По нашим наблюдениям, в белорусском языке преобладает префиксальная глагольная энантиосемия. Случаи совмещения полярной семантики в пределах слова, образованного без участия префиксов, носят единичный характер и представлены разными частями речи. Примерами могут послужить лексемы *баласт* ‘специальный груз, который обеспечивает устойчивость’ – ‘что-то лишнее, ненужное, что не приносит никакой пользы’, *ідал* ‘про того, кого сильно любят, кому поклоняются’ – ‘негодник’, *пэўна* ‘безусловно’ – ‘может быть’, *трапаць* ‘ласково погладить, похлопать рукой’ – ‘бить, колотить’, *ох* для выражения и чувства боли, и чувства облегчения и др.

Поэтому целью данной статьи является выявление глагольных энантионимов префиксального типа, выделение их семантических характеристик и построение классификации энантиоморфем белорусского языка на базе семных оппозиций глаголов.

Разработанная в рамках данного исследования классификация энантиоморфем построена на выделении оппозиций сем, участвующих в создании контрастирующих значений глаголов.

В результате анализа отобранных приставочных энантиосемичных глаголов (в количестве 771 лексемы) обнаружено 19 семных оппозиций, на основе которых выделены энантиосемичные префиксы.

Всего в белорусском языке было выявлено 13 приставок, для которых характерна энантиосемия значений: *а-*, *аб-* (*аба-*), *ад-*, *вы-*, *да-*, *з*, *за-*, *на-*, *па-*, *пера-*, *раз-* (*рас-*), *с* (*са-*), *у-*. Благодаря семантике приставок глаголы приобретают соответствующие им значения.

В зависимости от выражаемых ими противоположных или противопоставленных значений префиксальные энантиоморфемы белорусского языка делятся на следующие группы: характеристики результата

действия; периода действия; двойственной направленности действия; образа действия, меры и степени; эмоционально-нравственной оценки действия; объектные и конверсивные энантиоморфемы (таблица).

Все выявленные энантиоморфемы белорусского языка, будучи многозначными, участвуют в создании нескольких оппозиций. В связи с этим одна и та же приставка может относиться к разным группам.

Таблица. – Семные оппозиции в структуре значений префиксальных энантионимов белорусского языка. Группы энантиоморфем

Приставки	а-	аб- (аба-)	ад-	вы-	да-	з-	за-	на-	па-	пера-	раз- (рас-)	с- (са-)	у-
Семные оппозиции													
<i>Характеристики результата действия</i>													
‘созидательный результат – разрушительный результат’		+		+		+	+	+	+		+	+	+
‘желательный результат – нежелательный результат’	+			+	+		+	+				+	
‘начало действия – нежелательный результат действия’							+						
‘достижение результата – аннулирование результата’				+		+	+	+	+	+			
‘реализация действия – нереализация действия’	+												
‘этот результат – другой результат’										+			
<i>Периода действия</i>													
‘действие в процессе – предел действия’			+					+	+	+			
‘начало действия – действие в процессе’									+				
‘начало действия – предел действия’							+						
‘повтор действия – предел действия’			+		+								
<i>Двойственной направленности действия</i>													
‘добавление – удаление’	+	+		+		+	+	+	+		+		+
‘соединение – рассоединение’						+		+	+		+	+	+
‘приближение – отдаление’				+		+	+	+	+		+	+	+
<i>Образа действия, меры и степени</i>													
‘так – не так’										+			
‘мера – чрезмерность’										+			
‘повтор действия – чрезмерность действия’										+			
<i>Эмоционально-нравственной оценки действия</i>													
‘результат с положительной оценкой – результат с отрицательной оценкой’	+		+					+	+	+	+	+	+
<i>Объектные</i>													
‘действие мимо или вокруг объекта – действие с полным охватом объекта’		+											
‘совершенствование объекта – ухудшение объекта’										+			+
<i>Конверсивные</i>													
‘выдача – получение’	+		+										

Группа «характеристики результата действия». Под характеристиками результата действия подразумевается возможность его оценки с точки зрения созидательности / разрушительности, желательности / нежелательности, возможности аннулирования или реализации / нереализации заявленного мотивирующим глаголом действия, а также противопоставленность по семам ‘этот результат – другой результат’.

Актуализация контрастирующих сем осуществляется с помощью префиксов *а-, аб- (аба-), вы-, да-, з, за-, на-, па-, пера-, раз- (рас-), с (са-), у-*.

Противопоставление ‘созидательный результат – разрушительный результат’ наблюдается в семантике глаголов *абрабіць*¹ ‘обработать, привести в порядок’ (*абрабіць каштоўны камень*) – ‘испачкать’ (*абрабіць кашулю*); *вырабіць* ‘досконально сделать, смастерить’ (*вырабіць сувеніры*) – ‘испачкать, испортить неаккуратным обращением’ (*вырабіць кастюм*); *зацерці* ‘стереть, уничтожить’ (*зацерці сляды*) – ‘приготовить растиранием, замешиванием’ (*зацерці муку*); *зрысаваць* ‘покрыть рисунками всю поверхность бумаги’, то есть ‘создать много рисунков’ (*зрысаваць альбом*) – ‘рисуя, израсходовать, потратить’ (*зрысаваць аловак*); *панаціраць* ‘начистить до блеска’ (*панаціраць паркет*) – ‘повредить трением’ (*панаціраць мазалі на нагах*); *разбіць* ‘испортить ударом, ездой, сгубить’ (*разбіць дарогу*) – ‘распланировав, посадить, заложить, поставить’ (*разбіць парк*); *скалаціць* ‘создать, организовать’ (*скалаціць новы калектыў*) – ‘побить, уничтожить’ (*град скалаціў пасевы*); *уткаць* ‘посредством ткания создать узор из цветов на ковре’ (*уткаць дыван кветкамі*) – ‘израсходовала в процессе ткания’ (*за дзень уткала кілаграм пражы*) и др.

Примерами энантиосемичных глаголов, в которых оппозиция складывается из сем ‘желательный результат – нежелательный результат’ служат лексемы *атрымаць* ‘получить награду’ (*атрымаць прэмію*) – ‘получить наказание; оказаться побитым’ (*атрымаць па руках*); *выбеліць* ‘побелить что-либо мелом и под.’ (*красны выткаць, палатно выбеліць*) – ‘испачкать чем-либо белым’ (*пыл выбеліў пліту*); *зальячыць* ‘заживить посредством лечения’ (*раны трэба зальячыць*) – ‘измучить неумелым лечением’ (*зальячылі да смерці*); *спасцігнуць* ‘понять’ (*спасцігнуць філасофскі сэнс рамана*) – ‘выпасть на долю, случиться (о чем-то плохом, неприятном)’ (*бяда спасцігла іх сям’ю*); *наседзець* ‘понять’ (*наседзець яйкі*) – ‘заработать болезнь в результате долгого сидения’ (*наседзець гемарой*) и др. В глаголе *дастаяцца* таким же образом противопоставляются значения ‘стоя, достигнуть цели’, то есть получить желательный результат (*дастаяцца ў касу*) и ‘долгим стоянием, нанести себе вред’, то есть получить нежелательные последствия от действия, обозначенного мотивирующим глаголом (*дастаяўся, што ногі замерзлі*).

В ряде энантионимов с префиксом *за-* значение с семой ‘предел действия’ приобретает дополнительную негативную оценочность, поскольку акцент делается на компонент нежелательности результата действия. Ср.: *затрэсці* ‘начать трясти’ (*сполашна затрэсці галавой*) – ‘треся, засыпать чем-либо’ (*затрэсці двор саломай*); *заплакаць* ‘начать плакать’ (*заплакаць ад крыўды*) – ‘долго плача, вызвать припухлость, покраснение’ (*заплакаць вочы*); *защчытаць* ‘начать щипать’ (*капітан зашчытаў вусікі*) – ‘замучать щипками’ (*гусак зашчытаў кураня*); *загаварыць* ‘начать говорить’ (*так і не наважыўся загаварыць з ёй*) – ‘утомить долгими разговорами’ (*загаварыць субяседніка*); *загуляць* ‘начать гулять’ (*загуляў на полю ветрык*) – ‘чрезмерно увлечься гулянкой, попойкой’ (*запіў, загуляў ды прамантачыў усё*) и др.

Как следует из примеров, противопоставление в этих глаголах строится на семмах ‘начало действия – нежелательный результат действия’.

Контрастирующие семы ‘достижение результата – аннулирование достигнутого результата’, или ‘действие – противодействие’, присутствуют в значениях энантионимов *выгнуць* ‘согнуть дугой, придать согнутую форму’ (*выгнуць шыю*) – ‘выпрямить, разогнуть’ (*выгнуць бляху*); *назвіваць* ‘намотать’ (*назвіваць нітак у клубкі*) – ‘размотать’ (*назвіваць пражы з матавіла*); *разгрэбці* ‘разбросать что-либо сыпкое, рыхлое’ (*разгрэбці снег на дарогу*) – ‘расчистить от чего-либо сыпкого, рыхлого’ (*разгрэбці дарогу ад снегу*); *павыводзіцца* ‘перестать существовать, исчезнуть’ (*куры павыводзіліся, то і не буду зоводзіць*) – ‘вывестись из яйца, личинки и т.п.’ (*птушаняты кнігава павыводзіліся ў гнёздах*); *перавыбраць* ‘избрать заново’ (*перавыбраць народнага суддзю*) – ‘освободить от выборной должности, избрав кого-то другого’ (*А перавыбраць цябе... гэта ніколі не будзе позна (Шамякін)*); *звіць* ‘смотать в клубок’ (*звіць пражу ў клубок*) – ‘размотать’ (*звіць пражу з матавіла*) и др.

В семантике глагола *аслухацца* представлены значения 1) ‘не услышать, что сказано’ и 2) ‘внимательно послушать, вслушаться’. Компонентный анализ позволяет увидеть, что в оппозиции находятся семы ‘не услышать’ значения 1 и ‘услышать’ значения 2. Следовательно, для значения 1 можно выделить архисему ‘нереализация действия’, а для значения 2 – ‘реализация действия’.

В словосочетаниях *перавастрыць усё нажы* и *лепей перавастрыць нажы*, *перарабіць многа работы за дзень* и *перарабіць чыю-небудзь работу*, *перакроіць увесь матэрыял* и *перакроіць сукенку нанова* глаголы с префиксом *пера-* противопоставлены по семмам ‘этот результат – другой результат’.

Группа «периода действия». Энантиоморфемами периода действия следует называть те префиксы, которые придают глаголам значения, противоположность внутри которых базируется на оппозициях сем ‘действие в процессе – предел действия’, ‘начало действия / становления признака’ – ‘предел действия / завершенность становления признака’, ‘начало действия – действие в процессе’, ‘предел действия – повтор действия’. То есть, здесь речь идет об описании особенностей протекания действия во времени и по времени.

¹ Тлумачальны слоўнік беларускай мовы у 5 т. пад рэд. К. Крапівы, 1977–1984 гг. и Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы пад рэд. І.Л. Капылова, 2016 г. Примеры контекстуального употребления энантионимов подбирались из этих словарей, из интернет-ресурса Родныя вобразы (<http://rv-blr.com/>), из белорусского N-корпуса (<https://bnkorus.info/korus.html>), из подкорпуса белорусского языка в национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru/new/search-para-be.html>).

К энантиоморфемам данной группы относятся приставки *ад-, да-, за-, на-, па-, пера-*.

По семам 'действие в процессе – предел действия' могут быть противопоставлены значения глаголов с префиксами *ад-, па-, пера-*: *адстаяць* 'простоять некоторое время' (*адстаяла гадзіну ў чарзе ў рэгістратуру, але яшчэ не атрымала талончык*) – 'простоять до конца, отбыть' (*тры змены адстаяла на рабоце*); *павыбіраць* 'собирать некоторое время' (*павыбіраць бульбу два дні*) – 'собрать все, многое' (*павыбіраць зярняты*); *перакалаціцца* 'колотиться, дрожать некоторое время' (*А божачка, колькі я перакалацілася, пакуль там страляла ды грымела (Грахоўскі)*) – 'перестать колотиться, дрожать' (*сэрца перакалацілася, калі яна пазбавілася лішніх клопат*) и др.

Основную массу энантионимов с префиксом *за-* составляют глаголы, значения которых противопоставлены по компонентам начинательности и предельности / результативности действия, то есть речь идет об оппозиции сем 'начало действия / становления признака – предел действия / законченность становления признака': *загудзець* 'начать гудеть' – 'прогудеть'; *заенчыць* 'начать кричать' – 'крикнуть несколько раз подряд'; *закапаць* 'начать капать' – 'испачкать каплями чего-либо, обкапать'; *засінець* 'начать синеть' – 'сделаться синим' и т.д. и т.п.

Однако здесь следует обратить внимание на следующий факт. Несмотря на то, что для всех энантионимов данной группы в словаре зафиксированы указанные оппозиции значений, не всегда представляется возможным четко разграничить, в каком из этих значений энантионим употребляется в том или ином случае даже в контексте.

В предложении «*Кр-кр-кр! кр-р-р!*» – *недзе зусім блізка хрыпатым голасам закаркала варона (Зуб)* сочетание *закаркала варона* можно понимать и как 'ворона начала каркать', и как 'несколько раз прокаркала ворона', поскольку его ближайшее окружение не делает очевидным, какое из значений энантиосемичного глагола задействовано. В предложении *Мякка зашамацела мокрае лісце, і зноў усё сціхла (Пташнікаў)* глагол *зашамацела* употребляется с семой предельности действия, на что указывает семантика второй части данного предложения *і зноў усё сціхла*.

Таким образом, можно сделать вывод, что для актуализации значений энантионимов необходим как можно более широкий контекст.

В глаголах *павандраваць* 'странствовать некоторое время' (*павандраваць па замежных краінах*) – 'отправиться куда-либо' (*павандравалі ў лес*); *пакрочыць* 'начать шагать, пойти куда-нибудь' (*звярнуць з дарогі і пакрочыць полем*) – 'шагать, ходить некоторое время' (*пакрочыць гадзіну на цэхах завода*) внутри значений противопоставляются семы 'начало действия' и 'действие в процессе'.

Оппозиция 'предел действия – повтор действия' присутствует в семантике глаголов *дагрузіць* 'закончить погрузку' (*дагрузіць вагон*) – 'добавить груза до полной загрузки' (*дагрузіць астаткі збожжжа ў машыну*); *даклеіць* 'закончить клеить' (*даклеіць сцены*) – 'приклеить что-то дополнительно' (*даклеіць яшчэ адну марку на канверт*); *аджыць* 'прожить, закончить жить' (*аджыць свой век*) – 'вернуться к жизни, снова стать живым' (*аджыла ніва пасля дажджу*); *адсеяць* 'посеять снова на месте невзошедшего, вымокшего' (*адсеялі азіміну ярыной*) – 'закончить сеять' (*адсеяць усе палеткі*) и др. Как следует из примеров, в одном из значений указанных глаголов присутствует компонент 'снова', который свидетельствует о повторном характере действия, а в другом значении есть компонент 'закончить', который предполагает конечность действия.

Группа «двойственной направленности действия». Двойственная направленность действия предполагает противопоставление по семам 'добавление – удаление', 'соединение – рассоединение', 'приближение – отдаление'. К данной группе принадлежат приставки: *а-, аб- (аба-), вы-, з-, за-, на-, па-, раз- (рас-), с- (са-), у-*. Противопоставленность значений в семантике энантионимов с рассматриваемыми приставками основана на указании куда либо откуда направлено действие.

Оппозиция 'добавление – удаление' присутствует в семантике глаголов *апасці* 'осыпаться, отвалиться' (*з дрэў апала ўсё лісце*) – 'упасть на поверхность, накрыть собой всю поверхность' (*капля даджу апала на твар*); *абвеяць* 'оборвать, отрясти' (*вецер абвеяў лісце*) – 'обсыпать чем-либо' (*падарожнага абвеяла снегам*); *вымазаць* 'намазать, натереть чем-либо' (*вымазаць ваксай*) – 'снять, очистить с поверхности чего-либо остатки масла, сметаны и под.' (*вымазаць скавараду*); *згрэбці* 'сгребая, собрать в одно место' (*згрэбці сена*) – 'сгребая, сбросить' (*згрэбці снег з даху*); *замесці* 'подметая, убрать в сторону' (*замесці смецце*) – 'засыпать, покрыть чем-нибудь сыпким' (*снегам замесці можа*); *пазмятаць* 'смести с какой-либо поверхности все, многое' (*пазмятаць пыл з мэблі*) – 'подметая, собрать в одно место все, многое' (*пазмятаць лісце ў кучу*); *рассыпаць* 'высыпать, разбросать, рассыпать по поверхности' (*рассыпаць муку з мяшка*) – 'насыпать, распределить, поместить' (*рассыпаць муку на мяшках*); *уцёрці* 'натирая, заставить какое-либо вещество проникнуть в кожу и под.' (*уцёрці мазь*) – 'вытереть' (*уцёрці слёзы далоняй*) и др.

Семы 'соединение – рассоединение' наличествуют в структуре лексем *пазбіваць* 'сбить, заставить отвалиться' (*пазбіваць калкі*) – 'приделать одно к другому' (*пазбіваць скрынкі цвікамі*); *разляпіць, расклеіць* 'рассоединить то, что склеилось' (*расклеіць канверт*) – 'наклеить во многих местах' (*разляпіць афішы*); *счатиць* 'соединить, присоединив одно к другому, зацепив одно за другое' (*счатиць вагоны*) – 'отцепить,

снять' (*счаниць вядро з крука*); *зліць* 'смешать, налив из разных мест' (*зліць нафту з цыстэрнаў у рэзервуар*) – 'отлить, чтобы отделить что-то от чего-то' (*зліць ваду са зваранай бульбы*); *урэзаць* 'вставить в вырезанное место' (*урэзаць замок у дзверы*) – 'отрезать' (*урэзаць акрайчык хлеба, усячы палена*) и др.

По компонентам 'приближение – отдаление' противопоставлены значения энантионимов *забегчы* 'зайти куда-нибудь мимоходом' (*забегчы да знаёмых*) – 'отдалиться на значительное расстояние' (*забегчы далёка ў поле*); *пазносіць* 'унести' (*пазносіць каменне з поля*) – 'принести' (*пазносіць раненых у шпіталь*); *разнесці* 'принести, доставить в конкретное место' (*разнесці паперы ў кожны кабінет, разнесці заразу*) – 'растопить, разворовать' (*разнесці цэглу з будоўлі*); *выступіць* 'выйти вперед из-за чего-либо' (*выступіць з натоўну*) – 'отправиться в другое место, выйдя с места стоянки' (*выступіць у паход*); *звалачы* 'снести в одно место' (*звалачы галлё ў кучу*) – 'унести куда-то далеко' (*дзеці недзе звалаклі граблі*); *сагнаць* 'заставить уйти, убежать, улететь откуда-нибудь' (*сагнаць з месца*) – 'заставить собраться в одном месте' (*сагнаць у адзін гурт*); *ухаць* 'заехать внутрь чего-либо, приехать куда-либо' (*ухаць у двор*) – 'отъехать на какое-то расстояние' (*за дзень мы ўехалі сто кіламетраў*) и др.

Группа «образа действия, меры и степени». Энантиоморфемы образа действия, меры и степени участвуют в создании глагольных значений, которые описывают, каким образом и с какой степенью интенсивности действия достигнут тот или иной результат. К ним следует причислять приставку *пера-*.

В самой многочисленной группе глаголов с приставкой *пера-* одно из значений можно сформулировать как 'совершить конкретное действие по отношению ко всем, многим или ко всему, многому', а другое – как 'совершить это же действие заново, иначе, еще раз'.

И здесь возникает вопрос о возможности выделения антонимичных сем в структуре значений глаголов этой группы. К примеру, словосочетания *перабяліць столі ва ўсіх пакоях*, *перавастрыць усе нажы*, *перамыць увесь посуд*, *перарабіць многа работы за дзень* и т.д. можно осмыслить как 'совершить конкретное действие именно так и добиться некоего результата' и выделить семы 'так', 'этот результат'. Маркерами рассматриваемого значения являются слова *увесь*, *усе*, *многа*, *многія* в соответствующих формах.

Использование тех же глаголов в словосочетаниях *перабяліць столі яшчэ раз*, *лепей перавастрыць нажы*, *дбайней перамыць посуд*, *перарабіць чыю-небудзь работу* и т.д. дает возможность трактовать их как 'совершить то же конкретное действие не так, а иначе, еще раз и, тем самым, добиться другого результата', а также приводит к появлению сем 'не так', 'иначе', 'другой результат'. В качестве маркеров данного значения могут быть использованы слова *яшчэ раз*, *нанава*, *паўторна*, *іначай*.

Таким образом, в противопоставлении в данной группе глаголов участвуют семы 'так – не так' и 'этот результат – другой результат'.

Значение префикса *пера-* здесь связано как с результативностью действия, так и со способом осуществления этого действия. В связи с этим префикс *пера-* на базе компонентов значения 'этот результат – другой результат' также относится и к группе энантиоморфем характеристики результата действия (см. выше).

Еще одну группу энантионимов с префиксом *пера-* образуют глаголы типа *перагаварыць*, *перакурыць*, *пераліць*, *перасіліць*, *перасмажыць*, *перасыпаць* и др., в которых благодаря энантиоморфеме актуализируются семы 'мера – чрезмерность'. Например, *перагаварыць адзін на адзін*, т.е. 'поговорить достаточно, чтобы обменяться мнениями', и *яго не перагаворыш*, где *перагаварыць* означает 'говорить сверх меры и этим заставить замолчать других'; *перасіліць праціўніка*, *перасіліць нянавісьць*, то есть 'приложить достаточно усилий, чтобы победить кого-то или преодолеть что-то', и *перасіліць каня работай*, что означает 'измучить, надорвать, заставляя чрезмерно напрягаться' и др.

Префикс *пера-* также участвует в создании оппозиции сем 'повтор действия в результате необходимости' + 'совершенствование объекта' и 'чрезмерность действия' + 'ухудшение объекта / ущерб объекту'.

Рассмотрим такой пример: *А што я зрабіў кепскае? Столь упрыгожыць кветкамі хацеў? Дык я ж мог сам перабяліць, калі б казалі (Нядзведскі)*. Из контекста становится очевидно, что *перабяліць* означает 'побелить заново, чтобы сделать лучше, исправить несовершенства'. Сема «совершенствование» связана с положительной оценкой результата действия, так как в итоге объект действия становится лучше. Но в словосочетании *перабяліць палотны хлёркай* тот же глагол приобретает значение 'испортить чрезмерным белением', что ведет к актуализации семы «ухудшение объекта», и появляется негативная оценка результата действия.

Другими примерами выступают глаголы *пераварыць* 'сварить заново' (*пераварыць зацукраванае вэрэнне*) – 'сделать не таким, как надо в результате слишком долгой варки' (*пераварыць мяса*); *перавастрыць* 'заточить заново' (*перавастрыць алоўкі*) – 'заточить очень сильно, больше, чем нужно' (*моцна перавастрыць брытву*); *перавучыцца* 'научиться чему-нибудь другому' (*перавучыцца для працы ў іншай сферы*) – 'причинить себе вред чрезмерной учебой' (*Нешта нядобрае з Касяй. Ці не перавучылася яна? (Дубоўка)*) и др.

По семам 'повтор действия в результате необходимости' и 'чрезмерность действия' противопоставляются номинативные компоненты значения, а по семам 'совершенствование объекта' и 'ухудшение объекта' – эмоционально-оценочные компоненты значения. Оппозиция 'совершенствование объекта' – 'ухудшение объекта' дает основание относить префикс *пера-* также и к объектным энантиоморфемам (см. ниже).

Группа «эмоционально-нравственной оценки действия». Энантиоморфемы эмоционально-нравственной оценки действия участвуют в словообразовании глаголов, противоположные или противопоставленные значения которых выстраиваются на контрастирующих семах 'результат с положительной оценкой – результат с отрицательной оценкой'.

В реализации данной оппозиции участвуют префиксы *a-*, *ад-*, *на-*, *па-*, *пера-*, *раз-* (*рас-*), *с-* (*са-*), *у-*.

Примерами служат глаголы *расквітацца*, *разлічыцца*, *разрахавацца*, *сквітацца*. В их семантике противопоставлены значения 'полностью расплатиться, отдать долг' (*расквітацца за дапамогу*, *разлічыцца з афіцыянтам*, *разрахавацца за грахі*, *сквітацца з усімі даўгамі*) и 'отомстить, свести счеты' (*расквітацца з ворагамі*, *сурова разлічыцца з віноўнікам*, *разрахавацца / сквітацца за крыўду*). В данной оппозиции реализуется не только сема результативности, но и сема оценки полученного результата. Например, словосочетание *расквітацца за дапамогу* включает в себе сему положительной оценки, поскольку ассоциируется с концептом 'благодарность', а словосочетание *расквітацца з ворагамі*, наоборот, имеет негативную коннотацию, так как связано с концептом 'месть'.

В семантику глагола *перавысіць* входят значения: 1) 'перевыполнить норму, план и под.' (*перавысіць даваенны ўзровень прамысловасці*, *перавысіць план вытворчасці*) и 2) 'выйти за границы дозволенного, за пределы общепринятых норм' (*перавысіць свае паўнамоцтвы*, *перавысіць межы дазvoleнага*). Интегральной семой для значений 1 и 2 выступает сема 'чрезмерность'. Только в значении 1 превышение меры, нормы приводит к положительному результату с точки зрения его восприятия адресатом сообщения, а в значении 2 – к отрицательному.

Энантионим *паабмераць* в словосочетании *паабмераць усе ўчасткі* имеет значение 'измерить все', то есть совершить действие в полном объеме. Подобная результативность воспримается положительно. А в словосочетании *паабмераць пакупніка* глагол приобретает значение 'взвешивая, недодать некоторое количество'. В данном случае результат действия имеет негативную коннотацию, поскольку ассоциируется с концептом 'обман' – 'недовесить покупателю товар с целью обмана'.

В семантике глагола *ачысціць* 'сделать чистым, удалив грязь, мусор; сделать чистым в моральном плане' (*ачысціць пограб*, *ачысціць сумленне*) – 'обокрасть' (*злодзеі ачысцілі кватэру*) в оппозиции находятся положительная (компонент первого значения 'чистый' вызывает положительные ассоциации в коллективном сознании) и отрицательная (выделяемая во втором значении сема 'кража' связана с реакцией осуждения, с негативным восприятием в обществе) составляющая оценки результата действия. Отсюда семное противопоставление 'результат с положительной оценкой' и 'результат с отрицательной оценкой'.

Глагол *адцерці*, который имеет значения 1) 'растирая, вернуть чувствительность' (*адцерці рукі з марозу*) – 2) 'прижав, причинить боль; повредить; придавить' (*адцерці дзвяр'ям палыцы*). В значении 1 результат действия оценивается положительно, поскольку связан с концептом 'польза'. В значении 2 результат действия вызывает отрицательную реакцию, поскольку ассоциируется с концептами 'вред', 'боль'.

Лексема *удружыць* во фразах *Вось малайцы, удружылі* и *Дзякуй, удружылі вы нам, удружылі, гэта менавіта тое, што нам трэба* имеет значение 'помогли, оказали дружескую услугу'. Здесь можно говорить о положительной оценке результата действия. А во фразах *І спецыяльнасць такую ўдружылі, з якой нікуды не паткнешся* и *Ну ж, удружыў, гад!* актуализируется значение глагола 'навредить, доставить неприятности'. В данном случае результат действия связан с концептами 'вред', 'неприятность'. Такой результат воспринимается отрицательно.

Объектные энантиоморфемы. Приставки, значения которых связаны с особенностями и степенью участия объекта в совершении действия или с указанием на изменения объекта в результате совершения действия, мы называем объектными энантиоморфемами. К таковым относятся приставки *аб-* (*аба-*), *пера-*, *у-*.

Основную группу энантиолексем с приставкой *аб-* (*аба-*) составляют глаголы, в которых посредством приставки первичное и вторичное значения противопоставлены по семам 'действие мимо или вокруг объекта – действие с полным охватом объекта'. Эти семы актуализируются, главным образом, при сочетании приставки с глаголами перемещения *бегчы*, *ісці*, *везці*, *весці*, *ехаць*, *ляцець*, *несці*, *каціць*, *плысці*, *скакаць* и т.п. При этом первое значение рассматриваемых энантионимов может быть выражено с помощью указателей *вакол*, *кругом*, *з усіх бакоў*, *збоч*, а второе – с помощью местоимений *увесь*, *усе* в соответствующих формах числа и рода.

Примерами служат лексемы *абабегчы* 'пробежать вокруг, мимо' (*абабегчы вакол дома*) – 'бегая, побывать во многих местах' (*абабегчы ўсіх суседзяў*); *абвесці* 'провести вокруг, мимо' (*абвесці вакол возера*) – 'провести по многим местам' (*абвесці дзяцей па ўсіх музеях*); *аб'ехаць* 'проехать вокруг, мимо, скраю' (*аб'ехаць балота*) – 'проехаться по многим местам, побывать во многих местах' (*аб'ехаць паўсвету*); *абнесці* 'подходя, угостить каждого' (*абнесці гасцей прысмакамі*) – 'угощая, пропустить кого-либо' (*абнесці чаркай*) и др.

Оппозиция 'совершенствование объекта – ухудшение объекта' обнаруживается также в значениях глаголов с приставками *у-* и *пера-*. Например, *уездзіць дарогу* означает 'сделать дорогу ровнее', *палатно убялілася* понимается как 'холст хорошо выбелился', *урабіць зямлю* означает 'подготовить землю под посев'. В каждом случае объект изменяется в лучшую сторону в результате действия, названного мотивирующим глаголом. А в противоположном своем значении эти же глаголы предполагают действие, которое негативным образом сказывается на объекте: *уездзіць каня* – 'утомить коня ездой', *убяліцца ў мел* – 'испачкаться в мел', *урабіць рукі ў грязь* – 'запачкать руки грязью'.

Конверсивные энантиоморфемы. Конверсивная противоположность внутри значения той или иной лексемы может быть выражена антонимичными компонентами значения ‘дать – взять’/ ‘выдать – получить’.

Рассмотрим энантионим *атаварыць*, который имеет значения ‘выдать товар’ и ‘получить товар’. В предложении *Першым прадаўчыца атаварыла пакупніка Нітку, які па прычыне сваёй маленькай вагі ледзь выбраўся з буфета (часопіс «Ганцавіцкі час»)* глагол употребляется в первом значении, в котором присутствует сема ‘дать’. А в предложении *Трэба заехаць у краму, атаварыць прадуктовыя карткі (Рублеўская)* действие описывается с точки зрения покупателя, а не продавца и выделяется сема ‘взять’. Так, в данном случае префикс *a-* участвует в реализации семной оппозиции ‘выдача – получение’. Префикс *ад-* также может передавать конверсивную противоположность, как, например, в глаголе *аддаць* ‘продать по какой-то цене’ (*аддаць за бясцэнак*) – ‘заплатить за купленное’ (*Колькі аддаў за машыну?*).

В энантиолексеме *разжалецца* ‘поддаться чувству сожаления, жалости’ – ‘начать слишком много жаловаться’ префикс *раз-* тоже участвует в выражении конверсивной противоположности. В словосочетаниях типа *разжалецца на свой лёс* и *разжалецца ад апояду пра цяжкі лёс* отчетливо видно, что одно и то же действие описывается с позиции противопоставленных друг другу участников коммуникации.

В значении энантионима *уверыць* префикс *y-* также выражает конверсивную противоположность действия. В предложении *Анюта і напраўду ўверыла, што ёй такі здалося... (Лобан)* этот глагол имеет значение ‘поверить, окончательно убедиться’. В предложении *Паверце самі і людзей уверце ў гэтым (Клімковіч)* актуализируется противоположное значение глагола ‘убедить’.

Наглядно результаты исследования представлены в таблице.

Заключение. Проведенный семный анализ глагольных энантионимов и участвующих в их образовании префиксов дает основание для построения структурно-семантической классификации энантиоморфем белорусского языка. В данной классификации следует выделять 7 групп:

- 1) энантиоморфемы характеристики результата действия (*a-, аб- (аба-), вы-, да-, з-, за-, на-, па-, пера-, раз- (рас-), с- (са-), y-*);
- 2) энантиоморфемы периода действия (*ад-, да-, за-, на-, па-, пера-*);
- 3) энантиоморфемы двойственной направленности действия (*a-, аб- (аба-), вы-, з-, за-, на-, па-, раз- (рас-), с- (са-), y-*);
- 4) энантиоморфемы образа действия, меры и степени (*пера-*);
- 5) энантиоморфемы эмоционально-нравственной оценки действия (*a-, ад-, на-, па-, пера-, раз- (рас-), с- (са-), y-*);
- 6) объектные энантиоморфемы (*аб- (аба-), пера-, y-*);
- 7) конверсивные энантиоморфемы (*a-, ад-*).

Многочисленность и многозначность рассмотренных энантиоморфем свидетельствует о высокой степени распространенности энантиосемии в белорусском языке, которая находит свое проявление в основном на словообразовательном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романчук, Ю.В. «Категориальная сущность энантиосемии» / Ю.В. Романчук // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2020. – № 3 (106). – С. 58–65.
2. Шерцль, В.И. О словах съ противоположными значениями (или о такъ называемой энантиосемии) / В.И. Шерцль // Филологические записки. – Воронеж : Типо-литография Губернского правления, 1883. – Вып. 5/6. – С. 1–39.
3. Abel, K. Über den Gegensatz der Urworte / K. Abel. – Leipzig: Wilhelm Friedrich, 1884. – 65 p.
4. Nöldeke, T. Neue Beiträge zur semitischen Sprachweise / T. Nöldeke. – Strassburg : K.J. Trübner, 1910. – 240 S.
5. Meid, W. Über konträre Bedeutung – Bemerkungen zum sogenannten “Gegensinn“ / W. Meid // Studia Celtica. – 1979. – Vol. XIV/ XV. – S. 193–199.
6. Ромашко, С.А. Энантиосемия и многозначность в древнееврейском словообразовании и формировании понятий / С.А. Ромашко, Р. Майер // Общественные науки за рубежом. Сер. 6, Языкознание. – М. : ИНИОН РАН, 1980. – № 5. – С. 168–169.
7. Балкански, Т. Явлението энантиосемия в съвременния български език / Т. Балкански // Български език. – 1979. – Г. 29, кн. 2. – С. 111–119.
8. Пернишка, Е. Прояви на энантиосемия при означени на количествени категории от съществителните имена / Е. Пернишка // Български език. – 1981. – Кн. 2. – С. 150–154.
9. McMahon, A.M.S. Understanding Language Change / A.M.S. McMahon. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 361 p.
10. Lutzeier, P.R. Gegensatz als besondere Form lexikalischer Ambiguität / P.R. Lutzeier // Linguistische Berichte. – 1997. – В. 171. – С. 381–395.
11. Гельбл, Я.И. Способы выражения антонимичности в современном немецком языке : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Я.И. Гельбл ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1965. – 18 с.
12. Смирнова, О.И. Проблема энантиосемии в исторической лексикологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.И. Смирнова ; Ин-т русского языка АН СССР. – М., 1976. – 26 с.
13. Яцковская, Г.В. Энантиосемия в современном немецком языке : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Г.В. Яцковская ; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – М., 1977. – 16 с.

14. Лаврентьева, Н.Б. Энантиосемия как результат метафоризации / Н.Б. Лаврентьева // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. – Красноярск : Краснояр. ГПИ, 1978. – 158 с.
15. Бессонова, Л.Е. Глагольная префиксальная энантиосемия в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Е. Бессонова ; Днепропетровский гос. ун-т. – Днепропетровск, 1983. – 25 с.
16. Жаркова, Е.Х. Энантиосемия лексико-грамматического и словообразовательного типа в кругу смежных явлений: на материале имен существительных русского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Х. Жаркова. – М., 1988. – 170 л.
17. Шмелев, А.Д. Когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии / А.Д. Шмелев // Русский язык. – 1993. – Вып. 41. – С. 3.
18. Бродский, М.Ю. Лексическая энантиосемия в сопоставительном аспекте: на материале современного английского и французского языков : автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / М.Ю. Бродский ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1998. – 22 с.
19. Karaman, B.I. On Contronymy / B.I. Karaman // International Journal of Lexicography. – 2008. – Vol. 21, Issue 2. – P. 173–192.
20. Larue-Tondeur, J. Ambivalence et énantiosémie : thèse de doctorat / J. Larue-Tondeur. – Paris : Université de Nanterre Paris X, 2009. – 352 p.
21. Klégr, A. The Limits of Polysemy: Enantiosemy / A. Klégr // Linguistica Pragensia. – 2013. – № 2. – P. 7–23.
22. Hogenraad, R. Smoke and Mirrors: Tracing Ambiguity in Texts / R. Hogenraad // Digital Scholarship in the Humanities. – 2018. – Vol. 33, Issue 2. – P. 297–315.
23. Ермакова, О.П. Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию начала и конца / О.П. Ермакова // Логический анализ языка. Семантика начала и конца ; под ред. Н.Д. Артуновой. – М. : Индрик, 2002. – С. 61–68.
24. Кравцова, В.Ю. Энантиосемия лексических и фразеологических единиц: язык и речь : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.Ю. Кравцова ; Ростов. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2006. – 20 с.
25. Махмутова, Л.Р. Основные типы энантиосемии в современном русском языке : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Р. Махмутова ; Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2009. – 24 с.
26. Острикова, Г.Н. Энантиосемия разноуровневых единиц немецкого языка: структурно-семантический, функциональный и типологический аспекты : автореф. ... дис. д-ра филол. наук : 10.02.19; 10.02.04 / Г.Н. Острикова ; ФГАОУ ВПО «Южный фед. ун-т». – Ростов-на-Дону, 2014. – 32 с.
27. Емельянова, О.Н. Стилевая энантиосемия многозначного слова (по материалам толковых словарей современного русского языка) / О.Н. Емельянова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 3. – С. 77–86.
28. Павловская, Н.Ю. Семантические преобразования номинаций с модальным значением: энантиосемия / Н.Ю. Павловская // Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы V Междунар. юбилейн. науч. конф., Минск, 6–7 дек. 2012 г. : в 2 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол.: О.А. Полетаева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Ч. 1. – С. 78–80.
29. Паўлоўская, Н.Ю. Энантиосемія моўных адзінак з азначным значэннем у мастацкім тэксте / Н.Ю. Паўлоўская // Матэрыялы ежгоднай науч. конф. прафесараў і аспірантаў ун-та, 24–25 апр. 2013 г. : в 5 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н.П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2013. – Ч. 5. – С. 33–39.
30. Старасценка, Т.Я. Лексіка-стылістычныя сродкі рэалізацыі кантрасту (на матэрыяле твораў Алеся Разанава) : аўтарэф. ... дыс. канд. філал. навук : 10.02.01 / Т.Я. Старасценка ; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М.Танка. – Мінск, 2001. – 16 с.
31. Тупик, Д.И. Вторичная семантика глагольных конверсивов во французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Д.И. Тупик ; Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2014. – 21 с.
32. Балалыкина, Э.А. Метамарфозы русского слова : учебное пособие / Э.А. Балалыкина. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 260 с.
33. Булаховский, Л.А. Введение в языкознание: учебник / Л.А. Булаховский. – М. : Учпедгиз, 1954. – 177 с.

Поступила 11.11.2020

STRUCTURAL-SEMANTIC CLASSIFICATION OF THE ENANTIOMORPHEMES OF THE BELARUSIAN LANGUAGE (BASED ON VERBAL LEXIS)

J. RAMANCHUK

The article deals with the polysemantic word-formative prefixes of the Belarusian language as the main source of intralingual enantiosemy. With the help of the seme analysis of prefixed enantionyms, we have identified the oppositions on the basis of which certain groups of morphemes, participating in the formation of prefix enantionyms of the Belarusian language, can be distinguished. A structural-semantic classification of enantiomorphemes of the Belarusian language based on semantic oppositions has been built. Oppositional meanings of verbs for each group of enantiomorphemes have been formulated.

Keywords: enantiosemy, prefix verbs, enantiomorpheme, enantioprefix, seme opposition, enantiosemic meanings.

УДК 004.81: 811.1/8

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА
И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА****Р.А. КАМПАДЕЛЛИ***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)*
campadellirosalia@gmail.com

В статье рассматриваются понятия «картина мира» как способ представления внеязыковой действительности и «концепт» как результат процесса концептуализации мира. Особое внимание уделяется типологии картин мира и основным подходам к их интерпретации, а также раскрываются взаимосвязи между языком, культурой и менталитетом индивида. Описываются основные подходы к исследованию концепта: психолингвистический, лингвистический, логико-философский, лингвокультурологический и когнитивный. Акцентируется особое внимание на лингвокультурологическом подходе и анализе лингвокультурных концептов – когнитивных единиц, которые образуются на когнитивном уровне языковой личности и имеют конкретное языковое выражение. Раскрывается их структура и основные свойства. Исследуются отношения между прагматикой и концептом, заключающиеся во взаимосвязи концепта с контекстом его употребления и с пользователями языка.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, языковая картина мира, языковая личность, лингвокультурология, прагматика.

Введение. Когнитивная лингвистика – направление, возникшее в языкознании в начале 1970-х гг. [1] и исследующее язык как способ коммуникации и мышления [2, с. 99]. Объект изучения когнитивной лингвистики – язык как отражение ментальных моделей мира и самого человека в нем. Под ментальными моделями понимаются мыслительные репрезентации действительности, основанные на процессе концептуализации мира. Во взаимодействии с окружающей средой человек воспринимает и структурирует действительность в своем сознании, после чего систематизирует свои представления о мире в разных ментальных категориях [3, с. 64]. Когнитивная лингвистика предусматривает анализ языка как инструмента образования и выражения мыслей, которые структурируются и хранятся как в человеческом сознании, так и в языковых единицах [4, с. 98].

В данной статье рассматриваются теоретические вопросы, которые до сих пор не решены. Хотя в области когнитивной лингвистики часто употребляются термины «концепт» и «картина мира», нет единообразия в их трактовке, что свидетельствует о различных подходах к их определению и классификации. Целью данного исследования является теоретическая систематизация уже имеющихся знаний о вышеуказанных понятиях.

Актуальность статьи заключается в том, что теоретические вопросы лингвокогнитивного анализа и концептуализации мира играют важную роль в современном языкознании, так как дают ключ к раскрытию взаимосвязи между действительностью, языком и человеческим сознанием.

Основная часть. Осмысливая действительность, человек создает картины мира. Термин «картина мира» возник от немецкого слова *Weltanschauung*, которое буквально означает «мировоззрение» [5, с. 296], впервые был использован в трактате И. Канта «Критика способности суждения» и обозначал внутреннее знание о мире, основанное на восприятии действительности чувствами [5, с. 296]. В современном языкознании понятия «мировоззрение» и «картина мира» не считаются полностью эквивалентными. Мировоззрение является совокупностью информации о мире и о роли человека в нем [6], а картина мира является результатом концептуализации и категоризации мира в человеческом сознании. Следовательно, становится очевидным, что картина мира – это «не картина, изображающая мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [7, с. 185].

Важно различать виды знания, которые воздействуют на восприятие действительности человеком и на формирование картины мира:

- 1) врожденное знание;
- 2) знание, которое человек приобретает в своей повседневной жизни, непосредственно контактируя с окружающей средой;
- 3) знание, которое человек получает посредством чтения и осмысления текстов разного вида;
- 4) знание, которое возникает в процессе мыслительной деятельности;
- 5) знание, которое со временем сохраняется в языке и передается посредством его из поколения в поколение [8, с. 398].

Понятие «врожденное знание» восходит к работам Платона, который утверждал, что в душе каждого человека, уже до его рождения, существуют врожденные идеи, т.е. это уже сложившиеся знания, которые выясняются после рождения [9].

Традиционным остается вопрос типологий картин мира и самого процесса концептуализации. Согласно О.И. Лыткиной (2010), картины мира можно разделить в зависимости от субъекта (индивидуальная; картина мира социальной группы, например, определенной семьи, нации, цивилизации и др.; конкретной исторической эпохи; общественно-экономической системы, например, феодализма, капитализма, социализма и т.д.), в зависимости от формы и метода отображения действительности (идеалистическая, материалистическая, синтетическая картина мира; научная, вненаучная и философская; рациональная и иррациональная), в зависимости от метода познания мира (мифологическая, религиозная, научная, философская и художественная картины мира) [10, с. 65]. Поскольку представления о мире не только присутствуют в сознании человека, но и фиксируются в языке, согласно Н.Н. Гончаровой, необходимо принимать к сведению и четвертый критерий в классификации языковых картин мира: их способ языковой репрезентации. Примером является литературная языковая картина мира [8, с. 403].

Несмотря на различные позиции ученых о типологиях картин мира, в языкознании принято полагать, что первобытные знания об органическом и неорганическом мире заключены в мифологической картине мира. Первобытными считаются те знания, которые человечество приобрело раньше других. Они образовались через призму мифа. Как мифологическая, так и религиозная картина мира всегда играла важную роль в пояснении многих вопросов, касающихся мира и смысла человеческой жизни. Религиозная картина включает в себя представления о мире общественном и сверхъестественном с точки зрения религиозной доктрины. В отличие от мифологической и религиозной картин мира, философская картина мира имеет теоретический характер. Если первые основываются на мифе и на вере, последняя – на более объективных принципах [11, с. 37]. Философская картина мира включает в себя представления о мире и человеке в нем. Однако человек не рассматривается философами как «часть мира в ряду других вещей, а как бытие особого рода. От всего остального его отличает способность мыслить, познавать, трудиться, любить и ненавидеть, радоваться и печалиться и т.д.» [11, с. 33]. Философская картина мира способствовала развитию творческого инстинкта человека [11, с. 37], однако творческий характер деятельности человека особенно ярко обнаруживается в художественной картине мира. Представления о действительности могут иметь языковое выражение или проявляться в символично-графическом, музыкальном и математическом кодах [12, с. 16].

Языковая картина мира описывается большинством когнитологов как зафиксированные в языке представления о мире, образующиеся в сознании человека в результате процесса концептуализации и категоризации действительности [13, с. 5]. Большой вклад в изучение соотношения между языковой и концептуальными картинами мира внесли З.Д. Попова (2007) и И.А. Стернин (2007), которые утверждали, что понятие когнитивной картины мира соответствует понятию концептосферы, т.е. совокупности представлений человека об окружающей среде, образующихся как в индивидуальном, так и в коллективном сознании [14, с. 5]. Кроме того, З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что концептуальная картина мира, также называемая «когнитивной картиной мира», является непосредственной, т.к. она состоит из представлений о действительности, воспринимаемых человеком посредством органов чувств и мыслительного процесса. Языковая же картина является опосредованной и включает в себя знания конкретного народа о мире, закрепленные в языковых знаках [14, с. 5]. Так, «когнитивная картина мира существует в виде концептосферы народа, языковая картина мира – в виде семантики языковых знаков, образующих семантическое пространство языка» [14, с. 5]. З.Д. Попова и И.А. Стернин также поддерживали идею, что когнитивная картина шире, чем языковая картина мира, потому что не вся концептосфера выражается языковыми средствами [14, с. 5].

Языковой картине мира противостоит научная картина мира. Общеизвестное большинством когнитологов положение о языковой картине мира – это признание ее наивности. Согласно этой позиции, в языке проявляется наивная картина мира, «которая складывается как ответ на практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа для адаптации к миру» [15, с. 149]. На самом деле ученые часто рассматривают языковую картину мира как «донаучную», поддерживая идею, что она складывается в сознании человека до научной картины мира [13, с. 7]. С этой точки зрения, научная картина мира создается на основе наивной посредством спецификаций, детализирования «основных языковых моделей, которые являлись источником наивной картины мира» [15, с. 150]. Согласно Н.Ф. Алефиренко, наоборот, в состав наивной картины мира входят знания, характеризующие также научную картину мира, но в их наивной форме. Следовательно, Н.Ф. Алефиренко полагал, что на основе разницы между наивной и научными картинами мира лежат их разные выражения мира [16, с. 12]. В основе наивной картины мира лежит бытовая классификация органического и неорганического мира через ассоциации между объектами по их внешнему сходству; научные классификации, наоборот, основываются на принципах науки [16, с. 12].

Крайне важной в исследовании языковой картины мира является позиция Е.В. Урысона (2003): языковая картина мира отличается не только от научной, но и от общей семантической системы языка. Е.В. Урысон считала, что последняя шире, чем языковая картина мира, которая является ее главным компонентом; она включает в себя наивные знания человека о мире, но не те знания, которые человек приобретает посредством языка [17, с. 9].

В свете вышеуказанного можно сказать, что несмотря на то, что они отличаются разными методами концептуализации мира и способами представления действительности [15, с. 150], нельзя отрицать

близость между научной и обыденной языковыми картинами мира, на которую с течением времени оказывали влияние следующие основные факторы: процесс мировой глобализации; распространение научных знаний, принципов и открытий посредством СМИ; развитие информационных и коммуникационных технологий [15, с. 150].

В исследовании языковой картины мира принято различать три главных фактора, которые оказывают влияние на ее специфичность: природа, познание, культура.

Как известно, слово «природа» указывает на все естественные условия на земле. Люди, говорящие на различных языках, называют по-разному все существующее в мире. Кроме того, человек создает ассоциации между предметами, устанавливает связь между ними исходя из их внешних или внутренних качеств, а также на основе представлений человека о них. Таким образом, он придает определенное значение словам, указывающим на компоненты мира. На этот процесс влияют естественные условия, в которых люди живут в разных частях света (первый фактор влияния). Взаимосвязь между природой и языком проявляется на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, фразеологическом, морфологическом, синтаксическом.

Второй фактор, влияющий на своеобразие языковой картины мира, – познание – это и процесс приобретения знаний, и сами знания. На него воздействуют чувства личности, ее разум и образ мыслей, внутренняя сила индивида. От этого могут зависеть отличительные черты способов освоения действительности [16, с. 13]. Создание чувственной интерпретации обусловлено не только органами чувств, но и человеческим воображением и памятью [18, с. 22]. Следовательно, в этом процессе участвует также мышление индивида. Согласно когнитологам, языковая система образуется исходя из образа мышления человека, а языковые единицы и значения являются результатом мыслительного процесса личности, который обусловлен культурными и историческими явлениями [19, с. 223]. А.Л. Никифоров полагал, что отношение между миром, человеком и языком можно свести к следующей формуле: элемент мира = внешнее воздействие + чувственная интерпретация + вербальная интерпретация [18, с. 23]. Иными словами, посредством языка человек присваивает смысл словам и, таким образом, образует предметный мир [18, с. 23]. В свою очередь само слово играет важную роль в человеческой интерпретации и осмыслении действительности.

Как отмечалось, менталитет тесно связан с определенной национальной культурой. Язык, будучи компонентом культуры определенной нации, является средством концептуализации и выражения образа жизни и мышления конкретного народа [19, с. 223]. На самом деле третий фактор, влияющий на своеобразие языковой картины мира, это – культура. Она возникает из материальной и духовной деятельности человека и фиксируется в языке [19, с. 223].

В свете этих наблюдений можно утверждать, что существует три основных подхода к интерпретации языковой картины мира, а именно взаимосвязи между языком, культурой и менталитетом индивида. Согласно первому подходу язык – это способ выражения реальности. Согласно второму подходу язык – это не просто средство для передачи информации о мире, а фактор, оказывающий влияние на культуру и мышление человека (на этой идее основывается гипотеза Сепира-Уорфа – человек воспринимает мир через призму своего родного языка). Следовательно, само мировоззрение индивида напрямую зависит от языка, на котором он говорит. Согласно третьему подходу язык – это и составная часть культуры, и средство ее передачи [15, с. 149].

Главная единица картины мира – концепт. В отечественной лингвистике термин «концепт» (калька с лат. *conceptio* – «система, совокупность, сумма», глагол – *concipere* – «содержать; представлять себе; формулировать») [20] появился в 80-х годах XX века [21, с. 35]. Концепты можно охарактеризовать как мысли, идеи, понятия, которые выражают основные черты и константы определенной реальности и возникают в сознании индивида, собирая вместе различные аспекты конкретного предмета или явления, необходимые в их совокупности для обеспечения понимания человеком. Одним из первых стал использовать термин «концепт» русский философ С.А. Аскольдов в статье «Концепт и слово» (1997), где утверждал, что «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода. Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий» [22, с. 268], поэтому можно говорить о вторичном существовании реальных предметов в уме человека. Концепт – это когнитивная единица, которая образуется в человеческом сознании, фиксируется в языке, имеет культурные признаки, соотносимые с носителем того или иного языка [23, с. 177].

Невозможно анализировать понятие «концепт» без учета его носителя – языковой личности. Понятие «языковая личность» впервые было введено советским и российским лингвистом и психологом Ю.Н. Карауловым в 1970–1980-е гг. В своей теории языковой личности он описывал личность как «выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную в своих чертах на базе языковых средств» [24, с. 38]. Ю.Н. Караулов полагал, что «языковая личность предстает как многоаспектный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеется в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой стороны – по уровням языка» [24, с. 29].

Концепты образуются на когнитивном уровне языковой личности и в языкознании рассматриваются в соотношении с терминами «понятие» и «значение» слова.

С лингвокультурологической точки зрения понятию соответствуют интеллектуальные, мыслительные процессы, характеризующие деятельность индивида; концепту – духовные аспекты повседневной жизни человека, чувства, ощущения, образы, символы [25, с. 129].

Не менее сложным является отношение между концептом и значением слова. По мнению Н.Н. Болдырева, отдельные слова, словосочетания, высказывания и целые тексты содержат в себе концептуальную информацию, то есть концепты [26, с. 176]. Значение, которое передает слово, выражает концепт, связанный со словом только частично. Иначе говоря, знания о мире частично хранятся в языковых единицах, а в сознании личности – целиком, в виде концептов [26, с. 178].

Образование концепта проходит следующие этапы: сопоставление в сознании индивида смыслового содержания с этимологией слова, то есть с его первоначальными значением и формой; образование внутренней формы слова и формирование смыслового центра, вместе с которым концепт приобретает и этнокультурную коннотацию; формирование смыслового значения как результат смысловой концентрации [27, с. 173]. Смысловое поле слова состоит также из переносных значений, на которые воздействует контекст употребления слова.

В современном языкознании основными подходами к исследованию концепта являются следующие: психолингвистический, лингвистический, логико-философский, когнитивный и лингвокультурологический. Согласно психолингвистическому подходу концепт – «спонтанно функционирующее в последовательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [28, с. 39]. Иными словами, образование концепта определяется органами чувств, познанием и душевным переживанием человека. Более того, концепт спонтанно проявляется во взаимодействии индивида с окружающей средой, а именно в процессах познания действительности и в коммуникативной деятельности. Представителем данного подхода является советский и российский лингвист и психолог Р.М. Фрумкина (2009). С лингвистической точки зрения концептом является «парадигматическая модель имени, включающая и логическую структуру его содержания, и сублогическую» [29, с. 314]. Сторонник данной позиции – польско-австралийский лингвист А. Вежицкая (1996). В логико-философском подходе концепт и понятие являются эквивалентными. Н.Д. Арутюнова (1993) и ее последователи охарактеризовали концепты как «понятия практической, обыденной философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [30, с. 3]. Поддерживали данный подход также Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв. С когнитивной точки зрения концепт – «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [31, с. 90]. Последователи данного подхода: Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, З.Д. Попова и И.А. Стернин. Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин и другие сторонники лингвокультурологического подхода фокусируют свое внимание на культурологическом аспекте концепта.

В научном знании о концептах также выделяют и критерии анализа, основными из которых являются следующие: место, которое занимает концепт в концептосфере; структура; индивидуальный или коллективный характер концепта; уровень абстрактности [32, с. 40–45].

Что касается структуры концепта, представить однозначное определение достаточно сложно. В целом можно сказать, что в ней содержится базовый уровень, являющийся чувственным образом, то есть результатом чувственного познания мира. К нему добавляются когнитивные признаки, возникающие при постижении предмета или явления мышлением.

Концепт, будучи основной единицей языковой картины мира, имеет культурно-специфические черты. Включая в себя знания, представления о мире, концепт отражает своеобразие культуры и миропонимания определенной лингвокультурной общности, то есть народа, имеющего общий язык и культуру. В зависимости от языка, культуры, социальной принадлежности люди осмысливают окружающую среду по-разному и организуют в своем сознании знания и представления о мире в виде концептов. Диада «Язык ↔ Культура» является объектом исследования лингвокультурологии, междисциплинарной науки, которая исследует язык в качестве средства осмысления, хранения и передачи культурного кода общества [33, с. 88].

В отличие от (лингво)когнитивного подхода, где концепт рассматривается как единица, формирующаяся в индивидуальном сознании и потом приобретающая коллективный характер, в лингвокультурологическом подходе концепт считается единицей, образующейся сначала в коллективном, а потом в индивидуальном сознании [34, с. 16]. В лингвокультурологии существует довольно однозначное толкование термина «концепт». С.Г. Воркачев и М.В. Пименова описывали его соответственно как «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченную

этнокультурной спецификой» [35, с.72] и единицу, отражающую «категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [36, с. 85]. Для указания на базовую единицу культуры в лингвокультурологической области со словом «концепт» часто используется имя прилагательное «лингвокультурный» [37, с. 129]. Лингвокультурный концепт, будучи единицей ментальности (как особого способа осмысления, понимания, ощущения, суждения о действительности индивидом, социальной группой или народом) / менталитета (как совокупности когнитивных, эмотивных, поведенческих стереотипов страны) является основным способом для выражения культурных черт / свойств определенной нации, определенного этноса [34, с. 16].

Исходя из анализа научной литературы, основные свойства лингвокультурного концепта можно систематизировать следующим образом:

– ментальная природа, в результате чего «сознание – это область пребывания концепта, культура – ментальная проекция элементов культуры, язык / речь – сфера, в которой опредмечивается концепт» [33, с. 91];

– комплексность бытования: лингвокультурный концепт является совокупностью признаков, относящихся к языку, культуре и сознанию [38, с. 111];

– условность и нечеткость структуры: ядро концепта – самые актуальные (ценностно акцентированные) ассоциации, а периферия концепта – менее значимые ассоциации; именем концепта является языковой знак, выражающий центральную точку концепта, то есть ценностно акцентирующую точку сознания [38, с. 113];

– полиапеллируемость: концепт существует в сознании личности в виде многочисленных значений, которые могут найти языковое выражение в лексических, фразеологических, паремиологических единицах, текстах, этикетных формулах, речеповеденческих единицах [38, с. 113];

– преобладание ценностного компонента, так как культура основывается на ценностном принципе; феномен является концептом в определенной культуре в том случае, если можно его описать, используя оценочные атрибуты, например, «хороший, плохой, интересный» и т.д. [33, с. 91];

– изменчивость: сама среда, окружающая языковой коллектив и являющаяся объектом концептуализации, меняется, трансформируется с течением времени (стоит уточнить, что под эволюцией концепта подразумевается не только увеличение его объема, связанных с ним ассоциаций, но и потеря старых ассоциаций, которые его охарактеризовали); данный процесс зависит, с одной стороны, от лимитированного характера человеческой памяти, а с другой – от изменений, которым подвергается концептуализируемая действительность [38, с. 114];

– коллективный характер, т.к. лингвокультурный концепт образуется сначала в коллективном, а потом в индивидуальном сознании;

– этнокультурная маркированность: в состав структуры лингвокультурного концепта входят признаки соответствующей культуры;

– гетерогенность, заключающаяся в присутствии в лингвокультурном концепте разных компонентов (универсального, культурного, субкультурного);

– многопризнаковость: поскольку лингвокультурный концепт состоит из разных компонентов, каждый из них неизбежно имеет свои собственные признаки;

– внутренняя расчлененность как результат многообразия семантики объясняется тем, что концепт содержит в себе многочисленные смыслы, взаимодействующие друг с другом и проявляющиеся в различных языковых формах;

– «переживаемость»: концепт является единицей не только мыслительного кода, но и эмоционального;

– семиотическая (номинативная) плотность, под которой подразумеваются многочисленные способы выражения концепта: синонимические выражения; тематический ряд (тематическая группа) слов; фольклор; речевые идиомы и т. д.;

– ориентированность на план выражения: имя концепта включено в парадигматические и синтагматические отношения, образующиеся в лексической системе языка [34, с. 16];

– исторический детерминизм: социальная значимость концепта тесно связана с культурно-исторической эпохой, в которую включен концепт.

Что касается классификации лингвокультурных концептов, она может быть сделана по следующим основным критериям:

– широта представленности в культурно значимых текстах;

– уровень абстрактности: различаются концепты-универсалии духовной культуры и концепты-символы, указывающие на окультуренные реалии;

– универсальность или этноспецифичность: концепты могут являться «концептами-универсалиями», характеризующими любую лингвокультуру, или «концептами-уникалиями» (также называемыми «идиоэтническими»), типичными только для определенного этноса;

– принадлежность к индивидуальному или коллективному сознанию [34, с. 17].

Согласно Е.А. Дженковой, исследование лингвокультурного концепта может проводиться на следующих фазах: анализ словарных дефиниций; анализ синонимов и симиляров ключевого слова, указывающего на концепт; исследование ценностно маркированных высказываний, например, пословиц, поговорок, афоризмов; исследование индивидуально-авторских расширений смыслового содержания концепта на основе этимологии имен, номинирующих концепты, а также метафорических переносов, данных ассоциативных экспериментов [39, с. 5, 6]. Важность лингвокультурного исследования заключается в том, что оно позволяет выявить уровень влияния языка на восприятие мира определенным этносом, а также совокупность ценностей, на которых основывается жизнь определенного народа, его основные мнения о значении в их жизни вещей и явлений, его наиболее важные традиции [40, с. 1531].

Как отмечалось ранее, концепт, будучи когнитивной единицей, тесно связан с его создателем или, по крайней мере, с тем, кто его озвучивает в речи, кого можно назвать «носителем». Человек познает окружающую среду и выражает языковыми средствами свою интерпретацию действительности [41, с. 75]. Следовательно, носители определенного языка при помощи языковых средств создают собственную языковую картину мира, являясь «посредниками» между действительностью и языковыми средствами, выражающими ее [41, с. 75]. Так возникает необходимость прагматики выявить «субъективность» языка, под которой понимаются те аспекты употребления языка, которые тесно связаны с субъектом речи.

Стоит отметить, что термин «прагматика» (от греч. *πράγμα* – «дело, действие») был впервые использован в конце 1930-х гг. Ч.У. Моррисом, американским философом, одним из основателей семиотики. В своей книге «Основания теории знаков» (1982) Ч.У. Моррис представил свою теорию знаков, согласно которой в семиотике можно выделить три раздела: семантику, синтактику и прагматику, – изучающие соответственно отношения знаков к объектам, отношения между знаками и отношения между знаками и участниками коммуникативного акта [42, с. 5]. Советский и белорусский лингвист Б.Ю. Норман использовал термин «лингвопрагматика» (лингвистическая прагматика) и считал, что ее главной целью является исследование языковых знаков в их употреблении в конкретных коммуникативных контекстах [42, с. 8].

В общении субъективность говорящего проявляется в его лингвистических выборах. Субъективность высказывания тесно связана с эпохой, в которой живет говорящий. Это объясняется тем, что каждая эпоха характеризуется определенными нормами – поведенческими и лингвистическими. Стоит подчеркнуть, что нормы приобретают данный статус в результате лингвистических и экстралингвистических влияний.

Субъективность, проявляющаяся в речи и изучаемая прагматикой, неизбежно является тесно связанной и с лингвокультурой, в которую говорящий вовлечен. Действительно, культурный коллектив (КК), которому говорящий принадлежит, является дополнительным фактором, оказывающим влияние на (языковое) поведение пользователя языка [41, с. 76]. Под языковым поведением имеются в виду языковые нормы, которым члены определенного коллектива вынуждены следовать [41, с. 76]. Так Г.Б. Бендетович кратко изложил взаимоотношение между человеком, языком, культурой и прагматикой в следующей формуле: «ЯЗЫК: КК = ПРАГМАТИКА» [41, с. 77].

Кроме временного фактора и лингвокультуры, крайне важно учитывать и другой компонент, из которого состоит субъективность высказывания – индивидуальный опыт участников в речи. «Индивидуальный опыт говорящего субъекта – члена КК создают поля языковой памяти, которые включаются в ассоциативную работу при общении в определенной коммуникативной ситуации» [41, с. 78].

Прагматика акцентирует свое внимание на актуализации концептов в языковой системе. Концепт со своими общепринятыми и более субъективными признаками актуализируется в момент, когда он находит свое выражение в человеческом сознании, в языке и в культуре, связанной с ним. Можно выделить три основных подхода к актуализации (от лат. *actualis* – деятельный, действенный; «Реализация в речи потенциальных возможностей, языковых единиц, их приспособление к речевой ситуации» [43]) концептов: системно-языковой, ассоциативно-вербальный и культурно-семиотический [44, с. 70].

Системно-языковой подход предусматривает исследование семантического уровня концепта, то есть его смыслового поля. Объектом анализа являются ценностная составляющая и ее внутренняя структура, характерные черты семантического поля языковой системы в целом или определенного языкового знака. Иными словами, исследуются средства языкового выражения смыслового компонента. Целью данного подхода является идентификация / рассматривание способов полного представления определенных составляющих культурной и ценностной картин мира [44, с. 70].

При ассоциативно-вербальном подходе актуализация концепта является результатом возникновение, образования ассоциаций (ассоциативных отношений) в человеческом сознании [44, с. 71]. В процессе формирования данных ассоциаций участвуют следующие элементы: индивидуальный опыт адресанта и адресата коммуникативного акта; культура, определяющая их способ мышления и действия; ситуация, контекст, в котором проводится общение. Стоит отметить, что актуализация концепта через ассоциации состоит из четырех стадий: осмысления, то есть познавательного процесса, через который проходит постижение концепта человеческим сознанием; образования смыслового центра концепта, который во многих случаях имеет тесное отношение с этимологией концепта; формирования символического значения слова, указывающего на концепт (слова-номинанта); осмысления более глубокого составляющего семантики (значение) слова-номинанта [44, с. 71].

Таким образом, можно утверждать, что методы прагматики позволяют получить информацию о высказывании, которую невозможно найти ни в словарях, ни в энциклопедиях, но которую необходимо раскрыть, принимая во внимание участников коммуникативного акта и ситуацию общения. Действительно, прагматический компонент высказывания часто является важнее, чем его семантическая составляющая. Это зависит от коннотации, которую говорящий дает речевому акту и его собеседнику. Эмоциональный и психический статус говорящего, его интенции и влияние контекста могут превалировать над более объективными компонентами общения [42, с. 10].

Заключение. Как следует из анализа, совокупность знаний и представлений о мире хранятся в сознании человека в виде ментальных категорий в результате процессов осмысления, интерпретации и категоризации действительности. Данные когнитивные процессы приводят к созданию картин мира. Из когнитивных единиц, составляющих картину мира, концепт является основной. Хотя ученые изучали, описывали и классифицировали по-разному понятия «картина мира» и «концепт», проведенное исследование показывает, что концепт является отображением реальности, образующимся на когнитивном уровне личности под влиянием важных факторов, таких как менталитет, познание, культура и язык индивида. Поскольку каждый индивид вовлечен в определенный социальный и культурный контекст, оказывающий влияние на интерпретацию и категоризацию действительности, возникает необходимость особенно скрупулезно рассматривать лингвокультурологический подход к исследованию концепта, т.к. данный подход позволяет раскрыть индивидуальные и коллективные черты концепта, тесно связанные с культурой и системой ценностей соответственно. Так как концепт не существует только в сознании индивида, но имеет также языковое выражение, то крайне важно анализировать номинант концепта в конкретных коммуникативных актах. Данное исследование не может проводиться без учета говорящего, а именно человека, выражающего концепт при использовании определенных языковых инструментов. Это объясняет необходимость принимать во внимание и субъективные аспекты концепта, проявляющиеся в речи и изучаемые прагматикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс] / Е.С. Кубрякова // Большая российская энциклопедия. – 2005–2019. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/linguistics/text/2077244>. – Дата доступа : 28.04.2020.
2. Забросаева, И.А. Особенности когнитивной лингвистики / И.А. Забросаева // Приволж. науч. вестн. – 2014. – № 12. – С. 98–102.
3. Кадачиева, Х.М. Концептосфера как способ структурирования когнитивного пространства / Х.М. Кадачиева, Д.С. Алиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6. – С. 64–66.
4. Обухова, О.Н. Подходы к исследованию картины мира / О.Н. Обухова, В.Н. Оношко, Ю.В. Березина // Вестн. Вятс. гос. ун-та. – 2017. – № 10. – С. 96–104.
5. Ваганова, Е.Г. Эволюция представлений о языковой картине мира / Е.Г. Ваганова // Вестн. НГУЭУ. – 2012. – № 3. – С. 295–306.
6. Мировоззрение [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Института философии РАН ; Институт Философии Российской Академии наук. – 2018. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH010896462d320b6dff553108.jsessionid=A0199FBEB7D901A5AD87F54FEC585DF>. – Дата доступа: 28.04.2020.
7. Шурыгина, Е.Н. Понятие «картина мира» в лингвокультурологическом освоении / Е.Н. Шурыгина // Ярослав. пед. вестн. – 2014. – № 3. – С. 184–187.
8. Гончарова, Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н. Гончарова // Изв. Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.
9. Врожденные идеи [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». – 1997–2020. – Режим доступа : <https://www.krugosvet.ru/enc/filosofiya/vrozhdennye-idei>. – Дата доступа: 28.04.2020.
10. Лыткина, О.И. Типы картин мира в репрезентации концепта / О.И. Лыткина // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 4. – С. 64–67.
11. Маслихин, А.В. Философская картина мира / А.В. Маслихин // Вестн. Марийс. гос. ун-та. – 2007. – № 1. – С. 33–37.
12. Любимова, Н.А. Картина мира: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих / Н.А. Любимова, Е.В. Бузальская // Мир русского слова. – 2011. – № 4. – С. 13–20.
13. Яковлев, А.А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет / А.А. Яковлев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2017. – № 2. – С. 5–20.
14. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
15. Солоняк, Т.Ю. Языковая картина мира в культурном аспекте / Т.Ю. Солоняк, С.А. Песина // Фундам. и прикл. исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 12. – С. 149–153.
16. Алефиренко, Н.Ф. Научное и обыденное в языковой картине мира / Н.Ф. Алефиренко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 24. – С. 11–14.
17. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогии в семантике / Е.В. Урысон. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
18. Никифоров, А.Л. Язык и картина мира / А.Л. Никифоров // Epistemology and Philosophy of Science. – 2015. – № 4. – С. 19–27.
19. Катермина, В.В. Человеческий фактор в языке / В.В. Катермина // Человек, культура, образование. Науч.-образоват. и метод. журн. – 2015. – № 2. – С. 222–232.

20. Концепт [Электронный ресурс] // Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. – 1998. – Режим доступа : <https://rus-foreign-wordsdict.slovaronline.com/18872%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A6%D0%95%D0%9F%D0%A2> – Дата доступа : 23.05.2020.
21. Синовьева, Е.И. Понятие концепт в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования / Е.И. Синовьева // Вестн. С.-Петербург. ун-та. – 2003. – № 10. – С. 35–44.
22. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
23. Базарова, Л.В. Понятие концепт в когнитивной лингвистике / Л.В. Базарова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 4. – С. 176–178.
24. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
25. Попова, Л.В. Соотношение понятий «концепт», «понятие», «значение» в русле коммуникативно-когнитивной парадигмы / Л.В. Попова // Омский науч. вестн. – 2013. – №4 (121) – С. 127–131.
26. Болдырев, Н.Н. Когнитивная лингвистика / Н.Н. Болдырев. – М. – Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 251 с.
27. Ткачук, А.Н. Когнитивные аспекты вербализации лингвокультурологического концепта / А.Н. Ткачук // Вестн. Сиб. гос. ун-та. им. академика М.Ф. Решетнева. – 2007. – №2 (15). – С. 172–177.
28. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 36–45.
29. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М. : Изд-во МГУ. – 1997. – 320 с.
30. Логический анализ языка: Ментальные действия / под ред. Н.Д. Арутюновой и Н.К. Рязанцевой. – М. : Наука, 1993. – 176 с.
31. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – С. 90–93.
32. Огдонова, Ц.Ц. Проблема типологии концептов в современной лингвистике / Ц.Ц. Огдонова // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2011. – № 10. – С. 40–47.
33. Смирнова, Г.В. Понятие концепта в лингвокультурологии / Г.В. Смирнова // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – 2010. – № 603. – С. 87–93.
34. Бастриков, А.В. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета / А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 15–19.
35. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–72.
36. Пименова, М.В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта надежда) / М.В. Пименова // Ученые зап. ЗабГГПУ. Сер. Филология, история, востоковедение. – 2011. – № 2. – С. 85–93.
37. Карасик, В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению / В.И. Карасик // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. тр. Сер. Теория и история языкознания. – М. : ИНИОН РАН, 2008. – С. 127–155.
38. Кононова, И.В. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / И.В. Кононова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. эконом. ун-та, 2015. – 123 с.
39. Дженкова, Е.А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е.А. Дженкова. – Волгоград, 2005. – 237 с.
40. Самситова, Л.Х. Сущность и специфика культурных концептов в языковой картине мира / Л.Х. Самситова // Вестн. Башк. ун-та. – 2012. – №3 (I). – С. 1529–1532.
41. Бендетович, Г.Б. Прагматика сквозь призму лингвокультурологических концептов / Г.Б. Бендетович // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2008. – № 4 (58). – С. 75–79.
42. Норман, Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций / Б.Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с.
43. Актуализация // Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/94/%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F. – Дата доступа: 20.09.2020.
44. Видинеева, Н.Ю. О способах актуализации концептов / Н.Ю. Видинеева, И.О. Скворцова // Символ науки. – 2016. – № 10–3 (22). – С. 69–72.

Поступила 29.10.2020

THEORITICAL ISSUES OF COGNITIVE LINGUISTICS ANALYSIS AND WORLD CONCEPTUALIZATION

R. CAMPADELLI

The article focuses on the notions of “picture of the world”, as a way of representing non-linguistic reality, and “concept”, as a result of the process of conceptualising the world. Special attention is paid to the type of pictures of the world and to the fundamental approaches to their interpretation, as well as to the disclosure of the relationship between language, culture and the individual's mentality. The main approaches to the study of the concept are here described: psycholinguistic, linguistic, logical-philosophical, linguoculturological and cognitive. Particular attention is paid to the linguoculturological approach and to the analysis of linguocultural concepts as cognitive units which originate on the mental level of the linguistic identity and have specific language expression. The relationship between pragmatics and the concept, which consists in the relationship of the concept with the context of its use and the language users, is examined.

Keywords: *conceptualization, concept, language picture of the world, linguistic identity, cultural linguistics, pragmatics.*

УДК 81'13+351.865+351.858

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ,
ОБУСЛАВЛИВАЮЩИХ ПРОЦЕСС МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹**

канд. филол. наук Т.В. СОЛОДОВНИКОВА
(Белорусский государственный университет, Минск)
tatianasolodovnikova2015@gmail.com

В статье рассматриваются особенности действия факторов, оказывающих влияние на характер межкультурного взаимодействия как процесса, а также на его результаты. Принимаются во внимание различия между категориями «межкультурное взаимодействие» и «межкультурная коммуникация», положенные в основу подхода к пониманию межкультурного взаимодействия как сложно организованной системы. Соотношение данных категорий определяет дальнейшее направление исследования. Взаимодействие культур рассматривается на этническом, национальном и цивилизационном уровнях. Автором приводятся также некоторые из существующих типологий, описывающие модели межкультурного взаимодействия и учитывающие особенности действия факторов, которые обуславливают такое взаимодействие. Присутствие в рассмотренных типологиях отрицательных моделей позволяет обратиться к феномену регуляции как к механизму, наличие которого делает межкультурное взаимодействие возможным, несмотря на неизбежные столкновения в межкультурных отношениях.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, информационное взаимодействие, диалог культур, межкультурные стереотипы, культурная идентичность, этническая самоидентификация, региональная идентичность, типология, регуляция.*

Введение. Ранее нами были рассмотрены современные зарубежные и отечественные подходы к проблематике обусловленности межкультурного информационного взаимодействия в контексте национальной безопасности, а также установлено, что, вне зависимости от концепции, доминирующим фактором, обуславливающим межкультурное информационное взаимодействие, является культурный, где культура трактуется в цивилизационно-институциональном аспекте; остальные факторы являются производными от культурного.

В этой связи, с целью описания особенностей действия факторов, обуславливающих процесс межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности, уместно вспомнить так называемое платиновое правило нравственности М. Беннета, американского социолога, одним из первых предложившим авторскую модель межкультурной чувствительности: «Поступай с другими так, как они поступили бы сами с тобой» [1]. Эта максима является адаптацией золотого правила нравственности, постулата большинства религиозных традиций «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой». Комментируя это высказывание, К. Поппер, один из самых влиятельных философов науки XX в., отметил, что «золотое правило – это хорошо, но ещё лучше поступать с другими, когда это возможно, так, как *они* бы хотели, чтобы с ними поступали» [2]. Именно платиновое правило аккумулирует в себе особенности действия факторов межкультурного взаимодействия, акцентирует различия чувствительности и структур сознания, присущих носителям различных культурных практик, открывая тем самым перспективу межкультурного взаимодействия. Суть данного правила сводится к тому, что при взаимодействии с носителями чужой культуры необходимо поступать в соответствии с общепринятой в этой культуре системой норм и ценностей.

С тем чтобы описать особенности протекания межкультурного взаимодействия, представляется необходимым семантически развести два созвучных понятия, которые зачастую функционируют как синонимы. К числу таких основных понятий относятся «межкультурное взаимодействие» и «межкультурная коммуникация».

Основная часть. Вопросами межкультурного взаимодействия занимались такие исследователи, как М.М. Бахтин, М.С. Каган, В.С. Библер и др. Они рассматривали межкультурное взаимодействие как «систему взаимного обмена идеями, представлениями, концепциями, которая позволяет раскрыть уникальность культуры другого народа и заставляет осознать особенности собственной культуры» [3, с. 15]. При межкультурном взаимодействии предполагается появление разнонаправленного межэтнического диалога, широкого социокультурного феномена, возникающего при контакте народов и стран и содействующего формированию межкультурных связей. При взаимодействии культур наблюдается модель «получил –

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ (№ Г19М-003 от 02.05.2019).

отдал», что подразумевает то, что культура, чтобы быть принятой в мире, не должна быть закрытой и сфокусированной лишь на «вбирании» в себя ценностей и образцов других культур. Межкультурное взаимодействие дает объяснение стремлению разных непохожих друг на друга культур к взаимопроникновению. Немаловажной чертой межкультурного взаимодействия является направленность взаимодействия на соединение разных компонентов культур в нечто общее, целостное, в связи с чем исследователи межкультурного взаимодействия стали обозначать подобный вектор «синтезом культур». Синтез культур – «взаимодействие и соединение разнородных элементов, при котором возникает новое культурное явление, течение, стиль или модель социокультурного устройства, отличающееся от составляющих его компонентов и имеющее собственное качественно определенное содержание и форму» [4, с. 883].

Отметим, что термин «межкультурная коммуникация» был введен в научный оборот в работе Э. Холла и Г. Трейгера [5]. Дальнейшим изучением межкультурной коммуникации занимались также К. Гирц, В.Б. Гудкунст, Г. Триандис, А.П. Садохин и др. Д.Б. Гудков, Л.В. Куликова, И.А. Стернин, О.А. Леонтович и другие отечественные ученые в своих работах выделили основные проблемы, которые возникают при коммуникации культур, тем самым положив начало распространению исследованию межкультурной коммуникации в русскоязычной лингвистической практике. Под данным термином понимается как непосредственно взаимосвязанный процесс межсубъектного взаимодействия, так и инструментарий, позволяющий обмениваться информацией и опытом. Сейчас исследователи стараются придать межкультурной коммуникации прикладной характер и ориентируют ее методические задачи на развитие практических навыков коммуникации, что ведет к неоднородности данной неокончательно сформированной как наука дисциплине.

Существует большое количество альтернативных вариантов этих понятий, однако стоит отметить два подхода, которые кардинально отличаются друг от друга. Первый подход предполагает, что два эти понятия синонимичны и неразделимы, то есть связь представителей различных этносов представляет собой «межкультурное взаимодействие» или «межкультурную коммуникацию». Второй подход, разграничивая эти феномены, создает более сложную структуру. Рассмотрим подробнее каждый из представленных подходов.

В рамках первой концепции приверженцы данного подхода, среди которых А.П. Садохин, С.К. Бондырев, П.М. Козырев и др., определяют понятие «межкультурная коммуникация» как «средство связи любых объектов материальной и духовной культуры; как форма общения, с помощью которой люди обмениваются разнообразной информацией; как способ передачи информации с целью воздействия на общество и составные его части» [1, с. 67] и, таким образом, связывают межкультурную коммуникацию с «идеей идентичности». Подобное толкование приводит к заключению, что «в современном мире любой народ открыт для восприятия чужого культурного опыта и одновременно сам готов делиться с другими народами продуктами собственной культуры. Это обращение к культурам других народов получило название взаимодействие культур или межкультурная коммуникация» [6, с. 196].

В гносеологических рамках второго подхода (А.А. Белик, Н.М. Лебедева, З.В. Сикевич, Т.Г. Стефаненко и др.) вопросы взаимодействия и сближения разных культур исследуется с опорой на ценностный характер культурных различий. Так, например, Б.И. Кононенко, определяет межкультурное взаимодействие как «особый вид непосредственных отношений и связей, которые складываются между, по меньшей мере, двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений» [7, с. 328]. В таком контексте необходимой составляющей межкультурного взаимодействия является изменение ценностей, морали, идеалов, языка, а условием межкультурного взаимодействия является время, поскольку результат изменений, вызванных процессом взаимодействия культур, появляется лишь через несколько десятилетий. В данных условиях межкультурная коммуникация рассматривается лишь в качестве связи культур во время межкультурного взаимодействия, то есть как ее часть, а сама категория межкультурного взаимодействия оказывается гораздо объемнее категории межкультурной коммуникации. Таким образом, межкультурное взаимодействие рассматривается как сложно организованная система, в которой выделяются обязательные компоненты, среди которых межэтническая коммуникация, компетенция и контакты.

Приведем пример. Взаимообмен информацией, технологиями, товарами производства рассматривается в качестве вида межкультурной коммуникации, а не взаимодействия, так как в подобных случаях не наблюдается изменения ценностных доминант носителей одной из культур. Особенностью протекания межкультурного взаимодействия является появление и распространение межкультурных стереотипов, учет или игнорирование которых может привести как к позитивному выстраиванию межкультурного диалога, так и к столкновению самых различных групповых интересов (этнических, религиозных, экономических, политических и др.). Коллективная деятельность людей и овладение социальными нормами другой культуры являются основными компонентами процесса адаптации к чужой среде. Однако особенность этнического и национального сознания людей нередко выступает барьером межкультурного взаимодействия [8, с. 112].

Разделяя позицию сторонников второго подхода к определению «межкультурного взаимодействия», отметим, что межкультурное взаимодействие представляется сложной системой отношений и связей. А поскольку доминирующим фактором, обуславливающим межкультурное информационное взаимодействие, является культурный, где культура трактуется в цивилизационно-институциональном аспекте, целесообразно рассмотреть взаимодействие культур на трех уровнях: этническом, национальном и цивилизационном.

На этническом уровне осуществляется взаимодействие представителей разных этнических общностей на бытовом уровне. Взаимодействие на данном уровне обладает двойственным характером, то есть осуществляется обоюдное усвоение особенностей культуры партнера, что содействует ассимиляции, обмену культурными ценностями и идеалами; при этом, однако, наблюдается укрепление собственного этнического самосознания и желание сохранить этнические особенности своей культуры. Данное стремление часто выступает основной причиной конфликтов между представителями разных этносов. Осуществление взаимодействия на этом уровне проходит в основном с помощью интеграции и дифференциации. При интеграции активизируется межэтническое взаимодействие, что приводит к освоению и взаимному проникновению доминантных культурных характеристик. В процессе же этнической самоидентификации происходит укрепление народного самосознания, которое инициирует защитное устройство, предотвращающее интенсивное воздействие чужой культуры. Такими защитными механизмами можно назвать умение накапливать и транслировать опыт и традиции предыдущих поколений, формировать понятие национальной идентичности на уровне общества и отдельно взятой личности. Формирование национальной идентичности тесно связано не только с определением личности как представителя определенной культуры, но и с сопоставлением неких идеальных образов, отражающих представления о том или ином этносе. Подобные собирательные образы фиксируются в форме этнокультурных стереотипов, которые четко отображают разделение на «своих» и «чужих». Из этого следует, что основной функцией стереотипа, возникающего на этническом уровне, можно считать процесс этнодифференциации.

Национальный уровень взаимодействия свойственен в первую очередь межгосударственным контактам. На данном уровне взаимодействие выражается в экономических, политических и духовных контактах стран. Характер взаимодействия на этом уровне может быть не только положительным, как при торговых процессах, но и деструктивным, как, например, при военных конфликтах. В последнем случае культуры неприятельских стран отвергаются. На данном уровне взаимодействия формируется «региональная идентичность личности». Емкое, по нашему мнению, определение региональной идентичности находим у Г.С. Корепанова: «региональная идентичность – это переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности «своей» локальной общности, формирующие практическое чувство (сознание) территориальной принадлежности индивида и группы. Региональная идентичность есть идеальная представленность социального отождествления «Я – член территориальной общности»» [9, с. 278]. Посредством апроприации региональной идентичности постепенно образуется некий ментальный конструкт, наполненный уникальными для данной культурной общности характеристиками и качествами.

Последний – цивилизационный – уровень охватывает взаимодействие между цивилизациями. Цивилизация, по мнению С. Хантингтона, – «наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентичности, отличающей человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей»^[10]. Цивилизация, таким образом, может содержать одну или более политических институций, представляющих собой города-государства, империи, федерации, конфедерации, национальные или же многонациональные государства с различными формами правления. По мере того как цивилизация эволюционирует, количество и онтологическая сущность составляющих ее институций обычно меняются. Как указывает С. Хантингтон, в некоторых случаях цивилизация и политическая целостность могут совпадать, в то время как в современную эпоху большинство цивилизаций включают в себя по два или более государств [10].

Семантика рассмотренных нами понятий не позволяет отождествлять «межкультурную коммуникацию» и «межкультурное взаимодействие», поскольку межкультурное взаимодействие представляет собой более широкую категорию, частью которой является межкультурная коммуникация. Особенности действия факторов, обуславливающих межкультурное взаимодействие, описываются посредством типологий. Рассмотрим некоторые из них.

Одна из распространенных типологий основана на прямом сравнении межкультурных и биологических взаимодействий между представителями различных этносов. В этом случае главный критерий – результат взаимодействия культурных систем. В соответствии с данной типологией различают следующие типы межкультурных взаимодействий:

- 1) «плюс на плюс»: результат взаимодействия – обоюдное воздействие культур на развитие;
- 2) «плюс на минус»: результат взаимодействия – поглощение одной культуры другой;
- 3) «минус на плюс»: результат и модель взаимодействия аналогичны варианту «плюс на минус», однако стороны меняются местами;
- 4) «минус на минус»: результат взаимодействия – каждая из культур пытается нейтрализовать другую [11, с. 132].

Однако у этой типологии есть несколько существенных недостатков. Во-первых, диапазон межкультурного взаимодействия сводится исключительно к трем вариантам вследствие того, что виды «плюс на минус» и «минус на плюс» тождественны, в то время как в действительности диапазон намного шире и разнообразнее. Во-вторых, представленная типология не описывает условия, которые обуславливают выбор

вида связи культур. Кроме того, она не дает полного описания сути межкультурного взаимодействия. Эти недочеты делают данную типологию излишне теоретической и оторванной от действительности.

Наиболее полной в теоретическом плане можно считать типологию В.П. Бранского. Ученый выделил четыре основополагающих правила воздействия носителей разных культур друг на друга:

1) фундаментализм, или непримиримость. Данный принцип основывается на желании носителя одной культуры одержать победу над носителем другой культуры: «никаких уступок противнику – борьба до победного конца!». В данном случае победа подразумевает под собой не только физическое, но и духовное поражение оппонента. Духовное поражение обозначает отречение побежденным от собственных идеалов и заимствование идеалов победителя;

2) компромисс. Принцип подразумевает выявление уступок, а также согласие пожертвовать своими культурными идеалами;

3) арбитраж, или нейтрализация. Данный принцип означает обоюдную нейтрализацию идеалов и передачу права выбора в руки третьей стороны;

4) конвергенция, или синтез. При данном принципе на базе синтеза противостоящих друг другу идеалов создается новый идеал [12, с. 160].

Широко известной типологией улучшения взаимодействия культур, которые соответствуют разным методам преодоления такого явления как «культурный шок», является типология антрополога Ф. Бока:

1) геттоизация: происходит обособление от любой возможной связи с иной культурой посредством формирования и сохранения своего собственного закрытого культурного пространства;

2) ассимиляция: наблюдается отречение от собственной культуры, а также готовность полностью перенять черты сторонней культуры;

3) обмен культурными ценностями и взаимодействие: данная модель предполагает сближение двух или более независимых культур;

4) частичная ассимиляция: предполагает наличие уступок в той или иной области с сохранением традиционной культуры в остальных сферах жизни;

5) колонизация: происходит интенсивное насаждение одной культурой своих ценностей, шаблонов действий, поведения и т.д. [13, с. 18].

Представленная типология, в сравнении с ранее описанными типологиями, отличается детальностью, а также академичностью. Кроме того, в типологии Ф. Бока представлено декодирование форм взаимодействия между культурами. Тем не менее, как и типологии В.П. Бранского и И.Д. Колесина, данная типология имеет ряд недостатков: например, больше внимания уделяется социальному содержанию взаимодействия. Кроме того, все пять моделей межкультурного взаимодействия основаны на описательных критериях, что приводит к смещению акцентов.

Иную, усложненную, типологизацию предложила Н.К. Иконникова. Данная типология базируется на линейном сценарии формирования обоюдного понимания и принятия культур-контрагентов. Сценарий выглядит следующим образом:

- 1) пренебрежение различиями между культурами;
- 2) отстаивание своего культурного первенства;
- 3) признание несхожести культур;
- 4) уменьшение разницы между данными культурами;
- 5) привыкание к другой культуре;
- 6) слияние или сближение культур [14, с. 27–30].

Сильной чертой анализа взаимодействия культур Н.К. Иконниковой является выявление социально-психологического значения межкультурного взаимодействия. Следующая положительная черта состоит в двухуровневом ступенчатом разделении установок взаимной перцепции. Условно все установки можно разделить на «культуроцентрические» и «культуррелятивные». Недостаток заключается в упрощении социальных и культурных обстоятельств воздействия культур друг на друга.

И.С. Следзевский, в свою очередь, выделил следующие оптимальные виды межкультурного взаимодействия:

1) интеграция, которая представлена следующими типами: конвергенция – постепенное слияние культур в одну совершенно новую культуру; инкорпорация – добавление одной культуры к иной культурной системе как второстепенной; ассимиляция – изучение культуры иной культурой;

2) взаимоизоляция – вид взаимодействия культур, предполагающий наличие разного рода барьеров в области диалога между культурами;

3) перманентный конфликт – вид взаимодействия, при котором одна культура старается избавиться от толкований социальной действительности другой культуры как противоположных истине, ценностям и т.п.;

4) взаимодополнение – сосуществование культур, при котором за системой каждой из культур закрепляется свое место. Этот вид взаимодействия подразумевает обособление определенных сфер, ориентирующихся на ту или иную культуру;

5) параллелизм в развитии – вид взаимодействия, подразумевающий изначальный дефицит или полное отсутствие общих черт в культурах. Подобные культуры формируются самостоятельно. Однако назвать данный вариант взаимодействием сложно вследствие разобщенности культур;

6) активный обмен или диалог – система отношений и связей двух или более культур, а также их изменений, возникших в результате данных связей. Предметом диалога выступают совместимость базисных ориентаций взаимодействующих культур, а также уровень диалогичности их ценностных систем. Чем выше степень данных показателей, тем успешнее будет межкультурный обмен [15].

Разнообразие форм взаимодействия между разными культурами не ограничивается только рассматриваемыми типами, но можно утверждать, что каждая из них имеет негативную модель. Объясняется это присутствием скрытых и открытых столкновений в межкультурном взаимодействии. Таким образом, одной из важных составляющих процесса взаимодействия считается регуляция межкультурных отношений. Регуляцией называют «вид социальной регуляции, задающий особый ракурс обозревания определенного явления» [16, с. 613].

А.П. Бандурин предполагал, что регуляция «систематизирует процессы воспроизводства и трансформации общества базирясь на социокультурной самоорганизации и неинституциональной саморегуляции отдельных личностей, социальных групп и общностей в тесной связи с институциональной организацией и внешне-регулятивной деятельностью высшего класса в отношении народа» [17, с. 53]. В этих условиях резко увеличивается объем обмена информацией, устраняются препятствия для межкультурного общения, стандартизируется образ жизни и т.д. При этом здесь важно понимать, что межкультурная интеграция в основном сосредоточена на результате, а не на взаимопонимании. Кроме того, многие языковые и культурные проблемы остаются нерешенными. Различия между культурами в языках, религиозных взглядах, укладах жизни, предрасположенности к труду и т.п. затрудняют взаимодействие или вовсе делают его недостижимым. В этом случае формирование регуляции взаимодействия культур возможно только при осознании многомерности и целостности народов, и использовании цивилизованных методов разрешения конфликтных ситуаций. Рассматривая регуляцию с этой стороны, под этим феноменом можно понимать «механизм разрешения противоречий; средство обеспечения задачи выживания человечества в общем» [17, с. 57]. Регуляция межкультурного взаимодействия обладает сложной структурой, характер которой дает возможность говорить о ней, как о подсистеме.

Заключение. В заключение отметим, что разграничение двух понятий «межкультурная коммуникация» и «межкультурное взаимодействие» позволило, прежде всего, отсеять методологические установки, нехарактерные для исследуемого нами понятия, и рассмотреть взаимодействие культур на трех уровнях: этническом, национальном и цивилизационном. Исходя из определения «межкультурного взаимодействия» и его понимания как сложной системы отношений и связей, удалось описать особенности действия факторов, обуславливающих процесс межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности, на основе существующих типологий межкультурного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин ; под ред. А.П. Садохина. – М. : Юнити-Дана, 2002. – 352с.
2. Уилбер, К., Практика интегральной жизни / К. Уилбер, А. Леонард, М. Морелли, Т. Паттен. – М. : ЛитРес, 2015. – 530 с.
3. Каган, М.С. Философия культуры : учеб. пособие / М.С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1996. – 279 с.
4. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб. : Норит, 2000. – 1536 с.
5. Hall, E.T. The silent language / E.T. Hall. – Garden City : Doubleday, 1959. – 240 p.
6. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / А.П. Садохин. – М. : КНОРУС, 2014. – 254 с.
7. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М. : АСТ, 2003. – 511 с.
8. Толстикова, И.И. Коммукативные контексты межкультурного взаимодействия / И.И. Толстикова // Труды Санкт-Петербургского конгресса «Профессиональное образование, наука, инновации в 21 веке», 20–21 нояб. 2009 г. – СПб. : СПбГУ ИТМО, 2009. – С. 11–15.
9. Корепанов, Г.С. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы / Г.С. Корепанов // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 276–284.
10. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2017. – 640 с.
11. Колесин, И.Д. Подходы к изучению социокультурных процессов / И.Д. Колесин // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 130–136.
12. Бранский, В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П. Бранский // Петербургская социология. – 1997. – № 16. – С. 148–179.
13. Ионин, Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. – М. : Логос, 1996. – С. 15–32.
14. Иконникова, Н.К. Механизмы межкультурного восприятия / Н.К. Иконникова // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 26–34.

15. Следзевский, И.С. Диалог культур и цивилизаций. Понятие, реалии, перспективы [Электронный ресурс] / И.С. Следзевский // Материалы конф. «Диалог культур и цивилизаций». – 2003. – Режим доступа: http://www.gorby.ru/activity/conference/show_69/view. – Дата доступа: 03.03.2020.
16. Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичёв [и др.] ; под ред. Л.Ф. Ильичёва. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
17. Бандурин, А.П. Социальная регуляция: рациональное и иррациональное : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / А.П. Бандурин. – Ростов н/Д, 2005. – 363 л.

Поступила 22.09.2020

**THE SPECIFICS OF THE FACTORS
THAT DETERMINE THE PROCESS OF INTERCULTURAL INFORMATION INTERACTIONS
IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY**

T. SALADOUNIKAVA

The article addresses the specifics of the action of factors that influence the nature of intercultural interaction as a process, as well as its results. The differences between the categories of “intercultural interaction” and “intercultural communication” are considered, which form the basis of the approach to understanding intercultural interaction as a complex system. The relation between these categories determines the further direction of the study. In the context of identification and systematization of the features of intercultural interaction, the interaction of cultures is considered at the ethnic, national, and civilizational levels. The author also provides some of the existing typologies that describe models of intercultural interaction and consider the particular effects of factors that determine such interaction. The presence of negative models in the typologies considered allows to address the phenomenon of regulation as a mechanism the presence of which makes intercultural interaction possible despite inevitable collisions in intercultural relations.

Keywords: *intercultural communication, information interaction, dialogue of cultures, intercultural stereotypes, cultural identity, ethnic self-identification, regional identity, typology, regulation.*

УДК 81.161.1: 070 (476)

**ОБРАЗ «ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА» В МЕДИАКАРТИНЕ
СОВРЕМЕННЫХ БЕЛОРУССКИХ СМИ****А.С. МИРОШНИЧЕНКО***(Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)**mroshnichenko_as@grsu.by*

В статье представлены результаты наблюдений над особенностями функционирования устойчивых атрибутивных словосочетаний «простой человек», «обычный человек» в разножанровых текстах современных белорусских СМИ. Определен репертуар актуализируемых благодаря вербальному контексту коммуникативных / коммуникативно релевантных (И.А. Стернин) значений прилагательных «простой» и «обычный» в указанных сочетаниях, выявлена специфика коммуникативных значений в сравнении с лексикографическим описанием слов. Делается вывод о том, что в медиакартине современных белорусских СМИ отражаются новые явления в стратификационной структуре общества, в том числе – появление новых критериев социальной стратификации. Наблюдается трансформация ценностного компонента в значении сочетаний «простой человек», «обычный человек» в сторону усиления негативно-оценочных коннотаций. Оценочный компонент неоднословной номинации позволяет журналистам апеллировать к представлениям, связанным с нормами поведения людей, актуализировать значимые качества человека в противопоставительных синтаксических конструкциях, выражать и формировать отношение к герою публикации.

Ключевые слова: *простой человек, обычный человек, номинация лица, атрибутивное словосочетание, медиакартина, язык СМИ.*

Введение. Формирование глобальной экономики, политическая и культурная унификация мировых сообществ, становление информационного общества и общества знаний, развитие инновационных производств и инновационных форм деятельности с быстрой сменой технологий, создание новых социальных структур в виртуальном пространстве Интернета кардинальным образом трансформируют стиль жизни человека и усложняют социальную структуру общества. Как отмечает Е.М. Бабосов, «в современном нелинейно и зачастую непредсказуемо изменяющемся обществе многомерность классификации социальных страт существенно увеличивается, включает в себя более десятка дифференцирующих критериев: имущественные, профессиональные, политические, социокультурные, территориально-поселенческие, половой, возрастной, статусно-ролевой, образовательный, этно-национальный, а также область интересов, принадлежность к религиозной конфессии и др.» [1, с. 6].

Современный мир медиацентричен, а потому закономерно, что новые явления в социальных стратификации и неравенстве общества не просто находят отражение в медиакартине, создаваемой средствами массовой информации (И.В. Анненкова, И.В. Ерофеева, В.И. Ивченков, Д. Кэмп-Фигура, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, О.М. Самусевич, В.И. Тюпа, М.В. Шкондин), но и, в силу нормативно-риторического и персуазивно-перлокутивного характера медиадискурса [2, с. 11–16], конструируются в ней как «особого рода символический продукт» ментально-речевой деятельности субъектов дискурса [2, с. 75]. «Воздействие СМИ состоит не только и не столько в передаче некоей эмоционально-понятийной информации, но в целенаправленном создании особого образа мира, а значит, во внедрении в мышление реципиента специфических когнитивных структур, способствующих восприятию определенного медийного содержания» [3, с. 43]. Особое внимание на то, как происходит формирование такого медиаопосредованного отношения массовой аудитории к тем или иным социальным проблемам, обращали исследователи-социологи в рамках теории социального конструкционизма (Дж. Бест, М. Маккоумз, Д. Шоу, М. Спектор, Дж. Китсьюз, П. Ибарра, И.Г. Ясавеев, Е.Г. Дьякова, А.Д. Трахтенберг, Ж.В. Журавлева и др.). Развиваемый в современной лингвистике когнитивно-дискурсивный подход (Н.Ф. Алефиренко, О.С. Иссерс, А.А. Кибрик, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, С.В. Ракитина, В.Е. Чернявская и др.) позволяет увидеть, как с помощью вербальных средств в медиатексте репрезентируются стереотипные представления о тех или иных явлениях действительности, при этом дискурс определенного типа становится той средой, в которой происходит формирование и актуализация семантики и прагматики языковых единиц, а сами единицы становятся средствами реализации дискурсивных практик.

Основная часть. Понятие «простой человек» не является новым в гуманитаристике: указанный образ использовался в художественной литературе и изобразительном искусстве, эксплуатировался в политической риторике. Тип простого человека, наиболее полно изученный в литературоведении в ряду таких типовых, как «маленький человек», «лишний человек», «человек из народа» и подобных, включен в национально-исторический и универсальный контексты и наделен статусом вечного героя. Как отмечает О.В. Иншаков, «понятие “простой человек” широко распространено, политически маркировано, социально насыщено, но все еще слабо осмыслено социологией, культурологией и политэкономией» [4, с. 95].

В статье анализируются устойчивые атрибутивные сочетания «простой человек», «обычный человек», предпринимается попытка определить особенности репрезентации соответствующего типа человека в современной белорусской медиакартине. Исследование выполнено на материале 320 контекстов, извлеченных из газет «СБ. Беларусь сегодня» (СБ), «Народная газета» (НГ), «БелГазета» (БГ), «Рэспубліка» (Р) 2002–2020 гг. Актуальность исследования обусловлена тем, что высказывания, включающие выражения «простой человек», «обычный человек», участвуют в формировании стереотипных представлений о стратификационной структуре общества. Отдавая предпочтения тем или иным наименованиям участников описываемых событий и ситуаций, журналист может как повышать, так и понижать статус героя публикации и, следовательно, регулировать оценочную интерпретацию описываемых событий. В соответствии с концепцией И.А. Стернина [5], в работе мы разграничиваем системное (лексикографическое и психолингвистическое) и коммуникативное (коммуникативно релевантное) значения слова, подразумевая под последним «обобщенные различные зафиксированные в контекстах наборы актуализованных и наведенных сем» [6, с. 39].

В толковых словарях русского языка прилагательное *простой* (как обозначение свойства человека) зарегистрировано в следующих значениях: 'добродушный, простодушный, не церемонный', 'самый обыкновенный, не выделяющийся среди других', 'принадлежащий к непривилегированным сословиям, не дворянский (устар.)', 'глуповатый, недалекий' [7, с. 641]; 'обыкновенный, ничем не примечательный', 'открытый, бесхитростный, прямой, не церемонный', 'принадлежавший к непривилегированному сословию' [8, с. 526]. Определение *обычный* имеет несколько значений: 'постоянный, привычный [7, с. 453]; 'такой, как всегда; постоянный, привычный', 'ничем не примечательный, не выделяющийся среди других; обыкновенный, заурядный' [9, с. 581]. Таким образом, мы видим, что толкования прилагательных *простой* и *обычный* различаются незначительно: в них в первую очередь фиксируются качества личности, с пометой *устар.* в значении лексемы *простой* отмечается признак 'положение в социуме'.

Наблюдения за речевой практикой анализируемых республиканских изданий показали, что в контекстах чаще всего актуализируется семантический компонент 'ничем не выделяющийся среди других', при этом в высказывании имеется эксплицитно выраженное или подразумеваемое сравнение «обычный – необычный»: *Обычный человек читает со скоростью 300–600 знаков в минуту, хотя мыслить способен гораздо быстрее* (БГ. 27.07.2009); *Не диво, ведь в распоряжении Леонардо благодаря ценной привычке был 21 час бодрствования в день, а не 16, как у обычного человека* (Р. 12.05.2018). В медиакартине белорусских СМИ *простой/обычный человек* обладает заурядными способностями, которые не позволяют ему выделяться среди других людей. «Психологи указывают на фантомность обычного человека: если человек – личность, нельзя вести речь об обычном, нормальном человеке. Между тем значимость этой фигуры для наук о человеке огромна: это фон, на котором видны аномальные явления. Функция заурядного служить фоном для выдающегося находит отражение и в системе языка. Примером могут служить антонимические пары прилагательных, обобщенные противопоставлением «заурядный – выдающийся»: *ординарный – неординарный; обычный – необычный; типичный – нетипичный*» [10, с. 239].

Лексемы *простой, обычный* могут употребляться как контекстуальные синонимы к словам *непритязательный, неамбициозный*. Характеризуя *простого/обычного человека*, журналисты отмечают отсутствие у него обостренного самолюбия и чванства, подчеркивают наличие честности и открытости: *Геннадий Овсянников, как и его герои, честный и открытый. О себе говорит: «Я – человек простой, не амбициозный»* (БГ. 21.02.2005); *Про первую встречу помнит немного: «Он не производит впечатления человека амбициозного, недоступного для общения. Нет. Обычный человек* (БГ. 06.09.2012). При этом указание на «обычность» героя используется в функции положительной оценки именно личностных качеств человека – в ракурсе их соответствия традиционной национальной системе ценностей (отсюда национальная идентификация – *простой белорусский человек*, ср. также: *простой белорус*). В медиакартине белорусских СМИ *простому/обычному человеку* свойственна искренность и естественность в проявлении чувств, он проявляет себя как верный друг: *Мне кажется, что он очень искренний и простой человек: искренне любит, искренне ненавидит* (БГ. 05.04.2010); *Он – простой белорусский человек, такой же, как и мы с вами: по утрам, идя на работу, он не строит планы покорения мира, ему не душно в маленьком мирке белорусской провинции, он ценит друзей и верит в любовь* (БГ. 23.06.2003); *В этих беседах с самим собой и включается момент магии: оказывается, в быту Иван Иванович вовсе не магический длиннородый дедушка-шаман, взывающий к духам предков. Он – обычный человек, сомневающийся, переживающий, ищущий* (БГ. 09.11.2009).

Анализ печатных СМИ показал, что в современных белорусских газетах широко распространено контекстуальное употребление лексем *простой* и *обычный* в значении 'непубличный', 'неизвестный', напр.: *Если одна из сторон уголовного дела – простой человек, а другая – известная личность, адвокату приходится нелегко* (БГ. 06.04.2009); *Это все равно что суицид, совершенный известной личностью, а если с жизнью решил расстаться обычный человек, это становится всего лишь сухими цифрами статистики* (БГ. 09.12.2013); *День со звездой неожиданно продолжился утром... «Когда мы поели, и уже было собрались уходить в номер, – рассказывает Марина, – на завтрак спустился Валерий. С ним не было никакой охраны. Как обычный человек он сел спокойно поест»* (БГ. 10.11.2017); *Тем не менее все интелесовались моим делом, желали сегодня успеха, когда я уходил. Мне казалось, что я совершенно простой*

человек, а тут – столько внимания! (БГ. 01.04.2013); *Связано это с таким явлением, как “Эффект Вертера”, обозначающим массовую волну подражающих самоубийств, которые совершаются после резонансного добровольного ухода из жизни, широко освещенного в СМИ либо описанного в популярном произведении литературы или показанного в кино (не важно, идет речь о знаменитости или о простом человеке)* (СБ. 28.09.2018). Указанное значение, как мы видели выше, не представлено в словарях, однако очень показательно с той точки зрения, что в новых условиях цифровой эпохи публичность становится фактором социальной стратификации: известный человек обладает большей сферой влияния и, соответственно, более весомым авторитетом и более высоким социальным статусом, чем *простой/обычный человек*.

На низкое социальное положение *простого/обычного человека* указывает ряд признаков. В частности, *простой/обычный человек* не имеет доступа к власти: *Провести расследование в отношении обычного человека, не наделенного властью и ресурсами, можно, не заключая его в СИЗО* (БГ. 10.04.2020). В соответствии с медиакартиной современных белорусских СМИ, он не владеет возможностью влиять на принятие важных решений, в том числе политических, устанавливать правила и запреты, формировать и навязывать поведенческие нормы, предоставлять полномочия. Лишенный права выдвигать цели и распоряжаться материальными или информационными ресурсами, он выступает как объект действия другого субъекта: *Проблема в том, что после стольких лет у власти именно социал-демократов многие обвиняют в том, что эти проблемы не решаются. И что о социальной справедливости они вспоминают и заботиться о простом человеке обещают лишь накануне выборов* (СБ. 15.05.2017). Для СМИ регулярной является оппозиция «простой человек – человек, наделенный властью», например: *И если обычный человек просто опасается неизвестного, то те, у кого есть власть и деньги, дополнительно боятся лишиться своего нынешнего положения* (БГ. 20.07.2016); *Эти группы никогда не пересекаются: у власти – своя жизнь, у оппозиции и неправительственных организаций – своя, у народонаселения – своя. Ну скажите, нормальный, обычный человек – он что, обращается в какие-то правозащитные организации?* (БГ. 08.11.2011).

Отсутствие доступа к власти влечет за собой отсутствие доступа к экономическому капиталу, измеряемому масштабами собственности, владения и распоряжения материальными ресурсами, уровнем личных доходов: *Уже продали девять пылесосов, три микроволновки, – отчитался консультант. – Телевизоров пока не продали. Простой человек не будет Вr2–3 млн. носить в кармане* (БГ. 02.02.2009); *Разве может обычный человек столько денег заработать? Я работаю на скорой помощи, получаю медный грош с кукишем* (БГ. 13.07.2009). Права собственности (на предприятие, недвижимость, ценные бумаги, интеллектуальные продукты) подразумевают социальные отношения между людьми и формируют экономическую власть: процесс владения собственностью раскрывается как процесс распоряжения, владения и присвоения. В медиакартине современных белорусских СМИ *простой/обычный человек* характеризуется невысоким уровнем дохода, он не обладает средствами производства: *Мы съездили с ним туда, чтобы понять, как простой человек, не имеющий в кармане больших денег и власти, может постоянно помогать своим землякам* (СБ. 09.06.2016); *Действительно интересно, как так получилось: что простой вроде бы человек, еще 10 лет назад ходивший в малопочтенном статусе «младшего научного сотрудника», сегодня вдруг является владельцем заводов и парковок?* (БГ. 19.01.2004). Наблюдается противопоставление *простого/обычного человека*, с одной стороны, человеку, наделенному властными полномочиями, с другой стороны – институту государства.

В силу отсутствия доступа к власти и ограничений в принятии важных решений *простой/обычный человек* не имеет возможности быстро передвигаться по карьерной лестнице и добиваться высоких профессиональных результатов. Журналисты республиканских газет нередко противопоставляют *простого/обычного человека* руководителю: *Он не простой человек, он один из тех, кто руководит страной* (БГ. 14.01.2013); *Разве теперешний руководитель даст свою иномарку простому человеку?* (СБ. 27.01.2018); *Я сейчас это говорю не как директор магазина, а как обычный человек* (НГ. 03.10.2019); *По официальной информации, полученной в качестве взятки суммы, которую обычный человек посчитал бы огромной, руководителю не хватило, ему понадобилось еще* (БГ. 17.06.2002). С точки зрения П. Сорокина, «представители высших экономических слоев одновременно относятся к высшим политическим и профессиональным слоям. Немущие же, как правило, лишены гражданских прав и находятся в низших слоях профессиональной иерархии» [11, с. 303]. Закономерным является использование в текстах СМИ оппозиции «простой человек – профессионал», например: *Профессионала вряд ли проведешь. Простого человека можно напугать своей неадекватностью, в т.ч. напускной, но, как правило, любой психиатрический диагноз имеет свой четкий образ* (БГ. 25.11.2013). В медиакартине современных белорусских СМИ *простой/обычный человек* предстает как человек, не имеющий глубоких профессиональных знаний.

Личные и социальные возможности *простого/обычного человека* ограничены. Спектр его социальной коммуникации, круг влиятельных знакомых, имеющих более высокие социальные статусы, не богат: *Сего фигуранта Жук охарактеризовал так: «Хоть и без погон, но не простой человек, со связями»* (БГ. 18.04.2016); *Не совсем я простой человек, ну, не работаю я на заводе, да и родители мои тоже на заводе не работают, я могу спокойно позвонить в штаб ПВО* (БГ. 21.04.2013). Очевидно, что *простой/обычный человек* мало востребован в системе личных и профессиональных связей.

В медиакартине белорусских СМИ формируется стереотип того, что наибольшее значение для *простого/обычного человека* имеют первичные потребности, тогда как вторичные (потребности в признании, духовные потребности) в его ценностной иерархии являются менее значимыми: *В доме тепло, светло, на столе хлеб да соль, есть с кем поговорить. Что еще нужно простому человеку?* (СБ. 09.02.2018); *Ведь обычный человек мыслит не категориями политического, экономического характера. У него потребительские свойства преобладают* (БГ. 16.06.2008); *Жил он, как и многие, скромно, с женой и маленьким ребенком. В общем, обычный человек* (Р. 08.06.2017).

Культурный капитал, то есть богатство в форме знаний, идей, готовности к освоению существующих символов и новых моделей поведения, у *простого/обычного человека* отсутствует. Он не способен критически оценивать прошлые и современные явления культуры, осознанно воспринимать сложную и динамичную структуру современного культурного процесса: *А сейчас читателю дают книгу какого-нибудь белорусского писателя, который называет себя страшным словом «постмодернист» и пишет Бог знает что. Ну как обычный человек, не знающий белорусского и читающий Пушкина по слогам, может таким проникнуться?* (БГ. 02.03.2015). *Простой/обычный человек* не принадлежит к числу потребителей элитарной культуры, ориентированной на самовоспроизведение в рамках узкого круга экспертов: *Инсталляция «Норка» (похожая на гигантский кротиный холмик) просто взывала к участию – об этом кричало и описание проекта, и многочисленные видеоролики, висящие вокруг «Норки» и показывающие, как именно простой человек может освоить «Норку» в качестве символа всего происходящего в белорусской культурной среде* (БГ. 05.03.2012). Кроме того, *простой/обычный человек* не обладает специальными знаниями: *В совершенно темном углу стоит точная копия этой головы. Стоит в совершенной темноте. Под этой копией – нет надписи на том языке, который способен прочесть обычный человек – так, какие-то точки* (БГ. 23.05.2015).

Регулярными для республиканских СМИ являются и следующие противопоставления, отражающие особенности анализируемого типажа человека по когнитивным характеристикам (потребность в информации, характер восприятия информации, стиль мышления и т.д.):

– противопоставление «простой человек – человек, способный понять произведение искусства», например: *Напишите книжку хорошую, создайте хороший фильм, хорошую картину, перед которой будут стоять не только люди, понимающие в искусстве, всё оценивающие, знающие, но и простой обычный человек, дилетант, будет трепетать перед этой картиной»* (БГ. 22.12.2003);

– противопоставление «простой человек – человек, способный к перевоплощению»: *И объясняется это просто – артист всем своим обликом несет с экрана правду, всегда болеет душой за то, что волнует простого человека* (СБ. 10.02.2011); *Когда я училась в театрально-художественном институте, наш педагог говорил: «Это обычный человек просто едет в метро. А актер едет и наблюдает»* (СБ. 30.11.2018);

– противопоставление «простой человек – творческий человек»: *Продюсеры и критики, высунув языки от старательности, наговаривают ими столько малопонятных обычному человеку вещей, что желание потратить свое время на просмотр хотя бы одного фильма отбивается напрочь* (СБ. 03.11.2018); *Публика, которая их посещает, – это очень узкий круг театральной и околотеатральной тусовки: актеры, критики, студенты творческих вузов, режиссеры. Обычный человек, случайно оказавшись на таком мероприятии, может прийти в состояние некоторого недоумения* (БГ. 13.12.2004).

Простой/обычный человек не включен в мир науки, он находится за ее пределами: *Наука имеет средства проверить астрологические прогнозы, а вот обычный человек – нет* (БГ. 28.01.2008); *Обычному человеку это вряд ли что-то скажет, но с научной точки зрения такие исследования крайне важны, поскольку дают более глубокое понимание протекания термоядерных процессов и в целом подтверждают теоретические предсказания Стандартной солнечной модели* (НГ. 28.12.2018). Он находится на обочине общественной жизни: не интересуется политическими вопросами и не отличается активной гражданской позицией: *Где роль простому человеку отведена крайне примитивная – не думать, не осмысливать происходящее, а просто делать то, к чему призывают* (СБ. 27.06.2020); *Проблема в том, что обычный среднестатистический человек начинает интересоваться общественной жизнью только тогда, когда эта общественная жизнь задевает его самого* (БГ. 02.09.2013); *Что мы имели на входе? Обычного человека, которому в общем-то было все равно, что происходит в Беларуси. На выходе мы имеем убежденного противника режима, имеющего время и средства на борьбу с беспределом и произволом властей* (БГ. 18.07.2011).

На арене социальных отношений *простой/обычный человек* занимает пассивную позицию, он лишен возможности принимать самостоятельные решения – в контексте это подчеркивается метафорическими наименованиями (*винтик, игрушка*): *Тотальное подавление глобальными корпорациями простого человека-винтика этого производственного конвейера* (СБ. 04.07.2020); *У нас иногда бывает, что они, образно говоря, как игрушка в руках исполнительной власти или некое дополнение. И простой человек, попадая в эти жернова, в рамках своего района нередко ходит, как по замкнутому кругу* (СБ. 02.12.2017). Наиболее понятна и близка ему патерналистская форма общественно-политического устройства, где государство берет на себя всестороннюю заботу о благополучии граждан: *У кого было искать защиты простому человеку, пострадавшему от лиходеев, если обращаться к уголовникам не позволяла законопослушность,*

а к милиции – слабая вера в ее неподкупность и эффективность? (СБ. 13.10.2018); Государство для народа, справедливость, защита **простого человека** – это то, на чем стояла и стоять будет белорусская государственность (СБ. 22.06.2016); И это все как-то связано с судьбами простых людей: где-нибудь там умирает **простой человек** от пневмонии, и тут появляется президент – бах! – и к больному сразу в этой больнице меняется отношение (БГ. 09.11.2009).

Подобный типаж простого человека не является для современной медиакартины мира чем-то вымышленным, создаваемым в публицистическом мире журналиста: Т.Л. Каминская называет и очень подробно описывает три целевые аудитории периодики – «интеллигентное меньшинство», «образцовая среда» и «простой человек», при этом образ последнего исследователь характеризует такими чертами, как концентрация на частной жизни, интерес к доступному и понятному жанру «житейской истории», предпочтение патерналистского отношения к себе со стороны государства [12].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Использование устойчивых атрибутивных словосочетаний *простой человек* и *обычный человек* наиболее часто наблюдается в следующих композиционных частях текста: во-первых, в аргументативной части текста для выявления причинно-следственных связей, объяснения поступков героев публикаций; во-вторых, в описательной части текста для оценочной характеристики персонажей медиатекстов на основе их сопоставления с другим типом людей. Используя указанные выше словосочетания, журналист может выразить подчеркнуто личностное авторское отношение к ситуации, оказать воздействие на формирование ценностного отношения целевой аудитории к герою или событию.

Толковые словари русского языка в целом отражают реальное употребление прилагательных *простой*, *обычный* в журналистских публикациях, однако противопоставление *простого/обычного человека* людям с высоким социальным статусом (то есть людям, имеющим доступ к власти, материальным и информационным ресурсам, культурному капиталу) оказывается не зафиксированным. Статусные оппозиции *представитель власти – простой/обычный человек*, *представитель творческой профессии – простой/обычный человек* и др. широко представлены в медиатекстах, тогда как в толковых словарях значение 'положение в общественной иерархии' используется со специальными пометами.

В содержании устойчивых атрибутивных сочетаний *простой человек* и *обычный человек* находят выражение системно-релятивный, статусно-поведенческий, оценочно-аксиологический понятийные аспекты, выделяемые в содержании категории социального статуса [13].

Так, системно-релятивный аспект предполагает, что, используя данное словосочетание, автор медиатекста может обозначить соотносительность индивидов в системе социальных связей и отношений (*простой человек – руководитель*, *простой человек – владелец заводов* и др.). В синтаксических конструкциях регулярным к словосочетанию *простой/обычный человек* является противопоставление различных антонимов: *известная личность, звезда, знаменитость, владелец (заводов и пароходов), руководитель, директор, профессионал, артист, актер, продюсер, критик, режиссер*.

Статусно-поведенческий аспект отражает социально-дифференцирующие признаки, связанные с исполнением индивидом социальных ролей. В таком случае в структуре лексического значения прилагательных *простой*, *обычный* и в особенностях функционирования неоднословных номинаций *простой человек*, *обычный человек* проявляются сформированные в обществе ожидания относительно «нормативного» поведения, представления о правах и обязанностях, о статусной дистанции, симметричных и несимметричных речевых ситуациях: *Для простого человека важны результаты, а не постоянные дискуссии о путях развития* (СБ. 03.03.2018); *Интересы простого человека просты и понятны: достойная зарплата, жилье, безопасность, экология, социальные гарантии* (СБ. 20.02.2020).

Наконец, наличие власти и привилегий, уровень достатка, степень уважения и почта в восприятии окружающих, престиж, стиль жизни составляют оценочно-аксиологический аспект категории социального статуса. Как показывает речевая практика республиканских изданий, функционирование выражений *простой человек*, *обычный человек* отражает разделяемую в обществе систему ценностей, о чем, к примеру, может свидетельствовать появление нового стратификационного критерия – публичности. В качестве контекстуальных синонимов выступают лексемы *непритязательный*, *неамбициозный*, *непубличный*, *неизвестный*, *небогатый* и др. Определения *простой/обычный (человек)* употребляются в одном ряду с прилагательными *нормальный*, *среднестатистический*.

В большинстве выявленных контекстов характеристика *простой/обычный* имеет негативный оттенок: *простой* – значит непубличный, не наделенный властными полномочиями, экономическим и культурным капиталом, заурядный с точки зрения профессиональных навыков и способностей, не обладающий богатой эрудицией. Более редкими являются варианты употребления лексем *простой/обычный* для обозначения положительных качеств человека, например: *простой* – значит искренний, при этом «в советскую эпоху усилиями официальной пропаганды словосочетание *простой человек* (мн. *простые люди*) приобрело высококомплиментарную оценочность» [14, с. 145]. Таким образом, в языке современных белорусских

СМИ наблюдается трансформация ценностной композиции в значении сочетания *простой/обычный человек* в сторону усиления негативно-оценочных коннотаций, что отражает состояние общественного сознания, но в некотором смысле противоречит идеологической риторике, построенной на ценностях социально-ориентированного государства (государства для народа) и использующей такие смыслообразующие идеологемы, как *простой человек, простые люди, люди труда, обычные граждане, простые граждане* и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов, Е.М. Стратификационная трансформация современной Беларуси / Е.М. Бабосов. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 362 с.
2. Анненкова, И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ / И.В. Анненкова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. – 392 с.
3. Пищальникова, В.А. СМИ как среда формирования новых когнитивных структур / В.А. Пищальникова // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации : сб. науч. тр. : в 2 т. / под общ. ред. Н.В. Анишкиной, Л.В. Уховой. – Ярославль : Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского, 2017. – Т. 2. – С. 41–45.
4. Иншаков, О.В. Простой человек в социальном пространстве современной России / О.В. Иншаков, Д.П. Фролов // Личность. Культура. Общество. – 2006. – Т. 8, № 2 (30). – С. 95–106.
5. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 138 с.
6. Рудакова, А.В. О понятии коммуникативного значения слова / А.В. Рудакова, И.А. Стернин // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 1 (11). – С. 36–48.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова ; РАН, Ин-т русского языка, Рос. фонд культуры. – М. : АзъLtd, 1992. – 955 с.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1983. – Т. 3 : П–Р. – 752 с.
9. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 2 : К–О. – 1986. – 736 с.
10. Федяева, Н.Д. Противопоставление «обычный человек» – «выдающийся человек» в культурной и номинативной традиции / Н.Д. Федяева // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 3-3. – С. 239–240.
11. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
12. Каминская, Т.Л. Адресат газетного текста: опыт типологии / Т.Л. Каминская // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – № 1–2. – С. 305–312.
13. Мирошниченко, А.С. Семантический компонент 'социальный статус' в структуре лексического значения номинации лица / А.С. Мирошниченко // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 71–81.
14. Васильев, А.Д. Коннотативные трансформации словосочетания простой человек в истории русского языка / А.Д. Васильев // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. – 2019. – № 2 (48). – С. 145–153.

Поступила 03.12.2020

MEDIA IMAGE OF THE ORDINARY PERSON IN MODERN BELARUSIAN MASS MEDIA

A. MIROSHNICHENKO

The article presents the results of the survey over the peculiarities of stable attributive word combinations “simple person”, “ordinary person” functioning in different genre texts of modern Belarusian Mass Media. The range of communicative / communicatively relevant (I.A. Sternin) meanings of the adjectives “simple” and “ordinary” in the stated combinations that are actualized due to the verbal context is determined; the specific features of communicative meanings in comparison with lexicographical description of words are revealed. The conclusion is made that the media picture of modern Belarusian Mass Media reflects new phenomena in the stratification structure of the society, including the appearance of such stratification feature. There is a transformation of the value component in the meaning of combinations of “simple person” and “ordinary person” towards strengthening of negative-value connotations. The evaluative component of an ambiguous nomination makes it possible for journalists to appeal to notions related to the norms of people’s behavior, to actualize significant human qualities in opposite syntactic constructions, to express and form the attitude towards the hero of the publication.

Keywords: *simple person, ordinary person, nomination of person, attributive word combination, media picture, language of Mass Media.*

УДК 81'367.625

**ГЛАГОЛЫ РЕЧИ
КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ КАТЕГОРИЙ ИНФОРМАТИВНОСТИ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. РУБИНОЙ «НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ»)**

А.И. ДЕРЕЧЕНИК

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

alena.derechenik@mail.ru

Статья посвящена установлению текстообразующей роли глаголов речи в экспликации текстовых категорий информативности и интенциональности на материале романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы». Определены такие понятия, как глаголы речи, информативность, интенциональность. Представлена сводная семантическая классификация глаголов речи, основанная на работах Л.М. Васильева, В.И. Кодухова, И.А. Сколотовой. Подчёркнут особый статус глаголов речи, которые являются оптимальной моделью для познания художественного текста, обладают поликомпонентностью и многоаспектностью значения. На материале романа Дины Рубиной показано, как данная лексико-семантическая группа глаголов актуализирует семантические, прагматические и стилистические аспекты речевого поведения героев произведения, а также участвует в выражении фабульности и в формировании индивидуально-авторской художественной картины мира.

Ключевые слова: глаголы речи, категории текста, информативность, интенциональность, Дина Рубина.

Введение. Лингвисты в своих исследованиях все чаще обращаются к тексту как к языковому явлению (работы Н.Д. Арутюновой [1], Л.Г. Бабенко [2], Н.С. Болотновой [3], Н.С. Валгиной [4], И.Р. Гальперина [5], Н.Д. Зарубиной [6], В.А. Масловой [7], Т.В. Матвеевой [8], Е.А. Реферовской [9] и др.). В связи с тем, что текст находится в центре лингвистического пространства, особо значимым становится изучение, описание и анализ текстовых категорий.

Следует отметить, что в настоящее время вопрос понимания текстообразующих категорий, их количества, систематизации остаётся открытым. Это обусловлено различными подходами к рассмотрению, изучению, анализу текста. Поэтому вопрос текстовых категорий не теряет своей актуальности и сегодня. Текстовая категория – это «некоторый признак, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [5, с. 215]. Стоит отметить, что в тексте категории находятся не изолированно друг от друга, а тесно взаимосвязаны.

В художественном тексте все элементы несут определённую информацию. В связи с этим особое место занимает категория информативности – категория, с которой непосредственно связаны интенциональность, модальность, ретроспекция, проспекция, когезия, завершённость и другие категории текста. Согласно И.Р. Гальперину [5], Т.В. Матвеевой [8], существуют следующие виды информативности: содержательно-фактуальная информативность (СФИ), которая заключает в себе фабульный смысл произведения, она явная, открыто выраженная по своей природе. Лексические единицы в СФИ обычно употребляются в прямых значениях. В художественном нарративе СФИ тесно связана с содержательно-концептуальной информативностью (СКИ). СКИ, в отличие от СФИ, заключает в себе лично-авторский взгляд на понимание явлений, событий, описанных средствами СФИ. Стоит отметить, что СКИ не сводится лишь к идее произведения. СКИ – это понятие, которое совмещает в себе замысел автора и его содержательную интерпретацию. Содержательно-подтекстовая информативность (СПИ), или подтекст – скрытая информация, которая выводится из СФИ на основе ассоциативных значений слов.

Наряду с информативностью в важнейшие параметры исследования текстуальности необходимо включать категорию интенциональности. Понятие интенции и интенциональности пришло из теории речевых актов. Впоследствии данные термины стали употребляться в философии, психологии, лингвистике. Категория интенциональности – «философская и психологическая категория, в состав которой входят такие психологические феномены, как желание, намерение, принятие решения, планирование, попытка, направленные на совершение действия и достижение определённого результата» [10, с. 16]. Итенция же заключает в себе субъективную направленность, коммуникативное намерение говорящего. Таким образом, понятие интенциональности носит более широкий характер.

Итенция говорящего находит своё выражение в грамматических средствах, несущих определённую семантическую и прагматическую функции. Особое место в экспликации категории интенциональности занимает глагол. Благодаря своей поликомпонентности и многоаспектности значения, глагол способен передать замысел говорящего, его намерения, цель, коммуникативную направленность.

Языковая сущность художественного текста невозможна без участия глаголов речи, так как именно они являются оптимальной моделью для познания, анализа связей и отношений языковой системы в речи вообще и в тексте в частности. Изучению лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов речи посвящено много трудов. Наиболее известными учеными, работающими в этой области, являются: Ю.Д. Апресян [11], Л.В. Бортэ [12], Л.М. Васильев [13], В.И. Кодухов [14], Р.П. Козлова [15], Э.В. Кузнецова [16], З.И. Ничман [17].

Под глаголами речи в нашем исследовании понимается ЛСГ, включающая в себя глаголы не только устной, но и письменной речи, объединенные инвариантным семантическим признаком – семой речи.

Исследование роли глаголов речи в художественном тексте актуально, поскольку именно данная ЛСГ обладает высоким текстообразующим потенциалом, составляет основу речемыслительной деятельности любой языковой личности. Актуальность исследования обусловлена и тем, что функционирование группы глаголов речи рассматривается на материале современной женской прозы.

Материал исследования составил 215 лексем в 1392 реализациях, выявленных методом сплошной выборки из романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы».

В работе использовалась сводная семантическая классификация глаголов речи, основанная на работах Л.М. Васильева [13], В.И. Кодухова [14], И.А. Сколотовой [18]. Лексико-семантическое пространство романа «На солнечной стороне улицы» образуют глаголы речи пяти лексико-семантических подгрупп.

Основная часть. Лексико-семантическая подгруппа глаголов, обозначающих акт говорения в его общем виде, в анализируемом романе представлена 36 лексемами в 800 словоупотреблениях. В эту лексико-семантическую подгруппу входят глаголы, которые характеризуют внешнюю сторону устной или письменной речи. Самые частотные следующие глаголы: *говорить* (162), *проговорить* (43), *рассказывать* (38), *ответить* (28), *назвать* (21), *отвечать* (18), *добавить* (15), *разговаривать* (9), *рассказать* (9), *произнести* (8). Наименее частотными оказались лексемы: *воспроизвести* (1), *высказываться* (2), *выразиться* (2), *говаривать* (1), *разговориться* (2). В романе «На солнечной стороне улицы» данная лексико-семантическая подгруппа преобладает в количественном соотношении. Это объясняется тем, что «с помощью глаголов доминанты говорения можно выразить любую грань речевого события, действия и поведения, поскольку они обладают максимальной семантической ёмкостью» [6, с. 32].

Лексико-семантическая подгруппа глаголов, обозначающих не только акт говорения, но и особенности его, манеру, способ произнесения речи, в романе представлена 54 лексемами в 216 словоупотреблениях. Эта подгруппа характеризует акустический аспект произнесения речи. Самые частотные среди глаголов данной подгруппы следующие лексемы: *кричать* (29), *крикнуть* (22), *пробормотать* (14), *воскликнуть* (12), *бормотать* (10), *орать* (8), *прошептать* (5). Наименее частотные глаголы: *баюкать* (1), *горланить* (1), *болтать* (2), *визжать* (2), *воскликать* (2). В количественном соотношении в художественном тексте данная подгруппа является второй, так как глаголы речи, входящие в неё, служат для более полного и точного раскрытия характеров героев, свидетельствуют об их особом эмоциональном состоянии.

Лексико-семантическая подгруппа глаголов переносного значения, выражающих сравнение человеческой речи со звуками, издаваемыми животными, птицами, насекомыми, в романе представлена 18 лексемами в 30 словоупотреблениях. Самые частотные среди них следующие лексемы: *взвять* (4), *гудеть* (4), *рычать* (3). Единоразы встречаются в тексте следующие глаголы: *брехнуть*, *бурчать*, *крякать*, *ухнуть*, *фыркнуть*, *щебетать*.

Лексико-семантическая подгруппа глаголов, обозначающих не только сам акт говорения, но и характеризующих содержание речи, в романе представлена 37 лексемами в 134 реализациях. Глаголы данной лексико-семантической подгруппы раскрывают смысл речи, то, что субъект желает передать адресату. Самые частотные глаголы данной подгруппы: *объяснить* (24), *договориться* (12), *объяснять* (11), *договариваться* (8), *согласиться* (8), *возразить* (7). Единичной частотностью обладают глаголы: *благословить*, *возражать*, *пояснять*.

Лексико-семантическая подгруппа глаголов со значением побуждения, выраженная посредством устной или письменной речи, в романе представлена 38 лексемами в 144 словоупотреблениях. В эту подгруппу входят глаголы, которые выражают волеизъявление, приказ, просьбу, запрет, разрешение, побуждение, предложение, отказ говорящего. Самые частотные среди глаголов данной подгруппы следующие лексемы: *просить* (18), *звать* (16), *велеть* (8), *послать* (7), *вызвать* (6), *позволить* (6). Наименее частотные следующие глаголы: *внушать* (1), *выпрашивать* (1), *запретить* (1), *отослать* (1), *взывать* (2).

Стоит отметить, что данные группы глаголов речи не являются чётко разграниченными, обособленными. Лексические единицы в данных объединениях могут наслаиваться, совмещать в себе признаки нескольких ЛСГ. Вследствие этого расположить данные глаголы можно только в зоне пересечения подгрупп. Например, переход глаголов звучания в группу глаголов речи: *крякать*, *ухнуть*, *фыркнуть*.

Особую значимость в экспликации категории информативности в тексте романа Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» приобретают глаголы речи. Книга Дины Рубиной повествует о человеке, его внутренних переживаниях, терзаниях, отношении с окружающим миром и людьми. В романе можно выделить 5 сюжетных линий: 2 основные линии, представленные двумя главными женскими образами (Вера, Катя), и 3 вспомогательные линии (Стасик, Миша Лифшиц, Леонид Волошин). Сюжетная линия Кати в романе представлена захватывающе и трагично одновременно. Главная героиня попадает в Ташкент из блокадного Ленинграда. В начале романа Катя показана мечтательной, наивной девушкой, которая

обладает артистическим талантом. Волей судьбы она оказывается в обществе воров и мошенников, а впоследствии и сама становится профессиональной наркоторговкой по кличке Артистка.

СФИ в данной сюжетной линии представлена 67 лексемами в 104 словоупотреблениях. В передаче СФИ участвуют глаголы пяти ЛСГ: глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде (22 лексемы в 39 словоупотреблениях); глаголы, которые обозначают не только акт говорения, но и особенности его, манеру, способ произнесения речи (24–30); глаголы переносного значения, выражающие сравнение человеческой речи со звуками, издаваемыми животными, птицами, насекомыми (6–8); глаголы, обозначающие не только сам акт говорения, но и характеризующие содержание речи (11–21); глаголы со значением побуждения, выраженные посредством устной или письменной речи (3–12). Носителями СКИ служат следующие лексемы: *возразить* (1) – *воскликнуть* (1) – *торговаться* (1) – *согласиться* (4) – *требовать* (3) – *приказать* (4) – *прошептать* (4) – *огрызнуться* (1) – *огрызаться* (4) – *перебить* (1) – *запричитать* (2) – *командовать* (2). Ядро СКИ составляют глаголы второй ЛСГ. Наиболее частотными являются глаголы *согласиться* (4), *приказать* (4), *прошептать* (4), *огрызаться* (4). Такое соотношение глаголов речи показывает Катю как натуру противоречивую, эмоционально неустойчивую, в характере которой проявляется резкий переход от смиренности (лексемы *согласиться*, *прошептать*) к крайней враждебности (*приказать*, *огрызаться*). Катя у Дины Рубиной – сильная, волевая, талантливая женщина, которая не смогла сделать правильный выбор в жестокой действительности и сбилась с пути.

Полной противоположностью Кати является её дочь Вера: творческая натура, художница, которая живёт исключительно искусством. СФИ в данной сюжетной линии представлена 85 лексемами в 132 словоупотреблениях. В передаче СФИ участвуют глаголы четырёх ЛСГ: глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде (25 лексем в 45 словоупотреблениях); глаголы, которые обозначают не только акт говорения, но и особенности его, манеру, способ произнесения речи (19–30); глаголы переносного значения, выражающие сравнение человеческой речи со звуками, издаваемыми животными, птицами, насекомыми (5–13); глаголы, обозначающие не только сам акт говорения, но и характеризующие содержание речи (34–40). Носителями СКИ служат такие лексемы, как *прошептать* (4) – *пробубнеть* (2) – *сипеть* (2) – *бормотать* (5) – *шептать* (3). Ядро СКИ составляют глаголы второй ЛСГ. Наиболее частотными являются глаголы *прошептать* и *бормотать*. Словом-актуализатором, характеризующим главную героиню, является глагол *шептать*, что указывает, с одной стороны, на страх, боязнь Веры, с другой стороны, на замкнутость героини, её отстранённость, сосредоточенность на своём внутреннем мире и на своих переживаниях. В образе Веры Щегловой изображается становление истинного таланта, который проявится, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства.

Важное место в развитии фабулы романа занимают мужские образы Стасика, дяди Миши и Лёни. Именно они помогают сформировать и отшлифовать личность главной героини, являются той «пространственной формой» [4, с. 319], в которой выражено авторское отношение к Вере. Так, Стасик, художник-калека, который подготовил Веру к экзаменам в училище, заставил её поверить в предначертанность пути Художника. СФИ в данной сюжетной линии представлена 17 лексемами в 30 словоупотреблениях. В передаче СФИ участвуют глаголы двух ЛСГ: глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде (9–19) и глаголы, которые обозначают не только акт говорения, но и его особенности, манеру, способ произнесения речи (8–11). Носителями СКИ являются следующие лексемы: *кричать* (2) – *спорить* (1) – *заорать* (2) – *крикнуть* (3) – *огрызаться* (1) – *оборвать* (1) – *заорать* (1) – *горланить* (3). Ядро СКИ составляют глаголы второй ЛСГ. Наиболее частотными являются глаголы *крикнуть* и *горланить*. Данное соотношение глаголов речи говорит о внутреннем противоречии героя, о его импульсивности, вспыльчивости: *былинно-русой красоты молодец с нелепо большими ногами*. В образе Стасика противопоставлены духовная сила (талант) и физические ограничения (болезнь).

В центре сюжета стоит преступление: Екатерина Щеглова совершает покушение на убийство своего гражданского мужа Миши Лифшица. Говоря о нем, автор отмечает, что это «бедоносец, которому достался непомерно тяжёлый крест, сколоченный не для одного человека, а для всего поколения» [19, с. 234]. СФИ в данной сюжетной линии представлена 40 лексемами в 82 словоупотреблениях, где участвуют глаголы трёх лексико-семантических подгрупп: глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде (21–48); глаголы, которые обозначают не только акт говорения, но и особенности его, манеру, способ произнесения речи (10–31); глаголы, обозначающие не только сам акт говорения, но и характеризующие содержание речи (9–18). Носителем СКИ служат следующие лексемы: *рассказывать* (4) – *поведать* (1) – *объяснить* (4) – *рассказать* (2) – *объяснять* (5). Данные глаголы речи указывают на значимую роль дяди Миши в жизни главной героини: он открыл ей особенный мир нетривиальных мыслей, идей, знаний.

Существенной в раскрытии образа главной героини является сюжетная линия Леонида Волошина. СФИ здесь представлена 39 лексемами в 75 словоупотреблениях глаголами трёх лексико-семантических подгрупп: глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде (18–32); глаголы, которые обозначают не только акт говорения, но и особенности его, манеру, способ произнесения речи (5–12); глаголы, обозначающие не только сам акт говорения, но и характеризующие содержание речи (16–31). Носителями СКИ являются следующие лексемы: *посоветовать* (3) – *перезнакамливаться* (2) – *успокоить* (3). Ядро СКИ составляют глаголы, обозначающие не только сам акт говорения, но и характеризующие содержание речи. Они указывают на постоянное участие героя в жизни других людей, его сочувствие и готовность прийти на помощь.

Таким образом, глаголы речи передают СФИ, СКИ и СПИ и эксплицируют фабулу. В представлении категории информативности в тексте исследуемого произведения участвуют все глаголы речи. СФИ в романе представляют глаголы пяти ЛСГ. Они находят выражение во всех сюжетных линиях романа: сюжетная линия Кати – это 100% лексической представленности глаголов речи; Вера – 80%; Стасик – 40%; Миша Лифшиц – 60%; Леонид Волошин – 60%. Каждая сюжетная линия имеет специфический лексемный состав ключевых экспликативных информативности, так называемых слов-актуализаторов содержательно-концептуальной и подтекстовой информативности: Катя – *приказать*, Вера – *шептать*, Стасик – *горланить*, Миша Лифшиц – *объяснять*, Леонид Волошин – *посоветовать*, *успокоить*.

В настоящее время в лингвистической науке господствует антропологическая парадигма, поэтому на первый план выходят проблемы, рассматривающие «человека в языке» и «язык в человеке» [21, с. 18]. В связи с ориентацией языка на человека, особое значение приобретает изучение категории интенциональности, маркерами которой в тексте являются глаголы речи, которая включает в себя такие психологические составляющие, как желание, намерение, принятие решения, планирование, направленные на выражение коммуникативно-значимого смысла. Маркерами в тексте, которые помогают распознать категорию интенциональности, являются глаголы речи. Именно интенциональность сознания говорящего влияет на выбор глаголов речи, репрезентирует их потенциальные возможности в конкретном контексте. На наш взгляд, рассматривать категорию интенциональности в тексте следует на фоне всего речевого поведения героя.

В романе «На солнечной стороне улицы» две главных героини: Катя Щеглова и её дочь Вера. Кате пришлось пройти через блокадное детство, смерть близких. Однако главная героиня с юных лет для себя уяснила, что самый главный смысл жизни – деньги. В погоне за ними она не гнушается ни воровством, ни торговлей наркотиками, ни даже убийством. Ради денег Катя готова идти на многое. Интенция сознания Кати выражена в глаголах речи и представлена в виде следующих коммуникативных целей.

Побудить к действию: – *Ладно трендеть!* – *приказала она ему...* – *Оратор... Ночь уже!...*

Желание отстоять свою точку зрения: – *Они хорошо ходят!* – *угрюмо возразила Катя.*

Выражение угрозы: – *Семипалый делить будет. По-настоящему, – стала угрожать Катя.*

В выражении намерений главной героини преобладает ЛСГ глаголов речи со значением побуждения, выраженного посредством устной или письменной речи. Данная группа глаголов речи обозначает волеизъявление (приказ, просьбу, запрет, разрешение, побуждение): *велеть* (8), *послать* (7), *вызвать* (6), *позволить* (6), *выпрашивать* (1), *запретить* (1), *отослать* (1).

Вера, дочь Кати, предстает полной противоположностью своей матери. Для Веры значимы не деньги, а красота и гармония. Ее речи свойственны правильность и образность. Рассмотрим коммуникативные намерения Веры, выраженные через глаголы речи.

Сообщить информацию: – *Дядя Миша умер...* – *проговорила она...* – *вот, записка от Клары...*

Выразить согласие: – *Да уж, не подарок, – согласилась Вера, подходя к зеркалу и ощупывая кровоподтёк на скуле.*

Отстоять свою точку зрения: – *О чём вы, что вы несёте!* – *возмутилась она...* – *Вы понимаете, в каком возрасте Стасик погиб?! Ему было всего двадцать семь лет!*

В выражении намерений Веры Щегловой преобладает ЛСГ глаголов речи, обозначающих акт говорения в его общем виде: *говорить* (162), *проговорить* (43), *рассказывать* (38), *ответить* (28), *назвать* (21), *отвечать* (18), *произнести* (8).

Таким образом, интенциональность является базовой категорией текста. В представлении данной категории в рассматриваемом художественном тексте участвуют глаголы речи со значением побуждения, выраженного посредством устной или письменной речи, а также глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде. Так, они показывают, что намерения Кати Щегловой связаны, прежде всего, с попыткой подчинить себе других и занять доминирующее положение по отношению к другим людям. Намерения же Веры Щегловой связаны с желанием сообщить информацию, выразить согласие. Но вместе с тем главная героиня может отстоять свою точку зрения, проявить силу и независимость.

Заключение. Таким образом, глаголы речи как единицы текстообразования раскрывают композицию и систему персонажей анализируемого художественного произведения, эксплицируют межуровневые связи лексикой, семантикой, словообразования. Также данная ЛСГ занимает доминирующее место в актуализации текстовых категорий информативности и интенциональности. Так, в представлении категории информативности в тексте исследуемого произведения участвуют все глаголы речи. СФИ в романе представляют глаголы речи пяти ЛСГ. Они находят выражение во всех сюжетных линиях романа. Каждая сюжетная линия имеет специфический лексемный состав ключевых экспликативных информативности. Глаголы речи передают СФИ, СКИ и СПИ, очерчивают семантические, прагматические и стилистические аспекты речевого поведения героев произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 339 с.
2. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для филол. спец. вузов / Л.Г. Бабенко. – М. : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2004. – 462 с.

3. Болотнова, Н.С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста: лекция / Н.С. Болотнова. – СПб.: Образование, 1992. – 55 с.
4. Валгина, Н.С. Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
5. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин – 5-е изд., стереотип. – М.: URSS : КомКнига, 2007. – 138 с.
6. Зарубина, Н.Д. Текст: лингвистический и методологический аспекты / Н.Д. Зарубина. – М.: Прогресс, 1981. – 68 с.
7. Маслова, В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 156 с.
8. Матвеева, Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк / Т.В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 168 с.
9. Реферовская, Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е.А. Реферовская. – 2-е изд., испр. – М.: URSS : ЛКИ, 2007. – 165 с.
10. Соскина, С.Н. К вопросу о модальности, интенции и интенциональности / С.Н. Соскина, Е.С. Хорольская // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер. Филол. науки. – № 2. – 2009. – С. 16–20.
11. Апресян, Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд. – М.: РАН, 1995. – Т. 1 : Лексическая семантика. – 472 с.
12. Бортэ, Л.В. Проявление связей между частями речи в современном русском языке / Л.В. Бортэ. – Кишинёв : Штиинца, 1979. – 116 с.
13. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола : учеб. пособие / Л.М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.
14. Кодухов, В.И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке / В.И. Кодухов. – Л.: Прибой, 1957. – 86 с.
15. Козлова, Р.П. Глагольное слово в лексической системе современного русского языка / Р.П. Козлова. – М.: Темплан, 1994. – 206 с.
16. Кузнецова, Э.В. Предисловие / Э.В. Кузнецова // Лексико-семантические группы русских глаголов : учеб. словарь-справочник / авт.-сост. Э.В. Кузнецова [и др.]. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 151 с.
17. Ничман, З.В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / З.В. Ничман. – Новосибирск, 1979. – 220 л.
18. Сколотова, И.А. Функционирование фразеологизмов со значением речи в предложении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А. Сколотова; Мос. гос. пед. ин-т. – Горький, 1990. – 23 с.
19. Рубина, Д.И. На солнечной стороне улицы / Д.И. Рубина. – М.: Эксмо, 2013. – 512 с.
20. Алексеева, Н.В. Хронотопические «поля» героя и автора в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» / Н.В. Алексеева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. 1, Филология. – 2011. – № 4. – С. 316–321.
21. Кубрякова, Е.С. Текст и его понимание / Е.С. Кубрякова // Русский текст. – 1994. – № 2. – С. 18–27.

Поступила 02.11.2020

**SPEECH VERBS
AS EXPLICATORS OF THE CATEGORIES OF INFORMATIVENESS AND INTENTIONALITY
(BASED ON DINA RUBINA'S NOVEL ON THE SUNNY SIDE OF THE STREET)**

A. DERECHENIK

The article is devoted to the establishment of the text-forming role of speech verbs in the explication of the categories of informativeness, intentionality based on the material of Dina Rubina's novel On the Sunny Side of the Street. Such concepts as speech verbs, information content, intentionality are defined. A summary semantic classification of speech verbs based on the works of L.M. Vasilyev, V.I. Kodukhov, I.A. Skolotova. The special status of speech verbs, which are the optimal model for cognition of a literary text, have a multicomponent and multidimensional meaning, is emphasized. The author shows how this lexico-semantic group of verbs outlines the semantic, pragmatic and stylistic aspects of the speech behavior of Dina Rubina's characters, participates in the expression of the plot and the formation of the individual author's vision of the world.

Keywords: *speech verbs, categories of text, informativeness, intentionality, Dina Rubina.*

УДК 811.161.1'373.0

**ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА СОСТАВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ РАЗРУШЕНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ПЕРИОДА**

канд. филол. наук Н.Ф. ХОМУСЬКОВА
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)
khomuskova_nf@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию влияния внеязыковых и языковых факторов на состав лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) глаголов разрушения в английском языке среднеанглийского периода. В статье рассматриваются основные причины, повлекшие изменения в словарном составе английского языка исследуемого периода на примере ЛСГ глаголов разрушения. Приводятся примеры глаголов разрушения, заимствованных в среднеанглийский период, исследуются результаты их взаимодействия с исконной лексикой, что выражается в явлении парной синонимии, утрате исконных слов, разного рода семантических преобразованиях. Делаются выводы об изменении этимологической однородности состава ЛСГ глаголов разрушения, семантической и стилистической дифференциации глаголов под влиянием заимствований, снижении продуктивности внутриязыковых способов пополнения словарного состава ЛСГ глаголов разрушения.

Ключевые слова: глаголы разрушения, лексико-семантическая группа, среднеанглийский период, среднеанглийский язык, экстралингвистические факторы, лингвистические факторы, заимствования.

Введение. Изучение лексико-семантических групп (далее – ЛСГ) глагольной лексики является объектом повышенного внимания лингвистов в последние десятилетия. Глаголы разрушения, занимая одно из центральных мест в лексической системе каждого языка, представляют несомненный интерес для ученых. В лингвистических исследованиях конца XX – начала XXI в. глаголы разрушения рассматриваются в разных аспектах: семантическом, функциональном, синтаксическом и др. Большинство таких исследований проводятся, как правило, на материале современного состояния языка, в то время, как исторический аспект остается вне поля зрения ученых. Репрезентируя базовые действия, глаголы разрушения, формируют функционально-семантический класс, особенности которого в значительной мере обусловлены именно историей развития языка, что делает важным и актуальным обращение к диахронической перспективе.

Основная часть. «Словарный состав представляет собой ту сторону языка, которая более всех других подвержена историческим изменениям», справедливо отмечает Ю.С. Маслов [1, с. 24]. Специфические условия исторического развития Англии, такие как скандинавское завоевание в конце древнеанглийского периода (IX–XI вв.), нормандское вторжение в начале среднеанглийского периода (1066 г.), расцвет эпохи Возрождения (XIV–XV вв.) приводят к значительным изменениям словарного состава английского языка. Эти и другие события становятся причиной активного притока заимствованной лексики, основными источниками которой являются скандинавские, французский, латинский языки. Иноязычный вклад в историю английского языка среднеанглийского периода был многообразным и разносторонним, что повлекло за собой как количественные, так и качественные изменения словарного состава в структурном и семантическом отношении.

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности состава лексико-семантической группы глаголов разрушения в среднеанглийский период в результате влияния экстралингвистических и лингвистических факторов. Материалом исследования являются глаголы с семантикой разрушения, извлеченные методом сплошной выборки из корпуса исторических словарей английского языка «Оксфордский словарь английского языка» [2].

Установление нормандского господства и, как следствие, появление многочисленных заимствований из французского языка оказывают, пожалуй, наибольшее влияние на английский язык исследуемого периода. В частности, происходит изменение соотношения исконных и заимствованных слов. Если древнеанглийский язык в большей степени отличался гомогенностью словарного состава и состоял из слов германского происхождения, то в языке среднеанглийского периода преобладают иноязычные слова романской группы языков. Лексикон английского языка пополняется за счет заимствований из нормандского диалекта старофранцузского языка, а с XIV в. – из парижского диалекта этого же языка [3, с. 162, 174]. Выделяют два периода нормандского влияния: ранний – до 1250 г. и поздний – после этой даты [3, с. 47–48]. Официальный статус, который приобретает французский язык во время нормандского правления, укрепляет его позиции, что фактически приводит к ситуации диглоссии – особой форме двуязычия, подразумевающей функциональное неравноправие языков. Французский язык используется преимущественно при королевском дворе, в то время как английский остается языком народных масс. Однако уже с XIII в. постепенно прекращается приток нормандских переселенцев в Англию, и английский язык постепенно возвращает свой статус [3, с. 173–174].

Согласно датам первой фиксации, указанным в лексикографических источниках, большинство глаголов разрушения, заимствованных из французского языка, отмечается в английском языке в XIV в., в меньшей степени они фиксируются в XIII и XV вв. Это соотносится с хронологическими данными, приводимыми лингвистами, которые также называют XIV в. «кульминационной точкой» притока французских заимствований в английский язык [3, с. 48]. Необходимо отметить, что с точки зрения этимологии конечным источником большинства таких заимствований является латинский язык, французский же выступает в качестве языка-посредника.

Заимствованные лексемы принято разделять на две группы: слова, заимствуемые для передачи понятий и явлений, ранее не имевших номенклатурного обозначения в словарном составе языка, и слова, которые не приносят новых, незнакомых для языка понятий, однако приводят к количественным, и к качественным изменениям в семантическом и структурном отношении [4, с. 115–116].

Глаголы разрушения, пополнившие словарный состав среднеанглийского языка, относятся, как правило, ко второй группе заимствований, так как все базовые действия разрушения уже имели свои наименования в древнеанглийский период. Заимствованные глаголы называют действия разрушения самого разного характера, например:

mortifien (нов.-англ. *mortify*) ‘лишать жизни, убивать’ (конец XIV в.) (< ст.-фр. *mortifier* < лат. *mortificāre* ‘убивать, разрушать’ < *mortificus* ‘смертельный’ < *mors* ‘смерть’ + *facere* ‘делать’) [2, vol. 7, p. 678–679];

preien / praïen (нов.-англ. *pray*) ‘разорять, опустошать (место, человека)’ (начало XIV в.) (< фр. *preier* (ранее *preder*) < лат. *praedāri* ‘хватать в качестве добычи’ < сущ. *praeda* ‘добыча’) [2, vol. 8, p. 1341];

stranglen ‘душить’ ‘убивать сжатием горла, особенно с помощью веревки или тому подобного, проходящего через шею’ (конец XIII в.) (< ст.-фр. *estrangler* < лат. *strangulo*, *-atum* < *stranggalaō* ‘затягивать’) [2, vol. 10, p. 1081].

Говоря о заимствованиях, необходимо отметить, что результатом взаимодействия двух языков могут быть утрата исконного слова и замена его заимствованием, исчезновение заимствованного слова, одновременное существование двух слов с возможными семантическими преобразованиями в смысловой структуре одного из них. Все указанные процессы можно наблюдать в составе ЛСГ глаголов разрушения анализируемого периода.

Так, в XIII в. в английский язык входит глагол *wāsten* (нов.-англ. *waste*), происходящий от диалектного северофранцузского *waster* ‘разорять, опустошать, разрушать’, образованного от латинского *vastus* ‘пустынный, необитаемый’ [2, vol. 12, p. 140]. Глагол фиксируется в английском языке в значении ‘опустошать, разорять (землю, город, жителей, собственность и т.д.)’: *Pis lond þat was so riche [they] wastede al to nozte* ‘Они полностью разорили землю, которая была так богата’ (1297 г.) [2, vol. 12, p. 140]. В этом же значении в составе английского языка уже употреблялся исконный глагол *weste* (< др. англ. *westan*), который имел общее происхождение с заимствованием: *Hī his wīcstede wēstan* ‘Он разорил его жилище’ [6]. Под влиянием французского заимствования английский глагол прекращает существование и уступает место иноязычной лексеме. Очевидно, что процессу ассимиляции способствовало то, что французское слово оказалось похожим на исконное; иногда это было естественным следствием того, что французы в какой-то предыдущий период заимствовали соответствующее слово из какого-либо германского диалекта.

Для анализа влияния языковых контактов важно учитывать и состояние языка-реципиента на данном историческом отрезке времени. Так, еще одной причиной беспрепятственного проникновения французских заимствований в английский язык являются лингвистические факторы, а именно упрощение развитой системы флективной морфологии древнеанглийского языка, которое заключалось в распаде грамматической категории рода, унификации формы прилагательных, утрате системы склонения существительных. Все это способствовало более легкой адаптации заимствованных элементов к синтаксическим структурам английского языка.

Вместе с тем заимствованные элементы способствовали изменениям в системе английского языка среднеанглийского периода. Глагольная префиксация была одним из наиболее продуктивных способов словообразования в древнеанглийском языке, однако в среднеанглийский период такие префиксальные дериваты, как, например, *abrecan* ‘разрушать’ и *forbærnan* ‘поглощать’ вытесняются французскими заимствованиями *destroy*, *consume* с соответствующими значениями [7, p. 76]. Такие замены способствовали тому, что традиционные способы словообразования уходили на второй план, в то время как внешние источники пополнения словарного состава становились все более приоритетными. Другими словами, чем больше среднеанглийский язык заимствовал слов, тем менее привычными для него были внутриязыковые способы пополнения словарного состава и наоборот.

Результатом франко-английской диглоссии нередко является одновременное существование в языке исконного глагола и соответствующего ему французского заимствования. Типичным для среднеанглийского периода становится такое явление, как парная синонимия, которое заключалось в использовании синонимических сочетаний, где второе слово уточняет значение первого. Это было продиктовано в первую

очередь практическими целями, так как часто требовалось объяснить значение малознакомого иноязычного слова: *Ye shalle ... be broiled and brent, and sinke in the pitte of helle* 'Тебя следует сжечь и утопить в преисподней' (1450 г.) [2, vol. 1, p. 1122], (сер. XIV в.) (< англо-норманнский *bruiller* < ст.-фр. *brusler* 'жечь') [там же]. В данном случае исконно английский глагол *brennen* (нов.-англ. *burn*) 'терпеть разрушение, повреждение, изменение структуры и свойств от контакта с огнем; превращаться в пепел, золу и т.д. под воздействием огня; быть выжженным, обугленным'; 'разрушать, уничтожать огнем (любой воспламеняемый объект)' призван пояснить значение французского заимствования *broilen* (нов.-англ. *broil*) 'жечь', 'обжигать огнем'. Оба глагола продолжают свое существование в современном английском языке, но с разницей в семантике. Заимствованный глагол описывает способ приготовления пищи, употребляясь в значении 'жарить на открытом огне', в то время как исконный глагол сохраняет свое более обобщенное значение.

Результатом синонимичных отношений французских и исконных слов могла стать не только их смысловая, но и стилистическая дифференциация. Как отмечает О. Есперсен, «исконное слово всегда ближе народу, чем заимствованное, оно имеет самые сильные ассоциации со всем примитивным, фундаментальным, популярным, в то время как французское слово часто более формально, более вежливо, более утонченно и имеет менее сильное влияние на эмоциональную сторону жизни» [8, p. 99]. В качестве примера приведем следующие французские заимствования:

perishen (нов.-англ. *perish*) (XIII в.) 'приходить к внезапному концу; разрушаться; гибнуть, прекращать существование' (< ст.-фр. *periss-* < *perir* 'исчезать' < лат. *perīre* 'теряться, исчезать', 'разрушаться', 'терять жизнь' < *per-* 'через, полностью' + *ire-* 'идти') [OED 7, с. 703];

dēcēsen (нов.-англ. *decease*) (XV в.) 'уйти из жизни; умереть' (< фр. *décéderer*, лат. *dēcēdere* < *deces* 'смерть', *decessus* 'смерть', а также 'уход, отправление') [2, vol. 3, p. 88; 9].

Функционирование этих французских заимствований стилистически ограничено книжной сферой, так как их употребление носит более возвышенный или же формальный характер. Интересно, что глагол *dēcēsen* используется как эвфемизм, что подтверждается его этимологией. Так, латинский субстантив *decessus* выступал в качестве эвфемизма для лексемы *mors* с первичным значением 'смерть', мотивированным соответствующим корнем **mer-* 'умирать' [2, vol. 3, p. 88].

Еще одним источников заимствований в среднеанглийский период являлся латинский язык. Влияние латинского языка было достаточно велико, что связано с использованием его как языка церкви и употреблением в официальных документах и литературе [3, с. 24]. Значительный рост числа латинских заимствований отмечается в период XIV–XV вв., что объясняется пришедшей на смену средним векам эпохой Возрождения, когда заимствования из классических языков непрерывным потоком вливались в английский язык [3, с. 26]. В связи с этим языковую ситуацию в Англии этого периода можно характеризовать как трехязычную с одновременным существованием трех языков: английского – языка простого народа, французского – языка администрации и высших слоев, латинского – языка церкви.

Как уже отмечалось ранее, основная масса латинских заимствований проникала в английский язык косвенным путем, через французский. Прямые заимствования из латинского языка составляют лишь небольшую часть от всей группы глаголов со значением разрушения и относятся преимущественно к концу XIV в., например:

desolaten (нов.-англ. *desolate*) 1) 'лишать жителей, истреблять население'; 2) 'опустошать, разорять, делать бесплодным, непригодным для проживания' (к. XIV в.) (< *dēsōlātus* 'заброшенный, покинутый' < *dēsōlāre* 'покидать, оставлять' < *de-* 'полностью' + *solus* 'одинокий') [5, p. 270];

consūmen (нов.-англ. *consume*) 'уничтожать, разрушать (о действии огня); сжигать, уменьшать до невидимых продуктов или пепла; также о любом похожем разрушительном субъекте' (к. XIV в.) (< *cōnsūmĕre* 'захватывать, уничтожать, разрушать' < *con-* 'всцело' + *sūm-ĕre* 'занимать, удерживать' < *sub-* 'вверх' + *emere* 'брать') [2, vol. 2, p. 886; 5, с. 212];

laceraten (нов.-англ. *lacerate*) 'рвать, разрывать, кромсать; также разделять силой' (нач. XV в.) (< *lacerates* < *lacerāre* 'рвать на части' 'кромсать' < *lacer* 'искромсанный, разорванный') [5, p. 571–572; 2, vol. 6, p. 11] и др.

В ряде случаев сложно установить, заимствован ли глагол через французский язык или же это прямое заимствование из латинского, так как и в том и в другом случае оно бы звучало одинаково. Например, английский глагол *corrōden* 'есть, разгрызать'; 'уничтожать или постепенно разрушать, разъедая структуру (о действии химических веществ или ржавчины по металлу и т.д.)' может соответствовать французскому *corroder* или латинскому *corrodere* [2, vol. 2, p. 1021].

Слова скандинавского происхождения представляют незначительную часть ЛСГ глаголов разрушения. Вхождение их в английский язык датируется только XII–XIV вв. несмотря на то, что контакты германцев со скандинавами имели место еще в древнеанглийский период. Отмечается, что «многие из скандинавских заимствованных глаголов бытовали в английском языке задолго до создания той или иной рукописи и, следовательно, задолго до даты их первой фиксации, приводимой в наших словарях» [4, с. 107].

Глаголы разрушения скандинавского происхождения, так же, как и французские и латинские заимствования обозначают действия разрушения, уже имевшие наименования в английском языке. Обозначая

повседневные, базовые действия, скандинавские заимствования прочно укрепляются в составе нейтральной лексики английского языка. Причина тому – условия проникновения заимствований – непосредственное общение англосаксонского и скандинавского населения и устный путь передачи скандинавизмов [4, с. 105]. Примерами заимствований из скандинавских языков являются глаголы:

riven (нов.-англ. *rive*) ‘разрывать на части, применяя силу’, ‘разрывать руками, когтями и т.д.’; разделять, раскалывать с помощью ножа или оружия’, ‘протыкать’; ‘разрывать, раскалывать с помощью удара, сильного воздействия, давления’; ‘раскалываться, трескаться’ (XIII в.) (< др.-сканд. *rifa* ‘разрывать на части, разбивать’) [2, vol. 8, p. 717; 9];

clippen (нов.-англ. *clip*) ‘резать или отрезать часть’ (XIII в.) (< др.-норв. *clippa*, шведск. *klippa*, датск. *klippe* ‘резать’) [2, vol. 2, p. 506];

cutten / kitten / kitten / ketten (нов.-англ. *cut*) ‘пронизывать острым инструментом, разделяя целостность вещества, материала; ранить острым инструментом, делать надрез; ранить, делать разрез’ (к. XIII в.). (ср. шведск. диалектн. *kuta, kata* ‘резать’, норв. *kutte*, исл. *kuti* ‘нож’) [9, p. 246] и др.

Как и в случае с французскими заимствованиями, имеет место подача скандинавских лексем в составе парных синонимов, где второе слово в паре – исконный глагол – поясняет значение первого: *Fan sche kutte and slitte here cloþes* ‘Затем она порезала свои вещи’ (1387 г.) [2, vol. 2, p. 225]. Английский глагол *slitten* (нов.-англ. *slit*) ‘разрезать с помощью острого инструмента или оружия; делить или рвать, делая длинный прямой надрез или трещину’ объясняет значение синонимичного скандинавского глагола *kutten*. В следующем примере исконно английский глагол *renden* (нов.-англ. *rend*) ‘рвать, разрывать на части’ используется для истолкования значения скандинавизма *riven*: *His kyrtil sal we reue and rend* ‘Разорвем на части его кертл [мужская средневековая одежда]’ (XIV в.) [2, vol. 8, p. 717].

В некоторых случаях результатом борьбы синонимов становится изменение семантики исконных слов. Например, наблюдается сужение значения у среднеанглийского глагола *kerven* (нов.-англ. *carve*). Еще в древнеанглийский период глагол *ceorfan* широко использовался в значении ‘резать’, обозначая это действие во всем многообразии его проявлений, однако со временем под влиянием заимствований, которые стали передавать большинство значений исконных слов, в частности скандинавского *cutten / kitten / ketten*, употребление глагола постепенно ограничивается отдельными значениями, такими, как ‘создавать, вырезая’, ‘резать (мясо и т.д.) на кусочки, ломтики’, ‘украшать, вырезая’, ‘вырезать предметы из твердого материала’ [2, vol. 2, p. 142]. Древнеанглийский глагол *snipan* ‘резать, делать надрез’ под влиянием заимствований и вовсе выходит из употребления в среднеанглийский период [6].

Заимствование скандинавского глагола *dien / dizen / dēzen* (нов.-англ. *die*) (нач. XIV в.). ‘умирать’, имеющего древненорвежское или по другим данным древнеисландское происхождение, приводит к исчезновению синонимичного исконного глагола *swelten* (др.-англ. *sweltan*) ‘умирать’, ‘погибать’ [2, vol. 10, p. 320]. Наблюдается и сужение значения у английского глагола *sterven* (нов.-англ. *starve*), употреблявшегося в древнеанглийский период в значении ‘умирать’. В среднеанглийский период семантика глагола сужается до значений ‘умирать от голода, холода’ [2, vol. 10, p. 847]. Скандинавский глагол прочно закрепляется в словарном составе английского языка, причиной чему могло быть то, что в английском языке на тот момент уже функционировали однокоренные слова *death* ‘смерть’ и *ded* ‘смертельный’, имеющие общую с заимствованием этимологию. Не исключается и тот факт, что глагол мог существовать еще и в древнеанглийский период, а затем снова заимствоваться в поздний древнеанглийский или среднеанглийский периоды [2, vol. 3, p. 335].

Заключение. Итак, состав ЛСГ глаголов разрушения в среднеанглийский период претерпевает изменения, которые были детерминированы, как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами. Следствием активного проникновения иноязычных элементов в английский язык стало 1) преобразование этимологического состава ЛСГ глаголов разрушения от генетически гомогенного к неоднородному; 2) семантическая и стилистическая дифференциация исконных и заимствованных глаголов разрушения; 3) снижение продуктивности внутриязыковых способов пополнения словарного состава ЛСГ глаголов разрушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание : учеб. для филол. спец. вузов / Ю.С. Маслов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 272 с.
2. The Oxford English Dictionary: in 12 vol. / ed. by J. A. H. Murray, H. Bradley, W. A. Craigie, C. T. Onions. – 2nd ed. – Oxford : Clarendon Press, 1961. – 12 vol.
3. Секирин, В.П. Заимствования в английском языке / В.П. Секирин. – Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1964. – 152 с.
4. Ярцева, В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. / В.Н. Ярцева. – М. : Наука, 1985. – 247 с.
5. Barnhart, R.K. The Chambers Dictionary of Etymology / R.K. Barnhart, S. Steinmetz. – Edinburgh : Chambers, 1999. – 1320 p.
6. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth [Electronic resource] / ed. and enlarged by T. Northcote Toller. – Mode of access: <http://www.bosworthtoller.com>. – Date of access: 06.09.2020.
7. Horobin, S. An Introduction to Middle English / S. Horobin, J. Smith. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2002. – 191 p.

8. Jespersen, O. Growth and Structure of the English Language / O. Jespersen. – Leipzig : B.G. Teubner, 1905. – 260 p.
9. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.etymonline.com>. – Date of access: 25.09.2020.

Поступила 26.12.2020

**THE INFLUENCE OF EXTRA-LINGUISTIC AND LINGUISTIC FACTORS
ON THE COMPOSITION OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP OF DESTRUCTION VERBS
IN THE ENGLISH LANGUAGE OF THE MIDDLE ENGLISH PERIOD**

N. KHAMUSKOVA

The article studies the influence of extra-linguistic and linguistic factors on the composition of the lexico-semantic group (hereinafter – LSG) of destruction verbs in the English language of the Middle English period. The article considers the main reasons that led to changes in the composition of the LSG of destruction verbs of the Middle English language. Examples of destruction verbs borrowed in the Middle English period are given, the results of their interaction with the native vocabulary are investigated, which is expressed in the phenomenon of paired synonymy, the loss of native words, and various kinds of semantic changes. Conclusions are made about changes in the etymological composition of the LSG of destruction verbs, semantic and stylistic differentiation of verbs, a decrease in use of internal ways of vocabulary enrichment.

Keywords: *destruction verbs, lexico-semantic group, Middle English period, Middle English, extralinguistic factors, linguistic factors, borrowings.*

УДК 81'373.47

**ИДИОМАТИЧНОСТЬ И ОБРАЗНОСТЬ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕМ
В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ
«ДЕНЬГИ, ПЛАТЕЖИ И ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ (ЭкТ)»**

А.А. ГАЛЫНСКАЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)
solovyova.a.25@gmail.com

В статье представлены результаты анализа русских и английских фразем с обозначениями денег, платежей, финансовых операций (ЭкТ фразем) с точки зрения обнаружения в них таких свойств, как идиоматичность и образность. Выявлена корреляция между количеством образных и необразных идиом, а также идиом и неидиом в русском и английском исследуемом подкорпусе. Охарактеризована семантическая организация русских и английских ЭкТ фразем. Выявленные количественные различия позволяют предположить, что английская экономическая фразеология отражает более образное видение денежных отношений, платежей и финансовых операций, в то время как русское языковое сознание склонно к более строгому и терминологическому восприятию финансов.

Ключевые слова: образность, фразеологическое сочетание, английский язык, русский язык, фразеологическое выражение, идиоматичность, образность, обозначения денег, фразеология, фразеологическое единство, фразеологическое сочетание.

Введение. Материалом для работы послужили русские и английские фраземы, содержащие в себе 100 наиболее частотных непроизводных лексем с обозначениями денег, платежей, финансовых операций (далее – ЭкТ фразем), извлечённых из словарей Кузнецова [1] и Collins [2]. Отбор лексем, относящихся к полю «деньги, платежи», проводился путем компонентного анализа словарных дефиниций. Если в толковании присутствует хотя бы одно ядерное слово, лексема, принадлежащая полю ‘деньги, платежи финансовые операции’ (*деньги, платит, купить, банк* и их морфемные дериваты; *money* ‘деньги’, *pay* ‘платить’, *buy* ‘купить’, *sell* ‘продать’, *bank* ‘банк’, *cost* ‘стоить, стоимость’, *price* ‘цена’, *finance* ‘финансы, финансировать’), то есть основания включить проблемное слово в исследуемое поле. Например, лексема *стипендия* в словаре Кузнецова определяется как ‘регулярное денежное пособие, выдаваемое государством, общественным фондом, частной организацией учащимся в специальных учебных заведениях и на курсах с отрывом от производства’ [1, с. 1269]. В описании слова имеется прилагательное – *денежное*, следовательно, данная лексема может быть включена в поле «деньги и платежи». Лексическая единица *льгота* в словаре Кузнецова определяется как ‘полное или частичное освобождение от соблюдения установленных законом общих правил, выполнения каких-л. обязанностей’ [1, с. 508]. В описании слова нет ни одного входящего в данное поле слова, поэтому лексема *льгота* в состав исследуемого лексико-семантического поля включаться не может. Лексическая единица *cash* в словаре Collins определяется как 1) *banknotes and coins, esp in hand or readily available; money or ready money* ‘обналиченные купюры и монеты, деньги, наличные деньги’; 2) *immediate payment, in full or part, for goods or services* ‘мгновенный платеж полностью или по частям за товары или услуги’; 3) *to obtain or pay ready money for smth* ‘получить или заплатить наличные деньги за что-либо’ [2]. В описании данного слова имеются слова – *banknotes* ‘купюры’, *coins* ‘монеты’, *money* ‘деньги’, *pay* ‘платить’, *obtain* ‘получать’, указывающие на то, что лексема *cash* должна быть включена в подкорпус «деньги и платежи». Отобранный путем компонентного анализа список лексем был сокращен до сотни на основании частотности их употребления. 100 первых непроизводных русских финансовых обозначений были определены по данным О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [3]. Для определения частотности непроизводных английских лексем был использован Collins. Русские фраземы, извлекались из-за заромбовой части словарных статей непроизводных самых частных лексем исследуемого поля. Английские фраземы отбирались из словарных статей непроизводных самых частных лексем исследуемого поля в «Новом большом англо-русском словаре» под редакцией Ю.Д. Апресяна [4]. Идиоматичность, образность, устойчивость – основные особенности русских и английских ЭкТ фразем, которые взяты за основу для исследования. Следует различать полную идиоматичность (отсутствие мотивированности во фраземе) и образную идиоматичность (наличие образной мотивации во фразеологизме).

Принципы выявления свойства идиоматичности у лексических сочетаний. Степень семантической слитности (идиоматичности) фразеологизмов устанавливалась по методике И.А. Мельчука, описанной в статье «О терминах “устойчивость” и “идиоматичность”», из которой следует, что оборот можно считать идиоматичным, если хотя бы один из компонентов фраземы выступает не в своем словарном значении. И.А. Мельчук утверждает, что «комбинация идиоматична только тогда, когда ее конверсионный

эквивалент не совпадает с суммой конверсионных эквивалентов ее частей» [5, с. 75]. Языковед определил следующие условия идиомы: «1. В идиоматической комбинации должно быть хотя бы одно слово с «единичным переводом», то есть с переводом, который возможен только при наличии другого определенного слова (или при наличии только определенного количества переводов). 2. В идиоматическом сочетании слово с единичным переводом должно иметь этот перевод только при одновременном появлении данного слова со всеми остальными элементами. 3. Слово с одним переводом, входящее в идиоматическое сочетание, должно встречаться вне этого сочетания и иметь другой перевод» [5, с. 76–77].

В русских и английских фраземах ЭкТ имеется свойство идиоматичности, когда в не словарном значении используется по крайней мере одна лексема. Русская фразема *бедный родственник*, то есть «о человеке, неравном с кем-либо по материальному положению, положению и достоинству» [1, с. 555], рассмотрим, каким образом выяснилось, содержит ли эта фраза свойство идиомы. Слово *бедный* в этом обороте выделяется в словаре и в прямом значении – «не имеющий достаточных или необходимых средств к существованию» [1, с. 64]. Что касается слова «родственник» в рассматриваемом обороте, то здесь оно означает «человек, не равный кому-либо по материальному положению». Если обратиться к словарной статье *родственник* в словаре Кузнецова («*тот, кто в родстве*») [1, с. 1126], то ясно, что этой лексической единицы в данной фраземе нет в его словарном значении. Так, «родственник» делает фразему «бедный родственник» идиоматичной. Аналогичные принципы выявления свойств идиоматичности, устойчивости и образности были применены в статье К. Салими Абдолмалеки «О степени идиоматичности русских и персидских фразем с обозначениями дня и ночи» [6].

Рассмотрим далее фразему *ходячая монета*, которая означает «распространенная» [1, с. 555]. В этом обороте слово *монета* соответствует словарному значению «металлический знак». Слово *ходячая* также выступает в словарном значении (хоть и не в 1-м, а в 4-м) – «обычный, широко распространенный, широко употребительный», поэтому нет оснований видеть свойства идиоматичности в данном фразеологическом обороте. Так получается в случае со словом *базар*, у которого прямое значение – «предпраздничная, сезонная торговля; место такой торговли», а переносное – «о беспорядочном крике, шуме где-либо» [1, с. 55]. На первый взгляд, понятия, называемые здесь словом *базар*, очень разные, но признак крика, шума, суеты, беспорядка, как на базаре сохраняется в обоих случаях. Так, имеющиеся в слове *банкрот* значения: 1) тот, кто разорился и не способен расплатиться с кредиторами по долговым обязательствам; 2) о том, кто потерпел неудачу, крах в чем-либо [1, с. 58], показывают, что признак краха, несостоятельности сохраняется в обоих случаях, однако в первом значении крах связан с финансами, а во втором значении крах может быть связан с другими сферами жизни. У слова *стоить* прямое значение – «иметь ту или иную цену, денежную стоимость»; переносные: «обладать для кого-л. какой-л. ценностью или значимостью; требовать каких-л. усилий, большого труда для своего осуществления». Объединяющий прямое и переносные значения признак – «цена», однако в прямом значении цена выражена в денежном эквиваленте, а в переносных значениях цена равна ценностям, усилиям, трудам.

Возьмем для сопоставления английское сочетание *money for jam*. Дословно оно означает «деньги за джем/варенье», словарное значение оборота – «деньги, получаемые ни за что или за пустяковую работу» [4]. Существительное *jam* «джем, варенье» в составе данной фраземы имеет не свое словарное, узуальное значение – «*a preserve containing fruit, which has been boiled with sugar until the mixture sets* «варенье из фруктов, сваренное с сахаром до застывания смеси» [2], а не прямое, образное значение «ничто, пустяки». Переносное значение лексической единицы *jam* делает всю фразему идиоматичной.

Иные характеристики имеет английская фразема *sale work*. Дословно это словосочетание означает «работа на продажу»; словарное значение оборота – «товар, изготовленный для рынка»; слово *sale* «продажа» в словаре Collins определяется как «*exchange of goods, property, or services for an agreed sum of money* «обмен товаров, собственности или услуг на согласованную сумму денег»; слово *work* «изделие, продукт» – «*something done as a result of effort or exertion* «что-то сделано в результате усилия или старания». Таким образом, данный оборот следует рассматривать как неидиоматический.

Необразные русские и английские ЭкТ идиомы. Полные необразные идиомы по И.А. Мельчуку – это «семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов является таким же немотивированным и совершенно условным, как и семантика слов с непроизводной основой» [5, с. 79]. В.Н. Телия писала о признаках необразных идиом: «1) сращения – это такие же немотивированные и непроизводные образования, как слово, лишенное внутренней формы; 2) компоненты сращения лишены какого бы то ни было самостоятельного значения; 3) внешняя раздельно оформленность сращения – это лишь дань языковой традиции» [7, с. 22].

Согласно словарю Кузнецова, оборот *игра не стоит свеч* имеет значение «о невыгодном деле, не оправдывающем затраченных усилий, средств» [1, с. 373]. Лексема (*не*) *стоит* выступает в своем словарном значении («(не) иметь ту или иную цену, денежную стоимость»), а узуальная семантика субстантива *свеч* («палочка из жирового вещества с фитилем внутри, служащая для освещения») не связана

со значением фраземы *игра не стоит свеч*. Эта связь имеет исторический характер, так как выражение пришло из речи картёжников и говорит о таком малом выигрыше, который не может окупить даже расходы на свечи, сгоревшие во время игры. На сегодняшний день эти понятия исчезли с обыденной картины мира. Из-за того, что определение *игра не стоит свеч* не мотивирована и не образна, анализируемый оборот необходимо считать полной необразной идиомой (фразеологическим сращением) [4]. К необразным идиомам относятся также фраземы *овчинка выделки не стоит*, *гроша ломанного не стоит*, *выеденного яйца не стоит*, *мизинца не стоит* 'о невыгодном деле, не оправдывающем затраченных усилий, средств' [1, с. 1271], *купить kota в мешке* 'приобрести что-л., не видя и не зная качества покупаемого' [1, с. 542].

Проанализируем английскую фразему *Dutch auction* 'голландский аукцион'. Согласно словарю Апресяна, оборот *Dutch auction* имеет значение: 'публичная продажа, при которой аукционист постепенно снижает объявленную цену, пока не найдётся покупатель' [5]. Слово *auction* 'аукцион' выступает в своем словарном значении ('публичная продажа, при которой товар продаются тому, кто назначает более высокую цену'), а словарное значение существительного *Dutch* 'голландский' никак не связано с семантикой фраземы *Dutch auction*. Эта связь носит страноведческий характер, так как именно такой аукцион с постепенным понижением цен впервые появился среди продавцов цветов в Голландии. Однако на сегодняшний день такие тонкости известны далеко не каждому говорящему. Из-за полного отсутствия мотивированности и образности в определении рассмотренный оборот *Dutch auction* необходимо считать полной необразной идиомой (фразеологическим сращением) [4].

Еще одна английская фразема *penny wedding* 'свадьба за пенни'. По словарю Апресяна, оборот *penny wedding* имеет значение: 'свадьба, устраиваемая гостями в складчину' [4]. Слово *wedding* 'свадьба' ('акт бракосочетания или празднование брака') выступает в словарном значении, а словарное значение существительного *penny* 'пенни' никак не связано с семантикой фраземы *penny wedding*. К необразным английским идиомам также можно отнести фраземы *to sell a bill of goods* 'обмануть, надуть', *to accept smth. at face value* 'принимать что-л. за чистую монету; понимать буквально / в буквальном смысле слова', *a poor relation* 'кто-л. или что-л. неполноценное, заслуживающее жалости; ≅ бедный родственник', *the penny dropped* 'всё понятно, дошло' [4].

Всего в нашем подкорпусе представлено 17 русских фразеологических сращений. В английской картотеке фразеологизмов этого класса также 17.

Образные неустойчивые русские и английские ЭжТ идиомы. Фразеологическое единство определялось Н.М. Шанским как оборот, «неразрывное значение которого возникает в результате слияния значений их отдельных частей в единую обобщенную образную семантику целого» [8, с. 81]. Пошагово опишем, как выявляется наличие или отсутствие образности в семантической структуре фраземы. Рассмотрим английскую фразему *to pay for a dead horse*. Дословно она означает 'платить за мертвую лошадь; словарное значение оборота – 'платить за что-л. ненужное, потерявшее свою цену' Лексема *to pay* 'платить' используется в словарном значении: *to give (money) to (a person) in return for goods or services* 'отдать (деньги) (лицу) в обмен на товары или услуги' [2]. В данной фраземе сочетание *a dead horse* 'мертвая лошадь' выступает в переносно-образном значении: 'ненужное, потерявшее свою цену' (мертвая лошадь уже не приносит никакой пользы, не работает на благо своего хозяина). Наличие наглядно-образного представления (благодаря соотносительности с умершим животным) в семантике фраземы дает основания для отнесения ее к образным идиомам (к фразеологическим единствам). Большая фразеологическая активность английских слов объясняется более длительным периодом функционирования и большей многозначностью античных континуантов в английском языке, которая, в свою очередь, является следствием высокой продуктивности конверсивного способа словообразования в английском языке. Так, в слове *to bribe* 'давать взятку' прямое значение *to promise, offer, or give something, usually money, to (a person) to procure services or gain influence, esp. illegally* 'обещать, предлагать или давать что-то, обычно деньги, (человеку) для приобретения услуг или получения влияния, особенно незаконно' имеет общий признак с переносным *to pursue or lure* 'убеждать, склонять к чему-либо, заманивать' [2]. Признак – убеждение, заманивание для выполнения выгодных для говорящего действий, однако в переносном значении выгода может быть не только финансовой. Слово *buy* 'покупать' сходно со своим русским эквивалентом имеет перенос значения: 1) *to acquire by paying or promising to pay a sum of money or the equivalent* 'приобрести, заплатив или обещая заплатить некоторую сумму денег'; 2) *to bribe or corrupt; hire by bribery* 'подкупать или коррумпировать; нанять, действовать подкупом' [2]. Схожий признак значений – купить, заплатив определенную сумму, однако если в прямом значении дословно покупается что-то, то в переносном «покупают» кого-то. В слове *gold* 'золото' можно наблюдать метафорический перенос по признаку сходства: прямое значение *a coin or coins made of this metal* 'монета или монеты из этого металла'; переносное значение *something precious, beautiful, etc. such as a noble nature (esp. in the phrase heart of gold)* 'что-то драгоценное, красивое и т.д., также, как благородные металлы (особенно во фразе *сердце из золота*)', т.е. неденежное понятие приравнивается к «стоимости» драгоценного металла.

Проиллюстрируем взаимосвязь многозначности и фразеологической активности паронимичных русских и английских континуантов на нескольких примерах. Так, рус. *гимназия, гимнастика, гимнастический,*

имеющие по 1–2 узуальных значения, не входят в состав фразеологического оборота. Английские параллели схожи по объему семантики (*gymnastics* – 2 значения, *gymnasium* – 2 значения, *gymnastic* – 1 значение [2]), однако в гнезде континуантов имеется сокращение *gym*, использующееся в значениях однокоренных слов и входящее в состав 6 фразем: *gym rat*, *gym bunny* ‘разг. человек, проводящий много времени, упражняясь в спортивном зале’, *gym class* ‘урок физкультуры’, *gym gear* ‘спортивная одежда’, *gym shoes* ‘легкая спорт. обувь’, *jungle gym* ‘турник для детей’ [2]. Большее количество значений английских лексем *demon* (7 значений) [2] и *diet* (6 значений) [2] в сравнении с русскими параллелями (*демон* – 3 значения [1, с. 250], *диета* – 1 значение [1, с. 258]) также является предпосылкой к их фразеологизации: *be a demon for work* ‘работать с азартом, с увлечением’ [1, с. 209]; *demon driver*, *speed demon* ‘лихач’ [2]; *the demon drink* ‘алкогольный напиток’; *a diet of something* ‘слишком много скучной и неблагоприятной деятельности’ [2], *dietary fibre* ‘пищевые волокна’, *dietary habit* ‘пищевая привычка’, *dietary supplement* ‘пищевая добавка’, *dietary vegan* ‘человек, который по соображениям здоровья не ест мясо, но использует другие продукты животного происхождения’ [2].

Образность фраземы можно определить как наличие в сознании носителей языка смысловой связи между узуальным и дословным значениями фраземы и наглядного образа при ее семантизации. Образные обороты менее идиоматичны, чем полные немотивированные идиомы. Например, в синонимичных фразеологических оборотах *архивный червь*, *архивная крыса пренебр.* ‘О человеке, всецело погруженном в книги или предающемся исключительно канцелярской работе’ [1, с. 48] относительно прилагательное *архивный* передает более общее значение производящей основы *архив* ‘книги, документы’, не зафиксированное в словаре. Компоненты *червь* и *крыса* использованы в данной фраземе в словарных переносных значениях (*крыса* ‘О человеке, род занятий, деятельность которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное [1, с. 476]; *червь* ‘книжн. О человеке, увлеченном каким-л. делом, полностью отдающемся ему’ [1, с. 1471]). Выразительная метафоричность значений существительных позволяют отнести данные фраземы к образным идиомам.

Русская фразема *плакали мои денежки* по словарю Кузнецова означает ‘денег не осталось, все деньги потрачены’. Все внимание сфокусировано на глаголе *плакали*, который создает идиоматичность и образность во фраземе. *Плакали* в данной фраземе означает *испытывать отрицательные эмоции, когда что-то заканчивается, исчезает* [1]. Наглядная образность (благодаря эмоциональной соотнесенности) в значении фраземы позволяет включить ее в класс образных идиом. К этому классу фразем можно отнести следующие фразеологизмы русского подкорпуса: *толстый*, *тугой*, *полный карман у кого* ‘о наличии у кого-л. больших денег’, *дрожать*, *трястись над каждой копейкой* ‘проявлять крайнюю скупость’, *двойная бухгалтерия* ‘о лицемерных, двурушнических действиях кого-л.’, *акции чьи-л. повышаются (падают)* ‘Повышается (снижается) значение, влияние кого-, чего-л.’.

Неидиоматические, но устойчивые фразеологические обороты. В.В. Виноградов первым в русской лингвистике описал существование такого лексического значения, которое появляется только в сочетании с другим определенным словом (или с двумя одинаковыми словами): «Типом словосочетаний, образованных реализацией нежелательных значений слов, целесообразно называть все фразеологические сочетания. Фразеологические сочетания не являются безусловными смысловыми единицами. В этих сочетаниях лексема с несвободным значением допускает синонимическую замену. Аналитичность, присущая словосочетанию, также может быть сохранена при ограничении контекста использования несвободного слова только в одной или двух фразах» [9, с. 159]. В.В. Виноградов также отмечал: «Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание отделимости и заменимости фразеологически несвободного слова (например, *затронуть чувство чести*, *затронуть чьи-нибудь интересы*, *затронуть гордость* и т.п., ср. *здеть*)» [9, с. 159–160].

Неидиоматические и неустойчивые обороты с русскими финансовыми обозначениями. Фразеологическое выражение, выделенное Н.М. Шанским, – это «устойчивый в своем составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободными значениями. Основной специфической чертой, отграничивающей фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, является то, что в процессе общения они не образуются говорящим, как последние, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением» [8, с. 84]. В порядке иллюстрации семантической организации неидиоматического оборота приведем пример фраземы античного происхождения *apothecaries' weight* (дословно ‘аптекарский вес’) со значением ‘система весов, ранее использовавшаяся в аптеке, основанная на Тройской унции, которая содержит 480 гранов’ [2]. В данном обороте существительное *apothecaries'* в притяжательном падеже указывает на отношение обозначаемой системы весов к аптечному делу, а компонент *weight* использован в словарном значении ‘система единиц веса’ [2]. Все компоненты фраземы выступают в своих словарных значениях, следовательно оборот можно отнести к неидиоматическим оборотам. Приведем еще несколько примеров неидиоматических оборотов: англ. *archival storage* ‘архивное хранилище’ ‘метод сохранения информации вне внутренней памяти компьютера’ [2], англ. *athletic sports* – ‘соревнования, в которых требуется хорошая физическая

подготовка' (рус. *спортивные состязания* [2], рус. *анатомический театр* 'помещение, специально оборудованное для вскрытия и препарирования трупов' [1, с. 1309], англ. *operating theatre* 'операционная' [4, с. 576], рус. *с тёмной, светлой аурой* 'о плохом или хорошем воздействии, оказываемом кем-л. на окружающих' [1, с. 52], рус. *День Ангела* 'именины' [1, с. 39], англ. *in the last/final analysis* 'в конечном счете' [4, с. 108].

Исследование показало, что в анализируемых подкорпусах присутствуют фраземы с русскими и английскими обозначениями денег, которые являются неидиоматичными. В таких оборотах все слова выступают в своих словарных значениях (прямых или переносных). В порядке иллюстрации семантической организации неидиоматичности приведем пример фраземы *за копейку отдать* 'продать слишком дешево' [1, с. 455]. В данном обороте существительное *копейка* указывает на 'денежную единицу, равную одной сотой рубля; монете этого достоинства' [1, с. 455]. Глагол *отдать* означает 'предложить что-л. за плату; продать', его значение не является ни переносным, ни образным. Значит данный оборот является неидиоматическим оборотом и относится к группе фразеологических выражений.

Аналогичные характеристики обнаруживаются в фраземе *быть в долгу* из-за заромбовой части словарной статьи в словаре Кузнецова со значением 'быть обязанным кому-л. в чём-л.' [1, с. 270]. В данном обороте существительное *долг* указывает на 'обязанность перед кем-, чем-л.' [1, с. 270]. Глагол *быть* по своему значению не является ни переносным, ни образным. На основании того, что оба компонента фраземы выступают в своих словарных значениях, мы относим оборот к неидиоматическим оборотам. В русском анализируемом подкорпусе к неидиоматическим и неустойчивым оборотам можно отнести следующие обороты: *ни на копейку (грош) нет* 'нисколько нет чего-л.', *считать (каждую) копейку* 'испытывать большую нужду: бережливо, экономно расходовать деньги', *за копейку уступить, отдать* 'продать слишком дешево', *как одну копейку заплатить, выложить, истратить* 'всё целиком, полностью (о больших суммах денег)', *наложенный платёж* 'вид денежного расчёта, при котором стоимость товара взывается с получателя почтой, железной дорогой и т.п. для передачи её отправителю' [1].

Более наглядно результаты анализа ЭкТ фразем русского и английского подкорпуса можно представить на рисунке.

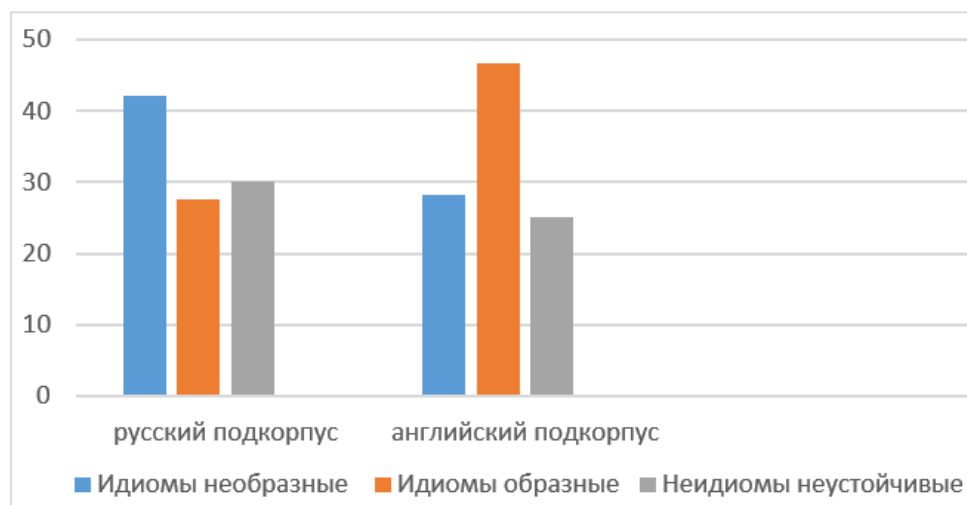

Рисунок. – Количественное соотношение разных классов фразем с обозначениями денег, платежей, финансовых операций в рассмотренном русском и английском материале.

Заключение. Руководствуясь методикой И.А. Мельчука, выделенный нами русский и английский подкорпус самых частых фразем, обозначающих деньги, финансовые операции и платежи, структурно можно разделить на четыре класса: идиомы образные, идиомы необразные, неидиомы неустойчивые, неидиомы устойчивые [10]. Количественное соотношение образных идиом составляет 69,7% от общего количества ЭкТ фразем, в то время как в рассмотренной английской ЭкТ фразеологии образные идиомы составляют 74,9%. Следовательно, русский подкорпус ЭкТ фразем не так идиоматичен, как английский. Однако обращает на себя внимание тот факт, что полные русские идиомы (42,2%) сопоставимы с образными английскими идиомами (46,6%), а образные русские идиомы (27,5%) имеют процент, приблизительно аналогичный необразным английским идиомам (28,3%). Неидиоматические устойчивые фраземы во всех подкорпусах отсутствуют. Неустойчивыми оказались все русские и английские ЭкТ неидиомы. Стоит предположить, что английская экономическая фразеология отражает более образное видение

денег и денежных отношений, платежей и финансовых операций, в то время как русское языковое сознание склонно к более строгому и терминологическому восприятию финансов. Выявленные различия во фразеологической структуре русских и английских фразем с обозначениями денег, платежей, финансовых операций имеют практическую ценность для дальнейших исследований экономических фразеологизмов: их необходимо учитывать при выявлении типов различий межъязыковых параллелей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка (130 000 слов и выражений) / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; авт. и рук. проекта, гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Collins Dictionary of English Online [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com>. – Date of access: 23.03.2020.
3. Ляшевская, О.Н. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс] / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. – Дата доступа: 23.03.2020
4. Новый большой англо-русский словарь: ок. 250 000 слов : в 3 т. / Ю.Д. Апресян [и др.] ; под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. – М. : Рус. яз., 1994.
5. Мельчук, И.А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И.А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73–80.
6. Салими Абдолмалеки, К. О степени идиоматичности русских и персидских фразем с обозначениями дня и ночи / К. Салими Абдолмалеки // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2015. – № 2. – С. 39–45.
7. Телия, В.Н. Что такое фразеология / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1966. – 89 с.
8. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1969. – 232 с.
9. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–161.
10. Mel'čuk, I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics / I. Mel'čuk // Idioms: Structural and Psychological Perspectives / ed. by M. Everaert [et al.]. – Hillsdale; Hove : Lawrence Erlbaum Associates, 1995. – P. 167–228.

Поступила 28.12.2020

**IDIOMATICITY AND IMAGERY OF RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEMES
IN THE LEXICO-PHRASEOLOGICAL FIELD
“MONEY, PAYMENTS AND FINANCIAL TRANSACTIONS”**

A. HALYNSKAYA

The article presents the results of the analysis of Russian and English phrasemes with money, payments, financial designations from the point of view of their idiomaticity and imagery. A correlation between idioms and non-idioms in the Russian and English subcorpus has been found. The semantic organization of Russian and English financial phrasemes has been characterized. The revealed various linguistic assumptions show that the English economic phraseology reflects more imaginative vision, talking about money, payments, financial transactions, while the Russian speakers are inclined to perceive finances in a stricter and more terminological way.

Keywords: *imagery, phraseological combination, phraseological expression, idiomaticity, money designations, phraseology, phraseological unity, the Russian language, the English language.*

УДК 811.112.2'367(075.8)

СОЧЕТАЕМОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИСОЕДИНЕННОГО ЭЛЕМЕНТА
В НЕМЕЦКОМ РАЗДЕЛЕННОМ ВОПРОСЕ

Н.В. УГРИНОВИЧ

(Минский государственный лингвистический университет)

natalia_bordak@mail.ru

В фокусе внимания данной статьи находится анализ присоединенных элементов немецкого разделенного вопроса, благодаря которым реализуется коммуникативная функция запроса информации. Выявлены типы невопросительных частей данного структурного вопросительного типа, установлены семантико-прагматические свойства различных присоединенных элементов. В результате анализа ответов респондентов-носителей языка были определены возможные сочетания выявленных присоединенных элементов с различными невопросительными частями.

Ключевые слова: разделенный вопрос, присоединенный элемент, семантика, прагматика, невопросительная часть разделенного вопроса.

Введение. Актуальную проблематику современных лингвистических исследований составляет изучение функциональной и коммуникативной сторон языковых явлений. Исследование вопросительного предложения представляет особый интерес, так как оно является одной из сложных языковых единиц, обладающей большим прагматическим и коммуникативным потенциалом.

Вопрос может быть облечен в различные синтаксические конструкции. Семантические, прагматические, коммуникативные характеристики различных разновидностей вопроса на материале разных языков изучены достаточно подробно. Однако такая сложная, активно используемая в диалогической речи, языковая структура как *разделенный вопрос*, объект данной работы, рассматривалась лишь с позиции структурного синтаксиса. В лингвистической литературе в отношении данной языковой единицы не существует терминологического единства. Данную вопросительную структуру называют по-разному: сегментированным вопросом [1], расчлененным вопросом [2; 3], вопрос с концовкой (tag-question) [4]. В немецких источниках данные конструкции номинируются с семантической точки зрения или как Bestätigungsfragen 'вопросы-утверждения', или как Vergewisserungsfragen 'вопросы-подтверждения' [5, S. 904–905].

Мы используем термин «разделенный», поскольку синтаксически и структурно данный вопрос в немецком языке разделен на две *автономные* части – невопросительную и конечную вопросительную. Последняя выражена морфологически независимым присоединенным вопросительным элементом, благодаря которому данные конструкции становятся *единым* вопросительным высказыванием, имеющим целью запрос информации: *Sie kennen ihn, oder?* 'Вы его знаете, или?'. В таких вопросах утверждение явно преобладает над вопросительностью. Постпозиция конечных элементов, поддерживаемая восходящим тоном, способствует вовлечению собеседника в коммуникативный процесс, реализуя одновременно апеллятивную функцию и регулируя смену коммуникативной роли, поэтому конечные элементы И.П. Сусов называет также «метакоммуникативными» [6, с. 10], апеллятивными. За адресатом сохраняется право на собственное мнение, которое запрашивается адресантом с помощью вопросительной мелодии [7, с. 23]. Присоединенные элементы побуждают адресата к реакции, что способствует вовлечению его знаний о ситуации в оценку называемого события и производит совершенно иной прагматический эффект, чем сообщение, ср.:

Das ist großartig, nicht? 'это великолепно, нет?'

И: *Das ist großartig.* 'это великолепно'.

При этом необходимо подчеркнуть функциональную ограниченность данных вопросительных форм неофициальным дискурсом [8].

Разделенный вопрос в немецком языке обслуживает в соответствии с иллокутивным замыслом говорящего и условиями речевого общения разнообразные коммуникативные ситуации. Однако отсутствие критериев различия при употреблении той или иной лексемы в качестве присоединенного элемента делает актуальным обращение к анализу сочетаемостных характеристик вопросительных элементов с невопросительной частью в немецких разделенных вопросах. Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе анализировались разделенные вопросительные единицы, отобранные из диалогов немецкоязычной художественной литературы. На основании полученных данных на втором этапе проводился опрос респондентов для выявления корреляций присоединяемой лексемы и невопросительной части.

Основная часть. На предварительном этапе исследования из диалогов произведений художественной литературы на немецком языке методом сплошной выборки были отобраны диалогические единства, содержащие разделенные вопросы. Их объем составил 729 высказываний. Анализ материала показал, что в качестве присоединенных элементов могут выступать 11 различных лексических единиц (*ja* 'да', *nicht* 'не', *nicht wahr* 'не правда ли', *oder* 'или', *oder nicht* 'или нет', *also* 'итак', *wie* 'как', *was* 'что', *he* 'эй', *klar* 'ясно', *verstanden* 'понятно'), относящихся к разным частям речи. При этом частотность отдельных вопросительных элементов в эмпирическом материале оказалась различной (таблица 1).

Таблица 1. – Относительная частотность употребления присоединенных элементов в эмпирическом материале

<i>was</i> 'что'	<i>nicht war</i> 'не так ли'	<i>ja</i> 'да'	<i>oder nicht</i> 'или нет'	<i>nicht</i> 'нет'	<i>wie</i> 'как'	<i>oder</i> 'или'	<i>verstanden</i> 'понятно'	<i>hej</i> 'эй'	<i>also</i> 'итак'	<i>klar</i> 'ясно'
31%	27%	1%	9%	6%	6%	5%	2%	1%	1%	1%

Максимально отмечены два вопросительных элемента *was* 'что' и *nicht wahr* 'не правда ли', которые продемонстрировали практически равное количество в выборке и составили вместе 2/3 всего корпуса материала.

Несмотря на то, что все выявленные конечные вопросительные элементы в своей основной функции – апеллятивности – синонимичны, наличие в немецком языке столь разных лексем в данной роли позволяет предположить, что они обладают определенными семантико-прагматическими отличиями, что обуславливает в различных ситуациях выбор говорящим той или иной лексемы. Анализ материала выявил, что в зависимости от семантико-прагматических характеристик конечных элементов их можно объединить в три группы:

1) элементы, подчеркивающие ожидание согласия с высказанным предположением: частицы *ja* 'да', *nicht* 'не', междометия *nicht wahr* 'не правда ли', союз *oder* 'или', сочетание *oder nicht* 'или нет', частица *also* 'итак', например: *Du hilfst mir, ja?* 'ты поможешь мне, да?';

2) элементы, усиливающие настоятельность говорящего в получении ответной реакции: вопросительное местоимение *was* 'что', вопросительное наречие *wie* 'как', междометия *he* 'эй', например: *Herrlich ist es hier, wie?* 'прекрасно здесь, как?';

3) элементы, используемые говорящим с целью проверки коммуникативной успешности: наречия *klar* 'ясно', причастие *verstanden* 'понятно', например: *Die Antworten sind nicht so gut, verstanden?* 'ответы не такие хорошие, понятно?'.

Исследователи отмечают, что разделенный вопрос представляет собой контаминацию двух коммуникативных типов – сообщения и вопроса – с двойной иллокутивной силой: информативной и побудительной, каждая из которых содержится в «своей» части вопроса [7, с. 23]. Эмпирический материал, однако, показал, что в данном структурном типе вопроса могут соединяться также побуждение и вопрос: *Lass das, klar?* 'Оставь это, ясно?'. В таком случае наблюдается только побудительная иллокуция, а побуждение в вопросительной форме становится менее категоричным. Однако такие структуры представлены нечасто, в 7% выборки.

Анализ материала позволил выделить следующие типы невопросительной части разделенного вопроса:

- утверждение с прямым порядком слов без модальных маркеров (*du hast es gemacht* 'ты это сделал');
- утверждение с прямым порядком слов, где пропозиция подвергается оценке (*das ist großartig* 'это великолепно'; *man hat es gut gemacht* 'это сделано хорошо');
- утверждение с инвертированным порядком слов с эмфатическим выделением определенного элемента (*müde bist du* 'уставший ты');
- утверждение с модальными маркерами (*du hast sicher Bärenhunger* 'ты точно зверски голоден');
- побуждение (*lass uns in Ruhe* 'оставь нас в покое').

На основании полученных данных на следующем этапе исследования было проведено анкетирование с целью определения возможных сочетаемостей конечных элементов с различными типами невопросительных частей. В анкетировании приняли участие 14 носителей немецкого языка в возрасте от 21 до 27 лет, получающие высшее лингвистическое образование в университете г. Билефельд, ФРГ. Информанты должны были в письменном виде соотнести выявленные на предварительном этапе отдельные конечные присоединенные элементы с разными изолированными вариантами первой части.

Анализ показал, что сочетаемостные возможности присоединенных элементов различны. При этом ни один конечный элемент не показал стопроцентную комбинаторику с установленными типами невопросительных частей (таблица 2).

Таблица 2. – Результаты соотнесения информантами вопросительных элементов с изолированными невопросительными частями

Невопросительная часть	Вопросительный элемент коррелирует с невопросительной частью, %										
	<i>nicht wahr</i>	<i>oder</i>	<i>oder nicht</i>	<i>was</i>	<i>nicht</i>	<i>ja</i>	<i>wie</i>	<i>he</i>	<i>also</i>	<i>klar</i>	<i>Verstanden</i>
<i>Du hast es gemacht</i>	93	93	93	71	50	36	36	36	14	7	0
<i>Das ist großartig</i>	86	93	93	64	57	7	14	21	0	21	21
<i>Man hat es gut gemacht</i>	86	79	86	64	43	14	7	21	7	14	14
<i>Müde bist du</i>	93	79	79	57	57	43	0	29	29	0	7
<i>Du hast sicher Bärenhunger</i>	86	100	93	64	57	7	21	36	7	0	0
<i>Lass uns in Ruhe</i>	0	0	0	7	0	71	7	0	7	71	64
среднее значение (<i>m</i>)	74	74	74	54,5	44	29,7	14,2	23,8	10,7	18,8	17,7
ранг сочетаемости	I			II	III		IV				
коэффициент отклонения в показаниях респондентов ($\kappa\tilde{v}$)	3,83	9,39	6,26	23,7	6,3	25,3	12,1	7,5	11	29	25,2

Среднее значение корреляций (*m*) рассчитано для каждого вопросительного элемента с использованием формулы $m = (a_1 + a_2 + \dots + a_n) / n$, где *a* – относительный показатель ответов респондентов (в %), а *n* – число невопросительных частей в опросном бланке. При обработке анкет была рассчитана также степень отклонения эмпирической корреляции от 1,0 (полной корреляции), или стандартный разброс показаний информантов вокруг средней арифметической, как мера ошибки предполагаемой корреляции одной переменной с известными значениями другой [9]. Коэффициент $\kappa\tilde{v}$, определялся по формуле

$$\kappa\tilde{v} = \sqrt{\sum \frac{(x_1 - x_{cp.})^2}{n-1}},$$

где x_1 – суммарное количество вопросительного элемента в анкете;

$x_{cp.}$ – среднее значение относительного показателя ответов респондентов.

Полученные данные о сочетаемости невопросительной части и присоединенного элемента позволили выделить четыре уровня сочетаемости и ранжировать присоединенные элементы на группы:

1) с высоким уровнем сочетаемости, где информанты фиксируют сочетания наиболее последовательно (выше 70%);

2) со средним уровнем сочетаемости, где средняя корреляция составила 50–70%;

3) со средненизким уровнем сочетаемости со средней корреляцией от 30 до 50%;

4) с низким уровнем сочетаемости, где средняя корреляция оказалась ниже 30%.

Так, в первую группу с широкими сочетаемостными возможностями входят междометие *nicht wahr* ‘не правда ли’, союз *oder* ‘или’, соединение союза и отрицательной частицы *oder nicht* ‘или нет’. Информанты отмечают, что данные языковые единицы соединяются со всеми предложенными первыми частями, кроме побудительной, при этом относительный разброс данных оказался незначительным, составив $\kappa\tilde{v} \approx 7\%$. Невозможность сочетания с побуждением (**Lass uns in Ruhe, oder?* ‘*Оставь нас в покое, или?’) обусловлена семантикой данных единиц, которые в качестве конечных элементов выражают предположение или сомнение. Междометие *nicht wahr* ‘не правда ли’ не имеет стилистической окраски, благодаря своей эпистемической семантике оно призывает собеседника только подтвердить сказанное в вопросе: «я предполагаю, что это так, подтверди это». Союзное слово *oder* ‘или’, а также его соединение с отрицательной частицей *oder nicht* ‘или нет’ указывают на сомнение говорящего и побуждают слушателя самому сформулировать альтернативу, т.е. предоставляют адресату коммуникативную свободу.

Ко второй группе, характеризующейся меньшими сочетаемостными возможностями, относится вопросительное местоимение *was* ‘что’, средний показатель сочетаемости которого составил 54,5%.

В отличие от первой группы элемент *was* соединяется с любой невопросительной частью, однако разброс показаний информантов оказывается выше ($\kappa\tilde{v} \approx 24\%$), что говорит о неуверенности информантов при определении корреляций данного элемента. С помощью вопросительного элемента *was* говорящий запрашивает мнение адресата о препозиции невопросительной части в целом («ну что?/что скажешь по этому поводу?»), а не подтверждение своего предположения. Опрос информантов выявил также, что вопросы с конечным элементом *was* звучат как менее дружелюбные. Они используются в речи, когда между речевыми партнёрами существуют либо оппозиционные отношения, либо отношения подчинения. Очевидно, именно поэтому данный элемент комбинируется с утверждениями различного вербального наполнения на $\approx 25\%$ реже, чем элементы первой группы.

Третья ранговая группа представлена частицами *ja* 'да' и *nicht* 'не'. Средние показатели их сочетаемости составили 30% и 44% соответственно, при этом коэффициент отклонения оказался достаточно высоким $\kappa\tilde{v} = 25,3\%$.

Частица *nicht* 'не', как показал анализ, соединяется со всеми предложенными первыми частями, кроме побудительной, демонстрируя такие же сочетаемостные свойства, как и единицы первой группы (**Lass uns in Ruhe, nicht?* 'Оставь нас в покое, нет?'). Она маркирует ожидание положительного ответа от адресата, иными словами, его согласия.

Частица *ja* 'да' сочетается с любой первой частью, но с достаточно разнящимися относительными показателями (от 7% до 71%). Данная лексема тяготеет к комбинации с невопросительной частью-побуждением, что отмечено информантами в 71% ответов: *Lass uns in Ruhe, ja?* 'оставь нас в покое, да?'. С невопросительными частями, содержащими оценку или модальный маркер со значением уверенного предположения, частица *ja* в качестве вопросительного элемента фиксируется респондентами редко (7%): *Du hast sicher Bärenhunger, ja?* 'я уверен, ты точно, да?'. Следует отметить, что в зависимости от просодии фразы она может маркировать либо ожидание подтверждения от адресата, либо небольшое сомнение говорящего в сообщенном в утвердительной части. Такая низкая корреляция, возможно, обусловлена тем, что анкетирование проводилось на письменных примерах.

К четвертой группе присоединительных элементов, характеризующейся низким уровнем сочетаемости, относится вопросительное наречие *wie* 'как', наречие *klar* 'ясно', партицип 2 *verstanden* 'понятно', частица *also* 'итак', а также междометие *he* 'эй'. Средний показатель их корреляций оказался ниже 30%.

Лексема *wie* 'как' не сочетается с утвердительной частью с фокусом на первом элементе (**Müde bist du, wie?* 'Устал ты, как?'). Данная единица реализует значение вопросительного наречия, а именно запрос о характере признака либо о степени выраженности признака. Очевидно, что при отсутствии указания на носителя некоего признака в первой части вопроса данная лексема невозможна, ср.: *du*_{носитель признака} *bist müde*^{признак} < > *man hat es gut*_{оценка} *gemacht*. Вопросы с конечным элементом *wie* характеризуются определенными стилистическими нюансами: так, информанты фиксируют, что конечный элемент *wie* придает высказыванию несколько фривольный характер или оттенок насмешки.

С частицей *also* 'итак' информанты отмечают редкие возможные сочетания с невопросительными частями, что доказывает среднее значение показателя сочетаемости, которое составляет лишь 13%. При этом ее максимальный показатель (30%) отмечен в структуре с эмфатическим порядком слов: *Müde bist du, also?* 'уставший ты, итак?'. Словарь Дуден указывает, что данная единица используется в вопросах с эмоциональной окраской и, как правило, в начале вопросительной структуры, поскольку она суммирует и продолжает то, что было сказано [10]: *also, kommst du jetzt oder nicht?* 'Итак, придешь ты сейчас или нет?'. В данной работе анализировались, однако, структуры только с конечными элементами.

Синонимичные наречие *klar* 'ясно' и партицип 2 *verstanden* 'понятно' в качестве присоединенных элементов указывают на то, что говорящий хочет удостовериться не в истинности пропозиции, а в том, что информация воспринята правильно, и получить от адресата подтверждение: «ответь, понятно ли, что я сказал». Респонденты фиксируют для данных лексем наиболее вероятное сочетание с побудительной частью *Lass uns in Ruhe, verstanden?* 'оставь нас в покое, понятно?'. При наличии такой вопросительной части говорящий подчеркивает ожидание безоговорочного согласия на совершение действия. Минимально (21%) данные единицы коррелируют с невопросительной частью, где пропозиция имеет оценочный характер: *Das ist großartig, verstanden?* 'Это великолепно, понятно?'

Междометие *he* 'эй', относящееся к сниженному регистру общения, к разговорной сфере, в силу своей функционально-стилистической ограниченности, сочетаясь со всеми предложенными невопросительными частями, за исключением побуждения, демонстрирует низкие показатели сочетаемости ($\approx 14\%$).

Результаты анализа сочетаемостных возможностей немецких конечных элементов могут быть обобщены в схеме¹, представленной на рисунке.

¹ В схеме учитывались максимальные показатели возможных сочетаний невопросительных частей и конечных элементов (не менее 30%).

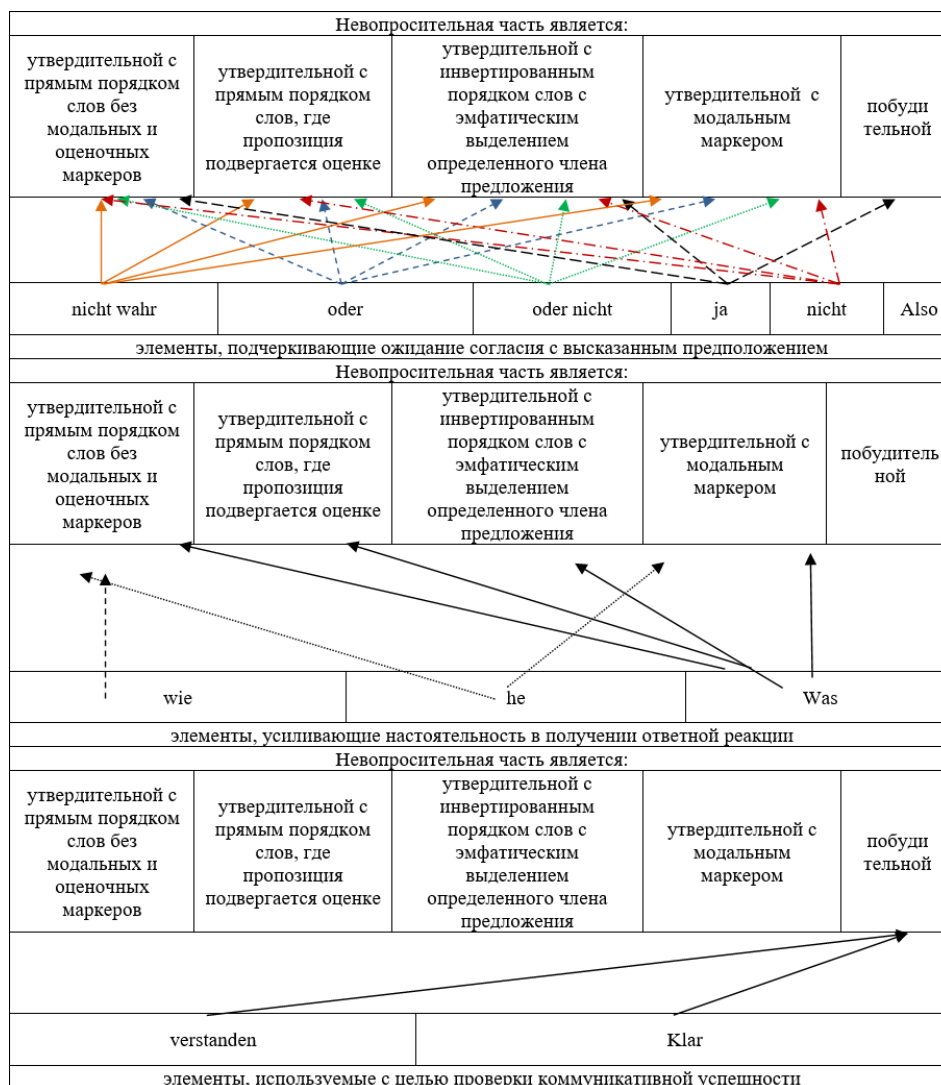

Рисунок. – Возможные сочетания невопросительных частей и конечных элементов на основе их семантико-прагматических характеристик (со средним значением сочетаемости выше 30%)

Заключение. Таким образом, любой присоединенный элемент, реализуясь с восходящим тоном, осуществляет в вопросе одну и ту же семантическую функцию: трансформирует утверждение или побуждение в сферу вопросительности. При этом с его помощью говорящий выполняет несколько прагматических задач: апеллирует к адресату, снижает категоричность всего высказывания, что способствует коммуникации, и маркирует ожидание подтверждения.

Выделенные в ходе исследования 11 единиц, которые могут использоваться в немецком разделенном вопросе, не являются взаимозаменяемыми. Их возможные сочетания с невопросительной частью, которая может быть как утвердительной с или без модальных маркеров, а также с эмфазой любого грамматического члена предложения, так и побуждением, определяется следующими факторами: с одной стороны, коммуникативным характером невопросительной части вопроса, с другой стороны, семантико-прагматической спецификой единиц, выступающих в качестве вопросительных присоединенных элементов. Следует, однако, отметить, что пропозициональное содержание невопросительной части накладывает определенные ограничения на сочетания с данными единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко, И.С. Сегментированные вопросы в современном английском языке: структурно-коммуникативный анализ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.С. Шевченко. – Харьков, 1987. – 159 л.
2. Бердникова, Л.П. Подтвердительные вопросы в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Л.П. Бердникова. – М., 1972. – 222 л.

3. Цурикова, Л.В. Вопрос и прагматический диапазон вопросительного предложения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л.В. Цурикова. – Воронеж, 1992. – 173 л.
4. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk [et al.]. – London : Longman, 1985. – 1779 p.
5. Duden. Die Grammatik: in 12 B. ; 9 Auflage. – Berlin : Duden, 2016. – В. 4. – 1344 S.
6. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц : сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т ; отв. ред. И.П. Сусов. – Калинин, 1984. – С. 3–12.
7. Сытько, А.В. Модальность предположения в вопросительных высказываниях и средства ее выражения в немецком языке (на материале общих вопросов): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Сытько. – Минск, 2004. – 131 л.
8. Сытько, А.В. Участие просодических средств в выражении уверенного предположения в вопросах (на материале немецкого языка) / А.В. Сытько // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2004. – № 4 (16). – С. 123–133.
9. Оксфордский толковый словарь по психологии [Электронный ресурс] / под ред. А. Ребера. – Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/slovar-s55.htm>. – Дата доступа: 21.03.2020.
10. Duden, Deutsches Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.duden.de/woerterbuch>. – Дата доступа: 29.02.2020.

Поступила 14.10.2020

SELECTIONAL CHARACTERISTIC OF A TAG IN THE GERMAN TAG-QUESTION

N. UHRYNOVICH

The subject of the study is the analysis of tags in the German tag-question, thanks to which the communicative function of requesting information is realized. Are revealed the types of non-questioning parts of this structural interrogative type, the semantic and pragmatic properties of various attached elements are established. As a result of the analysis of the respondent's answers were determined possible combinations of the identified attached elements with various non-questioning parts.

Keywords: *tag-question, attached element, semantics, pragmatics, non-questioning part.*

УДК [81'38:811.161.3]:82-3 В.Быкаў

**ДЫНАМІКА КАМУНІКАТЫЎНАЙ ПРАСТОРЫ
ПРАЗАІЧНАГА ДЫСКУРСУ ВАСІЛЯ БЫКАВА**

канд. філал. навук, дац. Т.Я. СТАРАСЦЕНКА
(*Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка*)
tstarascienka@gmail.com

Артыкул прысвечаны аналізу эксплікацыі камунікатыўных мадэлей аўктарыяльнага і дыягетычнага наратыву Васіля Быкава сярэдзіны ХХ стагоддзя. Яны рэалізуюць адметнасць унутранай дыялагізацыі, якая адрозніваецца ад традыцыйнага разумення дыялога як рэплік персанажаў. Навізна гэтага даследавання ў тым, што ўпершыню проза В. Быкава разглядаецца ў рэчышчы камунікатыўнай стылістыкі. Вылучэнне мадэлей асноўных камунікантаў, сярод якіх наратар і персанаж, а таксама персанажы, дазваляе па-новаму асэнсаваць спецыфіку стылю пісьменніка, усвядоміць асаблівасць ужывання моўных сродкаў. У артыкуле значная ўвага звернута на граматычныя эксплікаты, у прыватнасці дзеясловы, зольныя праз апазіцыі ствараць адметныя мастацкія вобразы і такім чынам удзельнічаць у мастацкай камунікацыі. Даследаванне пацвярджае, што дынаміка прازیчнага дыскурсу залежыць ад імпліцытнага дыялога і сродкаў яго вербалізацыі.

Ключавыя словы: *наратар, персанаж, аўктарыяльны, дыягетычны, апазіцыя, эксплікацыя, камунікатыўная мадэль.*

Уводзіны. Пераключэнне пунктаў гледжання з наратарскага на персанажны ў аўктарыяльным аповедзе стварае ўнутраную дыялагізацыю прازیчнага дыскурсу, калі імпліцытны кантакт, эксплікаваны разнастайнымі моўнымі сродкамі, пацвярджае нетрадыцыйныя формы камунікатыўнай прасторы мастацкага тэксту праз модусы ўспрымання, разважання і ўспаміну герояў. У залежнасці ад ідыястылю пісьменніка можа пераважаць той ці іншы модус або назірацца іх кантамінацыя. У дыягетычным аповедзе кантакт паміж персанажамі таксама выяўляецца імпліцытна. Мэта гэтага артыкула – прааналізаваць дынаміку камунікатыўнай прасторы аўктарыяльнага і дыягетычнага прازیчнага дыскурсу В. Быкава сярэдзіны ХХ стагоддзя.

Асноўная частка. У прозе В. Быкава сярэдзіны ХХ стагоддзя дамінантным з'яўляецца модус успрымання, які ўключае пункт гледжання героя на ваенныя падзеі, мірнае жыццё і прыроду. Экспрэсія вайны і чалавека на вайне ўплывае на ўзаемадзеянне наратарскага і персанажнага маўлення, калі голас «іншага» незаўважна пранікае ў сферу апавядальніка. Гэта назіраецца на ўзроўні прэдыкатыўных частак складанага сказа: *Клімчанка хіснуўся ніжэй, прыгнуўся, але зараз жа выпрастаўся, азірнуўся – на пяць крокаў ззаду, расчырванеўшыся маладым белабрысым тварам, бег з аўтаматам ягоны ардынарац Косця («Пастка»); Клімчанка ўжо ўбачыў перакапаную траншэю вышыню – усю, ад лесу да пакатага схілу ў бок вёскі, на якім на разорах і пад узмежжамі бялелі рэдкія плямы бруднага, змерзлага ўранні снегу («Пастка»); На момант адарваўшыся ад вады, ён зірнуў угору, – над ім мільгала ў кулаку запальнічка і расплываўся ў нейкай недарэчнай ухмылцы страшны ... твар з вялікімі і валасатымі ноздрамі... («Адна ноч»); Яна, захліпаючыся ад стомы і хвалявання, узлезла на пагорак, але дарога была пустая («Незагойная рана»).* У прыведзеных прыкладах кантамінацыя пунктаў гледжання апавядальніка і персанаж адбываецца ў кантэксце сказа, прычым пераход да сферы суб'екта рэпрэзентуецца «з дапамогай слоў, якія ўказваюць на ўяўленне таго ці іншага прадмета» [1, с. 148]. Такімі словамі ў В. Быкава выступаюць дзеясловы *азірнуўся, убачыў, зірнуў, узлезла* – маркёры пераключэння ўвагі ў персанажную сферу. Гэта прэдыкаты перфектнага значэння з аспектуальна-тэмпаральнай семай выніковасці, а ўспрымання героя перадаюць дзеясловы імперфектнага значэння з аспектуальна-тэмпаральнай семай працягласці дзеяння. Іменны прэдыкат *пустая* вербалізуе нязбытнае жаданне маці ўбачыць свайго сына. Імперфектныя формы ўспрымання героя прысутнічаюць і ў большых па аб'ёме тэкставых сегментах. Трывальна-часавыя формы дзеясловаў, як зазначае Г.А. Золатава, «служачь сродкамі тэмпаральнай арганізацыі тэкставай структуры і – разам з тым – інструментам яго кампазіцыйна-сінтаксічнага аналізу» [2, с. 13]. Унутры закончанага трывання даследчыца адрознівае дынамічны аорыстыў і выніковы перфектыў, закончанага трывання – імперфектыў працэсуальны і з узуальнай характарыстыкай [2, с. 13–14]. Працэсуальны імперфект персанаж В. Быкава з семай вялікага душэўнага напружання ў шчыльнасці дзеяння ахоплівае значную працягласць дынамікі персаніфікаваных суб'ектаў. Наратарскі сказ *Пасля рвануўся за ротай працягваецца ўжо ў персанажным дыскурсе з акцыянальнай рэматычнай дамінантай: Кулі густа нізаль паветра, зыўкалі, вераішчалі, на ўсе галасы скуголілі, дзяўблі мерзлы дол пад нагамі,*

пырскаючы жарсцвянай зямлэй. Хмурнае паднябессе гуло, галасіла, пішчала... («Пастка»). Кантэкст апавядальніка ...Клімчанка, паддаючыся расслабляючай сіле цяпла, агледзеўся ўводзіць пункт гледжання «іншага» з характарыстычным імперфектам героя і адпаведна якаснай рэматычнай дамінантай: *Здаду праз шыбку ў філёнцы пранікала слабае святло хмарнага дня; разам з агеньчыкам у плошчы яно ўсё ж асвятляла прыродную сцяну, скрозь залепленую бясконцым паўторам аднаго і таго ж плаката ... Пад плакатам дзясятка разоў паўтараўся подпіс на рускай і нямецкай мовах* («Пастка»). Аспектуальная апазіцыя *перфект/імперфект* дазваляе адчуць пункт гледжання суб'екта ў экзегетычным наратыве В. Быкава і з модусам успрымання прыроды. Пераключэнне наратарскай увагі ў дыкурс «іншага» рэпрэзентуюць перфектныя прэдыкаты *зірнуў, прывяла: Лейтэнант зірнуў у адзін бок...* («Пастка»); *Дарога прывяла старую ў нейкі лясок* («Незагойная рана»). Дынаміка персанажнага пункту гледжання эксплікуецца імперфектнымі формамі ў функцыі цяперашняга працяглага, што вызначае пераноснае ўжыванне часу з семай мірнага жыцця. Апазіцыя *вайна/мір* у персанажа звязана з сімвалічным асэнсаваннем сюжы і вясновага абуджэння прыроды, якое хочацца затрымаць надоўга: *Там-сям у раўчуках, разорах, на надлеску марнелі-дацівалі бы наждак хрусткія на марозе лапіны снегу, гуляў над прасторамі вецер, – сушыў зямлю. На змену бясконца доўгае сюжы ішла вясна* («Пастка»). Максімальная набліжанасць да моманту ўспрымання выўляецца і ў імперфекце з функцыяй цяперашняга працяглага Тэклі: *Абапал шляху цесна стаялі елкі, шумелі, гулі ў ветранай высі іх верхавіны. На доле шамацела змецае ў каляіны лісце, блішчалі лужыны рудой, мутнай вады* («Незагойная рана»). Пейзажнае ўспрымання «ад наратара» асіметрычнае ўспрымання «ад персанажа» ў аспектуальным плане і сіметрычнае ў стылістычным. Для параўнання: *...з прырэчных равоў папаўзлі шэрыя космы туману; лёгкія дымчатыя струмені яго пацягнуліся над ціхім плёсам* («Круты бераг ракі»); *Апоўдні над вёскай запанавала няпэўная цішыня* («Страта»). Наратарскае апісанне з выніковым перфектывам стварае фон для пераходу да канкрэтыкі дзеяння, якое важна для В. Быкава. Яго героі раскрываюцца не столькі праз статыку сузірання свету, колькі праз дынаміку, змены, тыя падзейныя аспекты, дзякуючы якім магчыма пранікнуць ва ўнутраны свет асобы. І толькі часам, крыху спыняючыся ў хуткім рытме жыцця, героі дазваляюць сабе спакойна азірнуцца навокал, асабліва ўжо ў кантэксце мірнага жыцця. Так, модус успрымання герайні апавядання «На сцяжыне жыцця» Фрузыны ўключае элемент разважання, адметнасць якога Н.Ю. Салтанавы бачыць у адсутнасці дакладных межаў паміж самім разважаннем як асобным функцыянальна-сэнсавым тыпам мастацкага тэксту і такімі тыпамі тэкстаў, як апісанне і апавяданне [3, с. 13]. Наратарскае маўленне *Жанчына ўвайшла ў сенцы, намацала ў кішэні ватоўкі ключ, адамкнула дзверы пераключаецца на персанажны план успрымання, апісальна-статычны тэкставы сегмент якога мае рэфлексію галоўнай герайні: У пакойчыку было холадна – ужо два дні яна не паліла грубкі, пахла нечым неабжытым і пакінутым. Чагосьці тут не хапала ў гэтай кватэры, хоць і было ўсё прыбраны – і вузкі лоджак з высока паабітай падушкай і лебедзямі на танным дыванку на сцяне, і вымытая падлога, засланая наўскаска палавічком, і накрыты марляю посуд на невялічкім століку. У апавяданні «Незагойная рана» з модусам успрымання героя часавы план аўтарыяльнага апавядальніка мяняецца з развіццём сюжэта: ад прэзэнсных формаў з аспектуальна-тэмпаральным значэннем пастаяннага дзеяння (*Буяе над абшарамі сцюдзёны асенні вецер, змятае пад прызбы пажоўклае лісце, гайдае мокрае галлё ў садку...*; *Тэгля сячэ, адпачывае ў кароткіх перапынках і ўвесь час азірае дарогу...*) да эпічнага прэтэрыту з сямантыкай працэсу і эмацыянальна-экспрэсіўнай канатацыяй. Арганізацыя тэматычнай лініі наратара, заснаваная на сінтаксічным паралелізме, параўнальных зваротах, стварае спачувальныя адносіны да Тэклі. Вобразы прыроды і ўнутранага стану жанчыны-маці выбудоўваюць адносіны перасячэння праз кантамінацыю імперфектных і перфектных формаў з семай трылогі. Напрыклад, у фрагменце:*

У небе ўсё гусцелі барвовыя хмары, яны не плылі цяпер, а збіраліся, тоўпіліся над прасторамі, быццам здумаўшы нешта нядобрае. Распываўся з-за краявіду сіняваты змрок, далячынь сцягнула, насупілася ў прадчуванні непагадзі. Пэўна, блізіўся вечар, ці мо ад хмар цягнула да часу. На сіверным ветры замільгала рэдкія сняжынкі.

*Тэгля некуды ішла, ужо і сама не ведала, куды і па што. Усё больш апаноўвалі яе роспач і гора, яна ведала пэўна, што шчасце не спаткае яе на гэтай дарозе. Але не магла яна і вярнуцца назад – не было ўжо сілы ў яе на тое вяртанне першае ядро У небе ўсё гусцелі барвовыя хмары рэалізуе мікратэму прыроднай непагадзі, сэнсава сіметрычную другому ядру з мікратэмай душэўнага стану Тэклі *Усё больш апаноўвалі яе роспач і гора*. Наратар, сінтэзуючы прыроднае і чалавечае, стварае інтэграваную мадэль свету з паралельным разгортваннем знешняга і ўнутранага, пра што Г.Б. Курляндская піша так: «Паралельна з карцінай знешняга прыроднага свету і ў цеснай сувязі з ёй разгортваецца карціна ўнутранага душэўнага стану персанажаў» [4, с. 79]. Часавы план апавядальніка пачатку твора кантрастуе з часавым планам персанажа ў яго модусе ўспрымання, але сінанімізуецца ў асацыятыўным плане. У наратара: *Яна доўга яшчэ глядзіць на сумны пагорак, гразкую дарогу і бачыць...* Прэтэрытны фон Тэклі эксплікуе такія ж асацыяцыі тугі і роспачы. У далейшым час наратара і персанажа мае граматычную сіметрыю і асіметрычнасць паводле*

семантыкі: для апавядальніка прэтэрытнае значэнне дзеясловаў становіцца проста канстатацый факта, для героя набывае ацэначны характар у прэдыкатах *радаваліся, хвалілі, паважалі, насталеў, падрас*. Мінулае з семай радасці кантрастуе з цяперашнім пастаянным Тэклі, асацыятыўна звязаным з безнадзейнасцю чакання. Прэзенс гаротнага стану жанчыны сінанімізуецца з прэзенсам перцэптуальнага хранатопу сну, дзе трывожная танальнасць аповеду прасочваецца ў аднародных сінтаксічных структурах з актуалізацый дзеяслоўных прэдыкатаў: *Але ён ідзе вельмі марудна, часта спыняецца, становіцца на калені...; Яна ўжо ведае, што нешта страшнае, непапраўнае здарылася з яе Васількам*. Дынаміка камунікатыўнай мадэлі (КМ) *наратар – персанаж*, як бачым, разгортваецца па меры развіцця сюжэтнага часу, у выніку чаго апазіцыя *наратар/персанаж* можа актуалізавацца або «здымацца», што залежыць ад граматыкі ці ад семантыкі часавых формаў суб'ектных перспектывы.

У творах В. Быкава «Праклятая вышыня», «Мёртвым не баліць», «Ранак-світанак» прысутнічае дыягетычны наратар, якога Н.А. Ніколіна акрэслівае як «моўцу» («рассказчика») [5, с. 95]. На наш погляд, парадыгматычныя і сінтагматычныя адносіны персанажных намінацый, эксплікаваных займеннікавымі формамі, садзейнічаюць не столькі агульнай семантычнай звязнасці тэксту, яго кагерэнтнасці і рэалізацыі макраструктуры, колькі перасячэнню канструктаў вобразаў герояў. Персанажы ўзаемадзейнічаюць паміж сабой фізічна і духоўна, іх аднасці ў гэтым плане спрыяе займеннік *мы*, які, мяркуючы па дыскурсе В. Быкава, супастаўляе дзейных асоб у семе 'агульная справа', а раз'яднанасці – займеннік *ён* з эфектам супрацьпастаўлення па семах 'фізічны стан', 'духоўны стан'.

Дыялагічную прыроду тэкставых кампанентаў на ўзроўні асабовых займеннікаў выяўляе і КМ *я – ты* аповесці «Мёртвым не баліць». Канектарны рад субстанцый «я» дыягетычнага наратара «як асаблівага складніка структуры літаратурнага твора, адной з яго галоўных семантычных фігур» [6, с. 217] звязаны з пэўным эмацыянальным станам у разгортванні апазіцыі *рэальнае/ірэальнае*. Рэальнае як рэтра-спектыўны план мадэлюе апавядальніка ў іменных і дзеяслоўных прэдыкатах з дамінантнай семай 'віна', узмоцненай паўторам: *Так, я вінаваты таксама. Вінаваты перад табой і перад тваёй маці...; Каюся, я доўга вагаўся і недзе гады праз два пасля вайны паслаў ёй паштоўку...; Што ж, я вінося перад табой і каюся*. Прэзенс віны кантрастуе з ірэальнасцю цяперашняга стану наратара, эксплікаванага кан'юнктывам з мадальным значэннем дэлібератыўнасці. «Я» адмаўляе свае дзеянні ў мінулым, пераглядаючы адносіны да найлепшага сябра, якому шмат у чым дапамог, праз дыялагічны па сваёй сутнасці маналог з адлюстраваннем мадыфікацыі ранейшага «я»: *Цяпер бы я не зрабіў бы так; Я б пастараўся не аддаліцца ад цябе; Мабыць, я раней зразумеў бы тваю роспач, і яна б не абарвалася тым недарэчным стрэлам...* Неапраўданы комплекс віны субстанцыі «я» мінулага фарміруе яшчэ адну субстанцыю «я» – удумлівага суб'екта цяперашняга, рэпрэзентаванага разважаннем з кантамінацый ацэнкі і прэскрыпцыі (з камунікатыўнай мэтай вызначэння дзеянняў для выйсця з пэўнай жыццёвай сітуацыі): *Цяпер я разумею, што ў адносінах да цябе, параненага, паставіўся амаль па-здрадніцку. Трэба было мне не адыходзіць ад цябе да канца*. Выснова прэскрыпцыі, актуалізаваная прэдыкатывам *трэба* ў спалучэнні з інфінітывам, у пэўным сэнсе мадэлюе субстанцыю будучыні «я», гатовага з улікам набытага вопыту да перамен. Адрасант «ты» разглядаючы мадэлі мае рэферэнцыю (Юрка), вербалізаваную карэфэрэнтнымі намінацыямі-метафарамі іменных прэдыкатаў, канатацыйна ўзмоцненымі азначэннямі з семай асаблівай значнасці ў паралельных сінтаксічных канструкцыях: *Ты – самы вялікі мой боль у жыцці. Ты – незагойная мая рана*. Тэма-рэматычная арганізацыя прэдыкатыўнай часткі з узростаўнай сэнсавай і эмацыянальна-экспрэсіўнай градацый *...а ты муляеш, крываточыш і баліш...* кульмінацыйна працягваецца лакатывам духоўнага стану, эксплікаваным месным склонам з дадатковым адценнем паўнаты горкага пачуцця: *...ты – рана ў сэрцы*. Цяперашняе пастаяннае адрасанта «ты», вербалізаванага назоўным склонам з семай несмяротнасці, супрацьпастаўлена эпічнаму прэтэрыту з семай фізічнай смерці, у якім канектарны рад адрасанта фарміруецца толькі ўскоснымі асабовымі і прыналежнымі формамі *табой, тваёй, тваю, цябе, тваё*. Гэта дазваляе актуалізаваць апазіцыю *назоўны склон/ускосныя скланы* з кантраснымі семамі, паколькі граматыка мае значны ўплыў на эксплікацыю сэнсу, параўнальны нават з уздзеяннем трапеічных сродкаў. «Ты» як пачатковая форма ў граматычных адносінах мадэлюе вечную памяць пра сябра – надзейнага і светлага чалавека, а ўскосныя формы, падуладныя аб'ектыўным фактарам, здольны мяняць асобу толькі фізічна. У выніку такога падыходу актуалізуецца першааснова духоўнага стану, якая працягваецца ў памяці іншых, застаецца ўзорам, прыкладам для пераймання.

Варта адзначыць, што аповесць «Мёртвым не баліць» мае адметную кампазіцыйную будову з чаргаваннем двух асноўных планаў – рэтраспектыўнага і цяперашняга, якія, перасякаючыся ў прэзенснай форме падачы, аб'ядноўваюцца і архісемай 'вайна'. Дынаміка КМ *я – я* рэпрэзентуецца палітрай разнастайных пачуццяў і перажыванняў дыягетычнага наратара, для якога мінулае і сучаснасць – узаема-пранікальныя сутнасці. «Я» мінулага (*я 1*) і сучаснага (*я 2*) – разважлівыя іпастасі асобы, але *я 1* у сваім разважанні-прэскрыпцыі – актыўны суб'ект, які шукае выйсця. Гэта эксплікуюць прэдыкатыўныя формы з інфінітывамі: *Танкі! Адкуль яны ўзяліся тут, і што мне, падстрэленаму, рабіць далей? Вядома, трэба як хутчэй далажыць начальству. Трэба прымаць нейкія захады, нельга дапусціць, каб у тылах батальёнаў*

былі танкі. Разважанне я 2 звязана найперш з рэфлексіяй, калі ў мірны час ваенныя падзеі аналізуюцца ўжо з пазіцыі разумення іх глыбіні. Суб'ект не столькі дзейнічае, колькі экспрэсіўна ацэньвае колішнія факты праз: 1) звароткі-адухаўленні: *Ці не хопіць, праклятая вар'ятка вайна? Ці не мала табе таго, што ты нарабіла на зямлі дваццаць гадоў назад? Навошта ты яшчэ і цяпер джаліш людзей сваім зазубленым джалам?*; 2) пыталыныя сказы з паўтарамі: *Але няўжо цяпер, праз шмат гадоў пасля вайны, калі столькі перавярнулася ў грамадскім жыцці краіны, няўжо нічога не змянілася ў свядомасці гэтых людзей?*; 3) апавядальныя сказы з ацэначнымі азначэннямі: *Гэта страшная, часам невытлумачальная з'ява – фашызм... Мне здаецца, гэты сфінкс разгадваецца проста: шалёная актыўнасць адных пры мяшчанскай пакорлівасці другіх.* Дынаміка я 1, прэсупазіцыйна абумоўленая трагедыяй ваеннага часу, супрацьпастаўлена філасофскай разважлівасці я 2.

Заклучэнне. Такім чынам, мастацкі дыялог – гэта не толькі рэплікі персанажаў у традыцыйным разуменні, але і імпліцытны кантакт, які складваецца паміж наратарам і персанажам аўтарыяльнага аповеду і персанажамі дыягетычнага аповеду. Такі кантакт эксплікуецца разнастайнымі моўнымі сродкамі, якія актуалізуюць ідыястыль пісьменніка.

ЛІТАРАТУРА

1. Ахметова, Г.Д. Живой литературный текст / Г. Д. Ахметова. – М. : Ваш полиграфический партнер, 2012. – 232 с.
2. Золотова, Г.А. Категории времени и вида с точки зрения текста / Г.А. Золотова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 8–29.
3. Салтанова, Н.Ю. Специфика рассуждения в художественном тексте (в сравнении с рассуждением в научном тексте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.Ю. Салтанова ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2008. – 18 с.
4. Курляндская, Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста / Г.Б. Курляндская. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1972. – 344 с.
5. Николина, Н.А. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н.А. Николина. – 4-е изд., испр. – М. : Академия, 2014. – 272 с.
6. Zawadzki, A. Autor. Podmiot literacki / A. Zawadzki // Kulturowa teoria literatury. Główne pojęcia i problemy / red. M. Markowski, R. Nycz. – Kraków : Universitas, 2006. – S. 217–247.

Пасмыніў 21.12.2020

DYNAMICS OF COMMUNICATIVE SPACE PROSAIC DISCOURSE VASIL BYKAU

T. STARASCIENKA

The article is devoted to the analysis of the explication of communicative models of the auctorial and diegetic narrative by Vasil Bykau in the middle of the 20th century. They realize the distinguishing characteristic of internal dialogue, which differs from the traditional understanding of dialogue as replicas of characters. The novelty of this study is that for the first time V. Bykov's prose is considered in the context of communicative stylistics. The nomination of models of the main communicants, among which the narrator and character, as well as the characters, allows us to rethink the specifics of the writer's style, to realize the peculiarity of using language tools. The article pays great attention to grammatical explicants, in particular verbs capable of creating distinctive artistic images through the opposition and participating in artistic communication. The study confirms that the dynamics of prosaic discourse depend on implicit dialogue and the means of verbalizing it.

Keywords: narrator, character, auctorial, diegetic, opposition, explication, communicative model.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «УРОВНЕВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ КАК ИНОСТРАННЫМ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

(Полоцк, 20 марта 2020 г.)

Проблемное поле Международного научно-практического семинара «Уровневая концепция владения русским как иностранным в системе российского и белорусского вузовского образования» включает в себя следующие аспекты: система уровней владения русским языком как иностранным, уровни владения русским языком как иностранным в системе вузовского образования, европейская, белорусская и российская классификация уровней владения языком, актуальные проблемы методики организации учебного процесса в вузах, уровни владения русским языком как иностранным при повседневном общении, процедура тестирования и оценивания результатов.

В нынешних условиях международный научно-практический семинар имел формат телемоста, связавшего между собой тридцать пять педагогов и методистов из Беларуси, Италии и Узбекистана. Трансляция семинара проходила в режиме реального времени, а результатом работы участников семинара явилась видеозапись выступлений докладчиков, с которой может познакомиться каждый на сайте кафедры славянской филологии в разделе «Конференции и мероприятия», перейдя по ссылке: <https://www.psu.by/fakultety/gf/kafedra-slavyanskoj-filologii>.

В рамках телемоста «Зарубежный опыт в преподавании русского языка как иностранного» были заслушаны доклады исследователей из Италии и Узбекистана: **З.М. Рузиевой** «Проблемы преподавания русского языка как неродного», **Х.Х. Гамбаров** «Обучение русскому языку как иностранному в вузах Узбекистана», **Н.К. Гусевой** «Страноведческий потенциал русского директива в иноязычной университетской аудитории», **Дж. Мораччи** «Система лексических уровней в «Силлабус русского языка» итальянского Министерства образования для преподавателей русского языка в учебных заведениях Италии», **М.К. Ферро** «Обучение языковому посредничеству в межкультурной коммуникации в итальянских университетских программах. Новые материалы для преподавания русского языка учащимся, имеющим базовый (А2/ТБУ) уровень владения языком».

В рамках телемоста «Теоретические аспекты преподавания русского языка как иностранного» были заслушаны доклады **А.В. Коротких** «Обучение чтению художественной литературы при овладении русским языком как иностранным на разных уровнях студентами-филологами (на материале творчества Саши Чёрного)», **С.М. Лясевич** «Формирование компетенций сертификационного уровня В2 в преподавании курса "История белорусской культуры, языка и литературы" для иностранных студентов» и **Н.В. Нестер** «Специфика использования немых анимационных фильмов в практике преподавания русского языка как иностранного».

После небольшого перерыва международный научно-практический семинар продолжился в формате круглого стола «Практические аспекты преподавания русского языка как иностранного». Были обсуждены доклады **Н.Г. Апанасович** «Использование современных видеоматериалов в курсе РКИ (на материале короткометражного фильма "Я иду к тебе")», **Д.А. Куликовой** «Обучение лексике по теме "Природа" на занятиях по русскому языку как иностранному (на материале картины А. Карпана "Меневние")», **А.А. Молчановой** и **Е.В. Лазаревой** «Обучение иностранных студентов речевой коммуникации в профессиональной деятельности: методическое сопровождение», **С.Н. Понимащенко** «Особенности преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения», **Л.Н. Урбан** «Роль и учёт индивидуально-психологических особенностей личности при изучении русского языка как иностранного».

Приятным завершением рабочего дня стал методический интерактив **И.А. Антиповой** «Активные методы преподавания русского языка как иностранного».

По разным причинам многие из заявленных в программе семинара докладов не смогли быть представлены в режиме реального времени, поэтому с текстами данных докладов можно будет познакомиться в сборнике материалов Международного научно-практического семинара «Уровневая концепция владения русским как иностранным в системе российского и белорусского вузовского образования».

канд. филол. наук, доц. **Н.В. Нестер**
(Полоцкий государственный университет)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В СТАНОВЛЕНИИ: ПЕРЕКРЕСТКИ, КОНТАКТЫ, ПОСРЕДНИКИ»**

(Полоцк, 15–16 октября 2020 г.)

В разные годы кафедра мировой литературы и иностранных языков гуманитарного факультета Полоцкого государственного университета проводила международные конференции и научные семинары, выведившие проблематику изучения истории литературы на более широкий контекстуальный уровень¹. Суть их заключалась в необходимости осмысления стремительной интеграции гуманитарных наук за последние десятилетия, приводящей зачастую не столько к положительным результатам, сколько к произвольному и неоправданному заимствованию терминологического аппарата из самых разных дисциплин.

В рамках настоящей конференции предполагался для обсуждения следующий круг вопросов:

– Можем ли мы сегодня (вслед за Гёте) считать, что понятие «мировая литература» приобретает права «законности» (становится легитимным) только в XIX веке? Возможен ли научный синтез исторического и современного взглядов на историю мировой литературы? Как мы его себе представляем?

– Историй всемирной (мировой, всеобщей) литературы написано очень много. В чем их ценность и недостатки? Каким образом мы сегодня можем написать историю мировой литературы? Можем ли мы ее писать, абстрагируясь от современного уровня естественно-научной мысли и современной геополитической ситуации в мире?

– Можно ли выработать объективные научные критерии для рассмотрения национальной литературы во всемирном историко-литературном контексте? Какие продуктивные концепции истории мировой литературы предлагают сегодня ученые разных стран?

– Какие существенные сдвиги произошли в XIX–XXI вв. в пантеоне крупнейших представителей мировой литературы (что «пододвинулось» к вершине и что «отодвинулось» от нее)? Под влиянием каких факторов подобные «передвижки» происходят? Каковы критерии и конкретные обстоятельства (неожиданного?) выдвижения на первый план уже почти забытых на многие десятилетия писателей?

– Достижения каких ученых (и почему) мы можем сегодня предложить в качестве важного ориентира для выработки современных концепций истории мировой и национальной литературы? Стоит ли в этих (новых) историях больше внимания уделять региональным аспектам становления национальных литератур и их изменчивости в процессе исторического развития?

Предложенное в названии конференции уточнение («перекрестки, контакты, посредники») располагало не столько к абстрактно-теоретическим размышлениям, сколько к рассуждениям, основанным на материале конкретных литератур и конкретных произведений. Образцами такого рода исследований стали пять пленарных докладов. Первый из них подводил итоги многолетним занятиям поэзией, драматургией и прозой экспрессионизма *А.А. Гугнина* («*Духовно-нравственное и художественное наследие немецкого и австрийского экспрессионизма в контексте европейской культуры: от "Бури и натиска" до постмодернизма*»). Основатель полоцкой научной филологической школы предложил особое определение литературного феномена начала XX в. с точки зрения историко-контекстуального подхода. На уровне синхронии творчество писателей и художников Германии и Австрии 1910-х гг. предстает как квинтэссенция катастрофического мироощущения перед лицом войн и революций рубежа веков. На уровне диахронии экспрессионизм показывает себя наследником романтизма, при этом творчески перерабатывая его опыт, и предвещает иронию и скепсис постмодернизма.

В начале XX в. одиночество человека в эпоху переворота устоев было предметом изображения не только экспрессионистов. В белорусской литературе того времени оно сопряжено с мотивом «длющегося бедствия» – череды революций, войн и их политических и социальных последствий. Мотив этот объединяет творчество самых разных по своему художественному складу писателей, становясь своего рода связующим звеном истории отечественной литературы XX в. Такой вывод сделала в своем выступлении «*Увасабленне матыву "навала-кантынуум" у беларускай малой прозе (на прыкладзе апавядання "Семнаццаць год" К. Чорнага)*» *З.И. Третьяк*.

В XXI в. мировая художественная культура претерпевает кардинальные изменения. Их будущие контуры были обозначены еще в конце 1960-х гг. французским ученым А. Молем, который в своей работе «Социодинамика культуры» определил новый способ взаимоотношений художественного творчества и человека. С точки зрения А. Моля, на смену культуре как сумме накопленных знаний приходит феномен следа, отпечатка, который создается в индивидуальной и коллективной памяти посредством разнородных каналов информирования. Исходя из этой концепции, *Н.Б. Лысова* («*Літаратура як герой раманаў А. Бахарэвіча*

¹ («Филологическая наука: история и современность, школы и методы, проблемы и перспективы», 2008; «Историко-теоретическая база современных литературоведческих исследований», 2010; «СЛОВО – ТЕКСТ – КОНТЕКСТ: Методы, способы и приемы анализа литературного произведения и литературного процесса», 2011; и др.).

"Сабаки Еўропы" і "Апошняя кніга пана А."») обратилась к произведениям одного из самых известных современных белорусских писателей и интерпретировала их как рефлексию над пределами литературы и над ее способностью по-прежнему связывать людей между собой посредством духовного и культурного опыта.

Если в настоящем (и будущем) такая связь может представляться проблематичной, то в прошлом она существовала даже поверх языковых и религиозных барьеров. Об этом говорилось в докладе **Д.А. Кондакова** «"Хвала достопочтенному ментору!.." Русские писатели – воспитанники иезуитов». Преследуя миссионерские цели в Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв., активно привлекая в лоно католичества представителей русской аристократии, формируя у них новый духовный опыт, священники из Общества Иисуса также содействовали формированию новых способов художественного высказывания, будь то интимная лирика, дневники частной жизни или свидетельства об обращении в римскую веру.

Несмотря на ёмкое заглавие, наиболее далеким от теоретических обобщений был доклад **М.Д. Пупровой** «Языковые основания художественного перевода». На примере неудач в переводах романов Ч. Буковски и Д. Лоджа на русский язык исследовательница продемонстрировала действенность и сложность принципа, провозглашенного в 2003 г. У. Эко: передать текст на другом языке – значит «сказать почти то же самое».

Пять пленарных докладов стали прологом для работы трех секций, каждая из которых так или иначе развивала озвученные ранее темы. На секции «Национальные литературы в сопоставительном аспекте» были представлены разнообразные случаи рецепции в докладах **Е.А. Папакуля** («"Трамовы Высокага": праблема перадачы формы і зместу пры перакладзе на беларускую мову»), **Е.В. Лушневской** («Мотив клада Нибелунгов: опыт сравнительного анализа»), **А.И. Мозго** («Мильтон и Речь Посполитая»), **Л.И. Семченко** («Предательство дочери мельника" И.В. Гёте: немецкий вариант французского романа»), **А.В. Коротких** («Мотивы романа А. Дюма "Граф Монте-Кристо" в сказочной повести Саши Черного "Кошачья санатория"»), **Е.Ю. Садовской** («Межпоколенческий дискурс как инструмент трансмиссии ценностей: на примере романа Э. Сафарли "Расскажи мне о море"») и **Е.В. Кузнецик** («Литература мигрантов в контексте немецкой литературы после 1945 г.»).

Секция «Национальные литературы в историко-контекстуальном изучении» была построена преимущественно вокруг английской литературы – от эпохи Просвещения (**М.А. Анисимова**, «Отражение национальной истории Англии в эклогах сборника Т. Чаттертона "Поэмы Роули"») и викторианства (**А.С. Жук**, «Трансформация романа-"сенсации" в творчестве У. Коллинза и Э. Вуд») до современности (**О.А. Судленкова**, «Британия 2010-х в романе Дж. Коу "Срединная Англия"»). **Т.М. Гордеёнок** продемонстрировала, как образ из известной немецкой народной книги был переосмыслен романтиками («Образ Фауста в литературе немецкого романтизма»). **А.И. Мишечкина** в докладе «Самоидентификация личности в романном творчестве Дж. Дос Пассоса» проследила, как изменился герой романа с появлением новых повествовательных стратегий в начале XX в.

Секция «Транскультурный диалог в литературе» собрала исследователей-американистов. В их докладах литературные контакты США были показаны как двустороннее взаимодействие, всегда обогащавшее обе стороны, будь то период становления словесности (**О.Ю. Клос**, «В. Ирвинг и Дж.Г. Байрон: литературные взаимосвязи»), Гражданская (**В.С. Кусковская**, «Анималистические образы в военной новеллистике А. Бирса и У. Морроу») или Вторая мировая война (**В.А. Гембицкая-Бортник**, «Аксиологический аспект времени в романе К. Воннегута "Бойня № 5, или Крестовый поход детей"»). **Н.В. Нестер** определила значение античной классики для американской модернистской поэзии («Специфика заголовочного комплекса поэтических сборников Э. Паунда»). Обратившись к новинкам книжного рынка США, **Ю.В. Стулов** продемонстрировал переход от ценностей мультикультурализма как равноправного сосуществования разных культур внутри американской общности к транскультурализму, в рамках которого писатели-эмпатриаты апроприируют ценности новой родины, сохраняя при этом память о родине предков («Коллективная травма в транскультурном контексте: роман Я. Гьяси "Возвращение"»).

Масштаб тематики и предполагаемый ею географический охват настолько велики, что было бы наивным полагать, будто в рамках двухдневной конференции можно получить ответы на все вопросы. Поэтому кафедра мировой литературы и иностранных языков планирует продолжить обсуждение заявленных тем и проблем на грядущих научных мероприятиях.

канд. филол. наук, доц. **Д.А. Кондаков**
(Полоцкий государственный университет)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И СПОСОБЫ ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ
В УСЛОВИЯХ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОКРУЖЕНИЯ»**

(Полоцк, 19–20 ноября 2020 г.)

Проблемное поле Международной научной конференции «Национальный характер и способы его воплощения в культуре и языке в условиях мультикультурного окружения» включает в себя такие аспекты, как культурологические подходы к пониманию национального характера, национальная культура в «чужом» восприятии, языковая картина мира и проблемы межкультурного общения, национальная идентичность, национальная идея и национальный характер в литературе и искусстве.

В нынешних условиях международной научной конференции имела формат телемоста, связавшего между собой пятьдесят историков, лингвистов, литературоведов и культурологов из Беларуси, Латвии, Нидерландов, России и Украины. Трансляция конференции проходила в режиме реального времени, а результатом работы участников конференции явилась видеозапись выступлений. На сайте кафедры славянской филологии Полоцкого государственного университета в разделе «Конференции и мероприятия» (<https://www.psu.by/fakultety/gf/kafedra-slavyanskoj-filologii>) можно скачать файл программы конференции, в котором размещены ссылки на видеодоклады участников.

Конференция проходила на протяжении двух дней. 19 ноября на пленарном заседании были заслушаны три доклада – «О некоторых особенностях истории серболужицкой литературы в славяно-германском контексте» **А.А. Гугнина**, «Особенности изображения национального характера в произведениях южнославянских литератур XIX века» **А.Г. Шейкен** и «Особенности языковой самоидентификации в городском пространстве Полотчины» **М.Д. Путровой**.

После небольшого перерыва были заслушаны доклады **А.А. Кожинской** «Тэксты беларускіх татар як сродак самаідэнтыфікацыі», **З.И. Третьяк** «Мастацкае адлюстраванне жыцця тыла ў часы Першай сусветнай вайны ў беларускай прозе 20–30-х гг. XX ст.», **А.М. Чернококой** «Адлюстраванне асаблівасцей беларускага светапогляду ў прозе першай паловы XX ст. (на матэрыяле аналізу жаночых вобразаў)», **Н.Г. Апанасович** «Спецыфіка адлюстравання памежжа ў апавяданнях В. Адамчыка», **Т.Р. Богорадовой** «Спецыфіка нацыянальнай ідэнтычнасці ў ваеннай аповесці 1980-х гг. У. Дамашэвіча і У. Ліпскага», **А.Л. Коца** «Музычныя інструменты Полацка (на матэрыялах археалагічных раскопак). Агульны агляд», **Н.Б. Лысовой** «Вобраз крытыкі ў рамане А. Бахарэвіча "Апошняя кніга пана А."», **Е.Н. Гусаковой** «Хрысціянства і мусульманства: дыскурс сосуществования в романе-антиутопии Е. Чудиновой "Мечеть Парижской богородицы"», **Н.Н. Зейле** «Кроскультурность протагониста как жанрообразующий элемент в романе Е. Водолазкина "Брисбен"», **А.И. Максимовай** «Роман А. Иванова "Сердце пармы": Какой ценой чужое становится своим?».

В рамках второго дня работы конференции (20 ноября) были заслушаны доклады **Е.Ю. Садовской** «Интерпретация реальности в межпоколенческом дискурсе в русскоязычной лингвокультурах», **Р.А. Кампаделли** «Лингвокультурологический подход к исследованию концептов», **С.Э. Сидельниковой** «Симбиоз традиций и поведенческих паттернов как отражение менталитета голландцев: взгляд белорусской студентки», **И.А. Антиповой** «Национально-культурная специфика русских фразеологизмов в преподавании русского языка как иностранного», **Л.Н. Урбан** «Региональный компонент в организации внеаудиторных мероприятий в практике преподавания русского языка как иностранного», **Н.С. Клишевич** и **Н.С. Куралович** «Сцяна» Ж.-П. Сартра і В. Быкава: сімвалы індывідуальнай самасвядомасці», **С.М. Лясович** «Канцэпт "воля" у паэзіі Уладзіміра Караткевіча».

После небольшого перерыва были заслушаны доклады **Ю.В. Стулова** «Формирование этнической идентичности у подростка: роман Колсона Уайтхеда «Парни из Никелевой колонии», **Н.В. Нестер** «Национальный аспект творчества Эзры Паунда», **Яо Юань** «Проблема идентификации в творчестве американских писателей китайского происхождения», **Е.Е. Никитюк** «Национально-культурный компонент в произведениях Ван Шо», **Е.В. Лушиневской** «Эпическое сознание и особенности его отражения в народном героическом эпосе «Песнь о Нибелунгах» (на материале переводов со средневерхненемецкого на русский язык)» и **О.Б. Федоренко** «Национальные украинские герои казаки-характерники в восприятии других народов (на материале украинской романистики XX столетия)».

По разным причинам многие из заявленных в программе конференции докладов не смогли быть представленными в режиме реального времени, поэтому с их текстами можно будет познакомиться в сборнике материалов Международной научной конференции «Национальный характер и способы его воплощения в культуре и языке в условиях мультикультурного окружения».

канд. филол. наук, доц. **Н.В. Нестер**
(Полоцкий государственный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Чарнавокая А.М.</i> Даследаванне праблемы псіхалагізму ў беларускай прозе ў працах А.П. Матрунёнкі	2
<i>Лушневская Е.В.</i> Трудности передачи средневекового мировоззрения в переводах «Песни о Нибелунгах» на русский язык	7
<i>Барычэўская Т.Г.</i> Наватарскі характар развіцця драматургіі ў XX стагоддзі	12
<i>Трацяк З.І.</i> Спецыфіка ўвасаблення Першай сусветнай вайны ў амерыканскай літаратуры	17
<i>Семчэнок Л.И.</i> Образ Ленина в рассказе С. Цвейга «Пломбированный вагон»	23
<i>Степанова А.В.</i> Кризис идентичности в немецком «романе поворота»	28
<i>Лапцёнак І.Б.</i> Міжлітаратурны дыялог у асэнсаванні творчасці Сяргея Ясеніна яго літаратурнымі сучаснікамі (па матэрыялах беларускага друку)	33

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Путрова М.Д.</i> Языковая ситуация в городском пространстве Полотчины в статике и динамике: гендерный аспект	38
<i>Мезенка Г.М.</i> Назвы вуліц г.п. Бялынічы ў тапаніміконе Магілёўшчыны: да праблемы паўтаральнасці	44
<i>Романчук Ю.В.</i> Структурно-семантическая классификация энантиоморфем белорусского языка (на материале глагольной лексики)	50
<i>Кампаделли Р.А.</i> Теоретические вопросы лингвокогнитивного анализа и концептуализации мира	58
<i>Солодовникова Т.В.</i> Особенности действия факторов, обуславливающих процесс межкультурных информационных взаимодействий в контексте национальной безопасности	66
<i>Мирошниченко А.С.</i> Образ «простого человека» в медиакартине современных белорусских СМИ	72
<i>Дереченик А.И.</i> Глаголы речи как экспликаторы категорий информативности и интенциональности (на материале романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»)	78
<i>Хомуськова Н.Ф.</i> Влияние экстралингвистических и лингвистических факторов на состав лексико-семантической группы глаголов разрушения в английском языке среднеанглийского периода	83
<i>Галынская А.А.</i> Идиоматичность и образность русских и английских фразем в лексико-фразеологическом поле «деньги, платежи и финансовые операции (ЭкТ)»	88
<i>Угринович Н.В.</i> Сочетаемость характеристики присоединенного элемента в немецком разделенном вопросе	94
<i>Старасценка Т.Я.</i> Дынаміка камунікатыўнай прасторы праявінага дыскурсу Васіля Быкава	100

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Международный научно-практический семинар «Уровневая концепция владения русским как иностранным в системе российского и белорусского вузовского образования», Полоцк, 20 марта 2020 г. (<i>Н.В. Несцер</i>)	104
Международная научная конференция «Мировая литература в становлении: перекрестки, контакты, посредники», Полоцк, 15–16 октября 2020 г. (<i>Д.А. Кондаков</i>)	105
Международная научная конференция «Национальный характер и способы его воплощения в культуре и языке в условиях мультикультурного окружения», Полоцк, 19–20 ноября 2020 г. (<i>Н.В. Несцер</i>)	107